

902.6 (Дан)
Г. 50

Л. Б. ГМЫРЯ

СТРАНА ГУННОВ
У КАСПИЙСКИХ
ВОРОТ

Л. Б. ГМЫРЯ

902.6 (Даг)
Г55

СТРАНА ГУННОВ У КАСПИЙСКИХ ВОРОТ

*Прикаспийский Дагестан
в эпоху Великого переселения
народов*

instituteofhistory.ru

Дагестанское книжное издательство
Махачкала 1995

ББК 63.3 (2Р37)

Г—55

Гмыря Л. Б.

Г — 55 Страна гуннов у Каспийских ворот. —
Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995.—228 с.

Данное исследование освещает историю, быт, древние культы и верования племен, обитавших в Прикаспийском Дагестане в IV—VIII вв. н. э.

Автор — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института ИАЭ ДНЦ РАН, археолог — специалист в области раннесредневековой истории и археологии Дагестана. Ее перу принадлежат монография «Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов» (Махачкала, 1993), десятки научных публикаций.

158624
Махачкала

Научная библиотека

ДагДНЦ СССР

0505000000 — 36

Г

М 123—95

6—95

© Гмыря Л. Б., 1995

ISBN 5—297—01099—3

*Вере Павловне Дзагуровой,
подготовившей не одно поколение
историков Дагестана, посвящается.*

ВВЕДЕНИЕ

В Прикаспийский Дагестан с древнейших времен, а именно, с конца III — начала II тыс. до н. э. проникали массивы кочевых племен. В раннем средневековье этот регион был местом постоянного обитания многочисленных кочевых и полукочевых племен ирано- и тюркоязычного мира - маскутов, алан, хайландурков, гуннов, басилов, угоров, сарагур, оногур, савиров, хазар, тюрок и др. Наиболее важной политической и военной силой в Восточном Предкавказье с конца IV до начала VIII в. выступают племена гуннского круга, а Прикаспийский Дагестан называется в древних трактатах землей, страной или царством гуннов.

Возможно, что этноним «гунны» является собирательным именем разноязычного населения Прикаспийского Дагестана в гуннскую эпоху, в том числе и местного земледельческого, издревле жившего на землях, где вдоль западного побережья Каспия проходили важные торговые пути.

Древние авторы зачастую характеризовали гуннов как народ, внешний облик, образ жизни и деяния которого внушали отвращение и ужас так называемым «цивилизованным» народам. Негативная оценка гуннов, сформировавшаяся еще в древности, играет решающую

роль и в современных исследованиях при характеристике, в частности, Гуннского союза Прикаспия. Однако, как отмечает А. В. Гадло, «при характеристике гуннских передвижений конца IV в. над сознанием историков еще довлеет представление о них обывателя Римской империи, не понимавшего глубоких внутренних причин кризиса античной цивилизации, а потому искавшего их вне привычного ему социального порядка — в мире варваров, которые казались ему «семенем и началом всех несчастий и ... бедствий» (Аммиан Марцеллин) (Гадло А. В. 1979. С. 10). Отмечая пагубные последствия глобальных передвижений кочевых племен в раннем средневековье в истории народов Юго-Восточной Европы, в том числе и Северного Кавказа, многие исследователи действительно не учитывают сложных процессов взаимодействия местного оседло-земледельческого и кочевого населения с пришлыми кочевыми племенами.

Археологические исследования в Прикаспийском Дагестане выявили большое количество городищ, поселений и могильников раннесредневекового времени, многие из них раскопаны. Материалы раскопок не подтверждают устоявшегося в литературе мнения о массовых разгромах поселений, упадке и запустении значительных территорий. Напротив, именно культурные слои V—VII вв. фиксируют подъем экономического и культурного развития.

Решение проблемы гуннов возможно на основе комплексного использования разнообразных источников: археологических, письменных, этнографических, фольклорных, языковедческих. Нами планируется издание работ, посвященных культуре населения Прикаспийского Дагестана в эпоху Великого переселения народов, освещающих письменную историю региона, включающих характеристику материальной культуры раскопанных поселений и городов, погребального обряда и ар-

хитектуры погребальных сооружений многочисленных могильников

Настоящее исследование является вторым в серии задуманных *.

Оно полностью основано на данных письменных источников о Прикаспийском Дагестане, крупными разбросанными в исторических сочинениях, географических трактатах и атласах, хронографах и летописях, а также дипломатических документах и поэтических произведениях. Мы попытались воссоздать объективную картину исторического развития племен Прикаспийского Дагестана в раннем средневековье — политической истории, социально-экономического, этнокультурного развития и идеологии.

Ограниченный печатный объем работы не позволяет нам привести подробную характеристику трудов современных исследователей по изучаемой проблеме, но в разработке отдельных вопросов настоящего издания показан вклад каждого в решение проблемы гуннов Прикаспия (М. И. Артамонов, Н. В. Пигулевская, А. В. Гадло, С. Г. Кляшторный, А. И. Новосельцев, А. Р. Шихсаидов, Я. А. Федоров, Г. С. Федоров, В. Г. Котович, Ю. Р. Джафаров и др.). В работе широко использованы этнографические материалы, полученные исследователями с территории исторического обитания гуннских племен в Дагестане, лингвистические исследования и фольклорные материалы (С. Ш. Гаджиева, Б. М. Алимова, А. Г. Булатова, Г. А. Гаджиев, А. М. Аджиев, Х. М. Халилов, Н. -И. С. Джидалаев).

*В 1993 г. вышла в свет работа «Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники», где на основе археологических материалов освещается погребальный обряд населения региона (Гмыря Л. Б., 1993).

Мы посвятили эту книгу Вере Павловне Дзагуровой, долгие годы являвшейся доцентом исторического факультета Дагестанского государственного университета. Ее блестящий ум, широкая эрудиция, высокая культура и человечность являются для нас примером беззаветного служения Отечеству.

Автор выражает глубокую признательность проф. С. Ш. Гаджиевой, проф. С. А. Плетневой, а также проф. А. Р. Шихсаидову, рекомендовавшим исследование к изданию.

. Наша благодарность всем друзьям и коллегам, особо — художнику М. А. Малагитинову и к. и. н. Р. Г. Магомедову, выполнившим иллюстрации к книге, а также к. и. н. М. С. Гаджиеву, принявшему товарищеское участие в судьбе книги в период ее издания.

Издание книги осуществлено при содействии Кумыкского Национального совета Республики Дагестан, которому автор выражает благодарность.

ДРЕВНИЕ АВТОРЫ О ПРИКАСПИЙСКОМ ДАГЕСТАНЕ

О племенах Прикаспия времени Великого переселения народов оставили свидетельства античные и восточные авторы. Труды, содержащие сведения о Прикаспии, написаны на латинском, греческом, древнеармянском и грузинском языках. Данных о Прикаспии довольно много в арабоязычной и персоязычной литературе, в источниках на древнееврейском и турецком языках. Эти труды разнообразны — исторические сочинения, географические справочники, путеводители, карты, летописи, записки путешественников, отчеты военных деятелей и государственных служащих, стихотворные сочинения придворных поэтов.

1. АНТИЧНЫЕ И РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ

В трудах западноримских и ранневизантийских писателей наряду с обширными данными о многих странах и народах, имеется довольно много сведений о Прикаспийском Дагестане, но все они в основном касаются племен гуннского круга.

Древнейшее упоминание о гуннах Прикаспия относится ко II в. н. э. В середине II в. античный писатель **Дионисий Периегет** в стихотворном сочинении «Описание населенной Земли» называет гуннов (уннов), обитавших у северо-западного побережья Каспия. О Дионисии известно, что родом он из Египта, писал при императоре Адриане (117-138). Многие его сведения о локализации племен являются достоверными и согласуются с древневосточными данными.

Во второй половине II в. н. э. гуннов (хуннов) отмечает там же знаменитый александрийский астроном и географ **Клавдий Птолемей**, живший во времена римского императора Марка Аврелия (160-180).

В трудах античных и византийских авторов-современников Великого переселения народов сведения о каспийских гуннах появляются с конца IV в.

Самые ранние для этого времени данные о каспийских гуннах имеются у **Евсевия Иеронима** — одного из знаменитейших церковных историков. Евсевий Иероним родился около 348 г. в Стридоне, пограничном городке Далмации и Паннонии, образование получил в Риме, много странствовал. В 389 г. уединился в основанном им монастыре в Вифлееме, где и написал большинство своих сочинений: исторические — «Перевод и продолжение Евсеевой хроники», труды по переводу священного писания, проповеди, письма и др. В одном из писем, написанных в 396 г., Евсевий сообщает о вторжении в 395 г. каспийских гуннов в Малую Азию и Сирию. Об этом

же события он повествует в другом письме, написанном в 399 г.

Некоторые сведения о каспийских гуннах имеются и у современника Евсевия **Клавдия Клавдиана** (375-404). Клавдий Клавдиан родился в Александрии, в 394 г. переехал в Рим. Долгое время служил при дворе видного военно-политического деятеля Стилихона. Сохранились многочисленные поэтические произведения Клавдия Клавдиана, в них он часто касается разнообразных политических событий, современником которых ему довелось быть. В одном из стихотворений, направленном против Руфина, — приближенного восточноримского императора Аркадия (395-408) — «На Руфина», содержатся данные о том, что каспийские гунны проникли в восточные провинции Византии.* Клавдий Клавдиан обрисовывает также этнографический портрет гуннов.

Другой латинский поэт — **Руфий Фест Авиен**, живший во второй половине IV в., составил стихотворный перевод «Землеописания» Дионисия. В нем помещены данные о том, что вблизи Каспийского моря, рядом с албанцами, обитают скифы, под именем которых скрывались, видимо, каспийские гунны.

Одним из самых ярких и самобытных светских историков IV в. был **Аммиан Марцеллин**. Прямых свидетельств о каспийских гуннах у Аммиана Марцеллина нет, но мы использовали сведения, приводимые им в его «Истории» о европейских гуннах, перекликающиеся с данными о каспийских гуннах, име-

* Книги против Руфина написаны в 395—396 гг.

ющимися у других авторов. Это в основном сведения этнографического характера.

Аммиан Марцеллин — грек по происхождению, родился около 333 г. в Антиохии, умер около 400 г. Он выходец из среды языческой греческой интеллигенции Сирии. С 354 г. несколько лет служил при знаменитом римском полководце Урзicine. Под его руководством участвовал в войне с Персией (359 г.) и варварами на Западе, в Германии и Галлии. Аммиан Марцеллин был также очевидцем военной кампании, предпринятой императором Юлианом (361—363) против персов в 363 г., закончившейся разгромом римской армии и смертью Юлиана (Удальцова З. В. 1984. С. 124—125).

В 363 г. Аммиан Марцеллин оставил военную службу и возвратился в Антиохию. Он много путешествовал, посетил Египет и Грецию. На рубеже 80-х годов IV в. Аммиан Марцеллин переселился в Рим, где занялся составлением своего труда «Деяния» или «История», состоявшего из 31 книги. Первые тринадцать книг до нас не дошли, в сохранившихся книгах описываются события 353—378 гг.

Ценность труда Аммиана Марцеллина состоит прежде всего в том, что в его основу были положены собственные жизненные наблюдения. Использованы им также рассказы очевидцев и документы государственных архивов.

Для нашей темы представляет интерес подробное описание внешнего облика гуннов, характера пищи, архитектуры жилищ. Мы находим в «Истории» Аммиана Марцеллина

информацию о социальном устройстве гуннского союза в ранний период Великого переселения народов, уровне развития военного дела и вооружения. Имеются у Аммиана Марцеллина также некоторые свидетельства о занятиях гуннов.

Сведения общего характера о вооружении европейских гуннов имеются у **Флавия Вегетия Рената** — латинского писателя, автора «Краткого очерка военного дела» в 4-х книгах. Сочинение было написано в период между 383 и 450 гг. Флавий Вегетий Ренат отмечает, что система вооружения и защиты, принятая у алан, готов и гуннов, оказала свое влияние на развитие военного дела в римской армии.

Авторы V в. знают о каспийских гуннах все так же мало, как и их предшественники.

Византийский историк и дипломат **Приск Панийский**, отличавшийся глубокими и разносторонними познаниями, написал в 70-х годах V в. знаменитое сочинение — «Византийская история и деяния Атиллы»*, содержащее подробный рассказ о византийском посольстве 448 г. к правителю европейских гуннов Атилле, сохранившееся лишь во фрагментах. Приск родился в первой четверти V в. в г. Панионе, во Фракии, умер предположительно после 472 г. (Удальцова З. В. 1967. С. 19-20; 1984. С. 371). Приск был участником византийского посольства знатного вельможи Максимиана в Паннонию к Атилле. Считается,

* Название сочинения Приска дается по З. В. Удальцовой (Удальцова З. В. 1984. С. 372).

что в основу своего труда Приск положил ведшиеся им дневниковые записи. Возможно, им использовались также материалы дипломатической переписки, донесения византийских послов и другие документы из императорской библиотеки (Удальцова З. В. 1984. С. 372-373).

Хотя в подробном рассказе Приска о ставке Аттилы содержатся разнообразные сведения о европейских гуннах, но для нас он также представляет интерес как сравнительный материал при характеристике некоторых сторон жизни каспийских гуннов. В сочинении Приска приводится описание гуннских поселений, характеризуется архитектура дворцов Аттилы и его приближенных, в деталях описано внутреннее убранство покоев Аттилы и его жены Креки.

Для нашей темы представляет также интерес детальное описание Приском разнообразных приспособлений для штурма укреплений, находившихся на вооружении гуннских войск в 40-х годах V в. Штурмовые приспособления европейских гуннов находят прямые аналогии среди подобных орудий гуннов — савир Прикаспия, о которых сообщает Прокопий Кесарийский (VI в.).

Сведения о ранней истории гуннов имеются у другого византийского историка V в. **Зосимы**. Он автор огромного исторического сочинения, известного под названием «Новая история». Создано оно было в правление императора Анастасия (491—518), около 498 г. и увидело свет уже после смерти автора. В «Новой истории» Зосимы освещается история Римского государства от воцарения Августа

(27 г. до н. э.) до 410 г. н. э. О жизни Зосимы известно мало: жил во второй половине V в. в Константинополе, где занимал высокие должности в финансовом управлении Византийского государства (Удальцова З. В. 1984. С. 145). В его «Новой Истории» помещены сведения о появлении гуннов в 375 г. у Истра и, что важно, Зосим отмечает, что гунны пришли в Европу из Азии. Считается, что при описании событий IV—V вв. Зосим опирался на труды византийских историков Евнатия (345—420) и Олимпиодора (V в.), которые сохранились в отрывках. Олимпиодор в 412 г. с дипломатической миссией в составе византийского посольства посетил гуннов, обитавших в этот период на северо-западном побережье Черного моря (Удальцова З. В. 1984. С. 143—144).

Сведения о территории обитания каспийских гуннов (скифов-тунов) помещены римским географом V в. **Юлием Гонорием** в комментарии к его карте — «Описание мира».

В «Землеописании» **Присциана**, жившего во второй половине V — начале VI в., сохранился латинский пересказ «Землеописания» Дионисия Периегета.

В своей работе мы использовали некоторые данные о европейских гуннах, приводимые в стихотворной форме **Аполлинарием Сидонием** — епископом Клермона, жившим примерно в 430—480 гг. Сохранился сборник его стихотворений и девять книг писем. В одном из стихотворений — «Панегирик, сказанный Антемию Августу, вторично консулу» Аполлинарий Сидоний дает описание внешности гуннов, приводит сведения о способах дефор-

мации черепа, принятой среди гуннов, имеются у него также данные о вооружении гуннского воина, организации военного дела и некоторые свидетельства об экономике гуннского общества.

Наиболее ценные сведения о племенах, обитавших в Прикаспийском Дагестане, содержатся в сочинениях выдающегося византийского историка VI в. **Прокопия Кесарийского**. Прокопий родился в Кесарии Палестинской между 490 и 507 гг. (Удальцова З. В. 1984. С. 149). Он был сирийским греком, происходил из знатной семьи и получил превосходное образование. В 533 г. Прокопий стал советником знаменитого византийского полководца Велисария, что дало ему возможность быть свидетелем всех войн, происшедших при Юстиниане I (527—565). Дважды он сопровождал Велисария в походах против персов: 527—531 гг. и 541 г. В 543 г. Прокопий приступил к написанию своего первого исторического сочинения «История войн римлян с персами, вандалами и готами» в восьми книгах, первая редакция ее увидела свет в 550 г. (Удальцова З. В. 1984. С. 152).

Прокопиевы источники разнообразны: собственные впечатления, сочинения предшественников, сведения, сообщаемые участниками событий. Сочинения Прокопия исправительно считаются неоценимым источником для изучения этногенеза, общественного строя, религии, быта и нравов многих племен и народов, с которыми сталкивалась Византия в VI в. (Удальцова З. В. 1984. С. 159). Его сведения этнографического, топонимического и географического характера признают-

ся исследователями достаточно достоверны (Удальцова З. В. 1984. С. 159.)

Для нашей темы в «Историях» Прокопия имеется очень много ценных данных. Прокопий был хорошо осведомлен о местоположении кавказских проходов, которыми пользовались каспийские гунны, проникая в Закавказье. В главе XV первой книги он впервые упоминает гуннов-савир, состоявших на службе персидского царя Кавада (488—496; 499—531). Больше всего свидетельств о савирах имеется в разделах книги, посвященных ирано-византийской войне в Закавказье из-за Лазики (550—556 гг.). В книге второй Прокопий среди разнообразных сведений приводит также описание областей, городов и народов, подвластных Персии и Византии, помещая гуннов-савир рядом с аланами, авасгами и зихами. Очень важна информация Прокопия об уровне социально-экономического развития гуннских племен, обитавших в Прикаспии, о военно-политических союзах каспийских гуннов, интересны известия о военной технике гуннов-савир.

Немало данных о гуннах Прикаспия имеется и у современника Прокопия — поэта и историка **Агафия Миринейского** (род. ок. 536 г. — ум. ок. 582 г.). Агафий был уроженец г. Мирины в Малой Азии. Детство и юность Агафия прошли в состоятельной и образованной семье, классическое образование он получил в Александрии. Впоследствии ему пришлось зарабатывать на жизнь адвокатской деятельностью. В зрелом возрасте он становится историком. Труд Агафия «О царствовании Юстиниана», охватывающий ис-

торию Византии в период с 552 г. по 558 г., является непосредственным продолжением «Истории войн» Прокопия. К написанию своего сочинения Агафий приступил ок. 570 г., но оно осталось незаконченным, Агафий умер в возрасте ок. 46 лет (Удальцова З. В. 1984. С. 162). Ценность труда Агафия состоит в том, что он был современником описываемых событий, многие сведения почерпнуты им из сочинений античных и византийских авторов и, что особенно важно, из не дошедших до нас персидских хроник. Агафий использовал также официальные документы византийского двора, рассказы офицеров, послов, купцов, переводчиков.

Основное внимание Агафий уделяет внешне-неполитическим событиям — войнам Византии с различными народами. В своем труде Агафий отводит много места народам Кавказа и Северного Причерноморья, участвовавшим в ирано-византийской войне за Лазику. Среди наемников у римлян и персов он указывает на гуннов-савир, называет имена их вождей. Особенно интересными являются сведения, сообщаемые Агафием относительно военного искусства савир.

Продолжателем и младшим современником Агафия был **Менандр Византиец (Протиктор)**. Он родился в Константинополе (дата рождения Менандра, как и год смерти неизвестны), в семье среднего достатка, по образованию — юрист. Его «История» сохранилась во фрагментах, охватывающих период с 558 по 582 гг. Источниками Менандра были подлинные исторические материалы — официальные дипломатические и военные доку-

158624

менты, а также исторические сочинения, рассказы очевидцев, личные наблюдения (Удальцова З. В. 1984. С. 387). В своей «Истории» Менаандр отмечает то большое значение, которое придавалось Византией северокавказским народам, в том числе и савирам Прикаспия в войне с Персией.

В конце VI в. историк-дипломат **Феофан Византиец** написал исторический труд в 10 книгах, охватывающий период с 565 по 581 гг., он сохранился фрагментарно в выписках патриарха Фотия. Дошедшие до нас части труда Феофана Византийца посвящены в основном внешнеполитической истории второй половины VI в. Основное внимание автор уделяет взаимоотношениям Византии и Ирана. В сочинении Феофана Византийца имеются сведения об участии савир Прикаспия в качестве союзников персов в ирано-византийской войне 571—591 гг.

Византийский историк VII в. **Феофилакт Симокатта** был продолжателем Менаандра Византийца. Он родился в Египте в знатной семье, разностороннее образование получил в Афинах. «История» Феофилакты Симокатты была написана между 628 и 638 гг. (Удальцова З. В. 1967. С. 37), она охватывает события с 582 по 602 гг. В своем историческом сочинении Феофилакт Симокатта использовал труды более ранних византийских авторов, документальные материалы, рассказы современников. В его «Истории» упоминается о савирах в связи с их разгромом псевдоаварами, вторгшимися в Прикаспийские степи.

Феофан Исповедник (ок. 760—818) — автор «Хронографии», охватывающей период с

284 по 813 гг. Он родился в семье знатного и богатого византийского чиновника. Свою деятельность Феофан Исповедник начинал как чиновник, но впоследствии посвятил себя монашеской жизни и основал несколько монастырей, развалины одного из них сохранились до наших дней (Чичуров И. С. 1980. С. 17). «Хронография» была составлена Феофаном Исповедником как продолжение всемирной хроники его друга Георгия Синкела. Труд Феофана Исповедника был написан в 810—814 гг. Источниками для него были сочинения предшественников.

В «Хронографии» под 516-517 гг. Феофан Исповедник сообщает о гуннах-савирах, которые через Каспийские ворота вторглись в страны Закавказья и Передней Азии. Феофан Исповедник повторяет данные сирийского автора Иоанна Малалы (491-578), писавшего по-гречески, о характере политики гуннов-савир в отношениях с Персией и Византией, им приводятся также ценнейшие сведения Иоанна Малалы о междоусобной борьбе вождей гуннских племен и численности Гуннского союза Прикаспия в начале VI в. В «Хронографии» Феофана содержатся некоторые сведения о политической истории каспийских гуннов в первой четверти VII в., а также о событиях арабо-хазарских войн первой половины VIII в.

2. СИРИЙСКИЕ ХРОНОГРАФЫ И ИСТОРИКИ

Свидетельства сирийских авторов о племенах Прикаспия гуннского круга отличаются

насыщенностью сведений о различных сторонах их деятельности и быта.

Очень важным источником для нашей темы является «Хроника» сирийского монаха **Иешу Стилита**, составленная ок. 517 г. До нашего времени «Хроника» Иешу Стилита дошла как составная часть «Хроники» Дионисия Тельмахрского (IX в.). Ценность сведений, сообщаемых Иешу Стилитом, состоит в том, что, как отмечает Н. В. Пигулевская, «автор сообщает о событиях, к которым он сам был причастен, пережил их и, во всяком случае, был их современником» (Пигулевская Н. В. 1940. С. 9). В «Хронике» повествуется о некоторых эпизодах ирано-византийской войны 502 — 506 гг. В частности сообщается об осаде войсками персидского шаха Кавада городов Федосиополь, Ападна, Эдесса, Харран. В персидском войске сражались наемники из каспийских гуннов, о чем сообщает хронист. Важными также являются сведения Иешу Стилита о вооружении гуннов и организации их отрядов, входивших в состав войск персов.

Иешу Стилит в первой части «Хроники» пересказывает сведения более ранних авторов, в частности, о походе каспийских гуннов в 395-396 гг. в Византийские владения, в результате которого была разграблена Сирия.

Особым источником для нашей темы является «Хроника» другого сирийского автора — **Псевдо-Захарии**, составленная не позже 570-571 гг. (Пигулевская Н. 1941. С. 23). Анонимный автор, именуемый в исторической литературе Псевдо-Захарием, как считают, был уроженцем г. Амиды (Удальцова З. В. 1984.

С. 226). В своей «Хронике» он использовал ряд источников, преимущественно греческие книги. Составной частью его труда (книги III—VI) стала «Церковная история» Захарии Ритора (ок. 480—ок. 560), епископа Митиленского.

В «Церковной истории» Захарии Ритора описывается история Византии с 436 г. по 491 г. (Пигулевская Н. 1941. С. II; Удальцова З. В. 1967. С. 51). Псевдо-Захария продолжил изложение событий до 569 г. Книги I—II и VII—XII собраны автором из сочинений предшественников (Пигулевская Н. 1941. С. 11—13; Удальцова З. В. 1984. С. 226).

В книгах VIII и IX Псевдо-Захарием помещены сведения о вербовке гуннов Прикаспия персами во время осады г. Майферката (532 г.), о походе гуннов в 532 г. в Месопотамию, подвластную Византии. Автор называет имя военачальника войск каспийских гуннов, который возглавлял один из отрядов византийцев во время осады персами г. Дары.

В седьмой главе XII книги Псевдо-Захария помещает фрагмент из географии Птолемея, ошибочно приписывая это сочинение египетскому царю Птолемею Филометру (Пигулевская Н. 1941. С. 80). Сирийский компилятор делает прибавление к «Географии» Птолемея, представляющее, как отмечает Н. В. Пигулевская, выдающийся интерес (Пигулевская Н. 1941. С. 80). Эта часть «Хроники» Псевдо-Захарии была составлена, как полагает Н. В. Пигулевская, в 555 г. (Пигулевская Н. 1941. С. 81). Для нашей темы принципиальное значение имеют сведения Псевдо-Захарии

о том, что Каспийские ворота и море находились «в пределах гуннских». Среди тринадцати народов, живущих «за воротами», Псевдо-Захария называет и сабир.

Исключительный интерес представляет та часть хроники сирийского компилятора, в которой содержится ряд подробных сведений о миссии армянского епископа Кардоса к каспийским гуннам, осуществлявшей христианизацию некоторых племен Гуннского союза в период с 537 по 544 гг., о введении в 544 г. письменности у гуннов. Деятельности другого армянского епископа Макара сирийский компилятор приписывает продолжение христианизации гуннов в период с 544 по 555 гг.

Эти сведения переданы Псевдо-Захарием со слов двух византийских пленников, проживших среди каспийских гуннов тридцать четыре года. Подробности их личной судьбы в период пребывания у гуннов (503—537 гг.), переданные сирийским компилятором, освещают многие стороны жизни каспийских гуннов, в том числе взаимоотношения Гуннского союза и Византии в первой трети VI в., уровень развития общественных и экономических отношений, характер занятий населения.

3. АРМЯНСКИЕ ИСТОРИКИ

В армянских исторических сочинениях сохранились сведения о раннем проникновении гуннов в Закавказье в первой четверти III и первом десятилетии IV вв. н. э.

Агафангел (писал в нач. V в.) в своем труде «История Трдата и обращение армян в христианскую веру», охватывающем период

от 226 г. до 330 г., впервые в армянской историографии упоминает гуннов как участников совместного военного похода армян и кавказских народов против персов, имевшего место в 227 г. Второе упоминание гуннов у Агафангела относится ко времени царствования Трдата III (287—330).

Моисей Хоренский — один из знаменитейших исторических писателей Армении в своем сочинении «История Армении» повторяет рассказ Агафангела. Считается, что родился Моисей Хоренский между 410 и 415 гг., труд его был создан между 475—480 гг., когда автору было 65 — 70 лет (Мкрян М. М. 1969. С. 17). Существует также мнение, что деятельность Моисея Хоренского относится к VII или IX в. (См.: Новосельцев А. П. 1990. С. 29). Возможно также, что в «Истории» Моисея Хоренского имеются позднейшие вставки переписчиков. Его «История» охватывает события с древнейших времен до 428 г. Во второй из трех книг Моисея Хоренского упоминаются «земли гуннов», до границ которых преследует вторгшихся в Закавказье басиллов армянский царь Трдат III. А. П. Новосельцев полагает, что здесь речь идет о событии, имевшем место в VI в. н. э. (Новосельцев А. П. 1990. С. 29—30). В «Истории» Моисея Хоренского содержатся также интересные данные о том, что во «владения гуннов» изгоняются сторонники «языческой ереси» из Армении.

Наиболее достоверная информация о каспийских гуннах у армянских писателей относится к V в.

Егише Вардапет (V в.) в историческом со-

чинении «О Вардане и войне армянской» свидетельствует о поддержке каспийскими гуннами восставших против персидского владычества армян в 450—451 гг.

Младший современник Егише **Фавстос Бузанд** в «Истории Армении», написанной в 70 г. V в., сообщает об участии гуннов вместе с аланами в битве армян во главе с царем Аршаком II (350 — 368) против войск персидского царя Шапура II (309—379).

В «Истории Армении» **Лазаря Парбского (Парбеци)**, написанной в 485 г. (Джафаров Ю. Р. 1985. С. 68), содержится ряд интересных данных о племенах Прикаспия гуннского круга. В частности, сообщается о взятии союзными войсками закавказских стран в 450 г. крепостных сооружений, носящих наименование «пахак хонов» (оборона от хонов) (См.: Тревер К. В. 1959. С. 209, 271; Артамонов М. И. 1962. С. 58). Автор свидетельствует о том, что в антиперсидском восстании 481—484 гг. армяне стремились заручиться поддержкой как византийцев, так и каспийских гуннов (См.: Джафаров Ю. Р. 1985. С. 70).

Много сведений о каспийских гуннах помещено в «Армянской географии», автором которой долгое время считался Моисей Хоренский, писатель V в. В настоящее время считается, что две дошедшие до нас редакции «Армянской географии» составлены в VII в. (Тревер К. В. 1959. С. 19; Артамонов М. И. 1962. С. 17; Новосельцев А. П. 1990. С. 30). Многие исследователи полагают, что автором «Армянской географии» был армянский математик и астроном VII в. Анания Ширакаци

(Подробную библиографию см.: Новосельцев А. П. 1990. С. 43).

В краткой редакции «Армянской географии» указывается на гуннов, живущих севернее Дербента, а также называется их, видимо, главный город Варачан. В пространной редакции «Армянской географии» называется «царство гуннов», расположенное севернее Дербента вблизи моря, и три его города — Вараджан, Чунгарс и Мондр. Здесь же помещены данные о местах обитания савир, маскутов и других племен. Сведения эти датируются 60 — 80-ми годами VII в. (Новосельцев А. П. 1990. С. 30).

Другой исторический трактат «История императора Иракла», написанный в 50—60-х годах VII в., принадлежит перу епископа Себеоса. В литературе последних лет авторство Себеоса стало оспариваться (См.: Новосельцев А. П. 1990. С. 30). В истории Себеоса излагается древняя история армян, но наиболее оригинальной ее частью считается раздел от конца VI в. до 661 г., которым заканчивается повествование (Новосельцев А. П. 1990. С. 30).

В «Истории» Себеоса имеется ряд ценных сведений о локализации каспийских гуннов. Автор сообщает также об участии каспийских гуннов в некоторых операциях ирано-византийской войны 571—591 гг., об их борьбе с арабским нашествием.

Более поздний историк Вардапет Гевонд (конец VIII в.), труд которого «История халифов Вардапета Гевонда» является важным источником по истории арабо-хазарских войн, упоминает к северу от Дербента «страну гун-

нов» и «гуниский город Тарпу». Интересными также являются сведения Гевонда, характеризующие гуно-хазарские взаимоотношения.

Сведения Гевонда о походе арабов 716 — 717 г. в «страну гуинов» приведены также Степаносом Таронским (род. ок. 928 г., умер в 40 г. XI в.) во «Всеобщей истории». Он также повторяет рассказы Агафангела и Моисея Хоренского о вторжении в первом десятилетии IV в. басилов в Закавказье.

Автор XIII в. Вардан Великий во «Всеобщей истории», доведенной до 1267 г., сообщает о взятии арабскими войсками во главе с Мерваном во время похода 737 г. гунского города Варачана.

4. АЛБАНСКИЕ ИСТОРИКИ

Основным источником по истории каспийских гунов является «История страны алванж»*, посвященная Кавказской Албании. Она написана на древнеармянском языке. Сохранилось 28 списков «Истории страны алван», древнейший из которых переписан в 1289 г. Ранние списки названия сочинения и имени его автора не содержат. Имя автора этого труда впервые появляется на рукописях XVIII в. (Акопян А. А. 1987. С. 166) в форме Мовсес Каланкатуаци.

Проблеме авторства «Истории страны ал-

* Название сочинения дается по А. П. Новосельцеву (Новосельцев А. П. 1990. С. 31). В публикациях название этого труда различается: «История агванж» (К. Пагканыян), «История страны Алуанк» (Ш. В. Смбатян), «История Албании» (А. А. Акопян).

ван» и времени создания труда посвящена обширная литература (См.: Акопян А. А. 1987. С. 150—242). Современные исследователи в большинстве своем считают, что «История страны алван» написана Мовсесом Каланкатуаци. Существуют однако и другие точки зрения. Проблемной является и датировка оригинала сочинения. О времени составления «Истории страны алван» сложилось две точки зрения. Приверженцы первой из них полагают, что это историческое сочинение написано в VII в. (или VIII в.) и включало первые две книги, книга третья (или значительная ее часть) добавлена в X в. (или начале XI в.) (Тревер К. В. 1959. С. 16; Артамонов М. И. 1962. С. 18; Мамедова Ф. 1977. С. 65 и другие исследователи. (См.: Акопян А. А. 1987. С. 169—170).

Ряд исследователей (См.: Акопян А. А. 1987. С. 170—177) считает, что «История страны алван» является компилятивным сочинением Мовсеса Дасхуранци, составленным в X в., точнее между 982 и 988 гг. из более ранних источников (Акопян А. А. 1987. С. 223).

Составитель «Истории страны алван» использовал труды Моисея Хоренского, Агафангела, Петра Сюнеци, Егише и других армянских историков, а также эпистолярные источники, жития святых.

Для нашей темы исключительный интерес представляют те части «Истории страны алван» (главы 9—45 второй книги), в которых имеются сведения о каспийских гуннах. События, о которых повествуется в этих главах, датируются VII в. (Тревер К. В. 1959. С. 16; Артамонов М. И. 1962. С. 18; Акопян А. А.

1987. С. 169, 189 — 199; Новосельцев А. П. 1990. С. 31). А. А. Аюкян полагает, что главы 9—45 второй книги написаны в разное время двумя авторами. Та часть «Истории страны алван», в которой повествуется о событиях второй половины 20-х гг. VII в. (главы 9—14 и 16 второй книги), как считает А. А. Аюкян, написана между 630 и 632 гг. (Аюкян А. А. 1987. С. 191—195). Она имеет условное название «История католикоса Виро» и приписывается выходцу из сел. Каланкатуик провинции Ути, принадлежавшей Кавказской Албании. Другая же часть (главы 18—45 второй книги), содержащая сведения о событиях конца 30-х — начала 80-х годов VII в., составлена между 683 и 685 гг. Она, как утверждает А. А. Аюкян, принадлежит анонимному автору и имеет условное название «История 684 г.».

Мы по традиции, как и большинство исследователей, именуем автора «Истории страны алван» Мовсесом Каланкатуаци. Для нашей темы важно, что названные выше части второй книги, содержащие сведения о каспийских гуннах, надежно датированы 30—80 гг. VII в.

Анализ текста «Истории страны алван» показывает, что ее составитель был хорошо образован и осведомлен в событиях. Возможно, что в основу написания этих частей второй книги были положены дневниковые записи участников посольства албанского католикоса Виро (596—629) к Шату — князю тюркутов (Аюкян А. А. 1987. С. 195—196) и посольства албанского епископа Исраила к каспий-

ским гуннам в 682 г. (Гадло А. В. 1979. С. 142; Акопян А. А. 1987. С. 198).

По своей значимости яркий, изобилующий мельчайшими подробностями о жизни племен Прикаспия, рассказ об этих посольствах можно сравнить с описаниями посольств византийцев в ставку Атиллы (448 г.) Приска Панийского и в страну тюрок (568 г.) Менаандра Византийца.

Наиболее ценными являются сведения о самых разнообразных сторонах жизни каспийских гуннов в 80-х гг. VII в. — локализация «страны гуннов», сведения о городах, характеристика социального устройства «гуннского общества», данные о внутривнутриполитической борьбе духовной и светской знати, характеристика религиозных воззрений населения.

В «Истории страны алван» приводится переписка великого князя гуннов Алп-Илитвера с государственными и религиозными деятелями Албании и Армении, подлинность которой не оспаривается (Акопян А. А. 1987. С. 198—199). Эти документы представляют большую ценность для реконструкции социально-экономических отношений в «стране гуннов», а также для характеристики культуры.

А. П. Новосельцев считает, что сведения «Истории страны алван», относящиеся к VII в., характеризуют историю хазар, хотя справедливо замечает, что источник не дает четких данных о хазарах, которых трудно выделить из числа кочевников Северного Кавказа, родственных хазарам (Новосельцев А. П. 1990. С. 31).

В «Истории страны алван» содержатся так-

же сведения о военно-политических событиях ирано-византийских войн VI в. из-за Кавказа, участниками которых были и племена гуннского круга Прикаспия. Внешнеполитические взаимоотношения каспийских гуннов характеризуют данные «Истории страны алван» о союзе 664 г. с сопредельной Албанией и условиях мирного договора.

5. АРАБСКИЕ ГЕОГРАФЫ И ИСТОРИКИ

Особую категорию источников для нашей темы составляют труды арабских географов и историков IX—X в.

Географическая литература на арабском языке глубоко и всесторонне охарактеризована академиком И. Ю. Крачковским (Крачковский И. Ю. 1957), который выделил в ней две линии развития: научная география и описательная география с рассказами о путешествиях (Крачковский И. Ю. 1957. С. 16 — 17).

Описательная география у арабов оформилась в IX в. Она была разнообразна по содержанию — это были географические справочники для канцелярских чиновников (компендии) и справочники для людей образованных, реалистические рассказы о путешествиях и повествования о странствиях сказочного характера. В X в. создается классическая школа арабских географов с упором на описание «путей и стран», широкое развитие получает и популярная литература о путешествиях, которая становится разнообразнее.

Сведений о Прикаспийском Дагестане в трудах арабских географов не так много, все они содержат данные в основном по вопросам исторической географии, о религиозных воззрениях жителей и языке. Имеются в них данные и о народах, обитающих в Прикаспии, но в отличие от византийских, армянских и сирийских авторов, арабские писатели не знают гуннов Прикаспия ни для середины VI в., ни позже. Среди народов, живущих в предгорьях Северо-Восточного Кавказа, они называют аланов, хазар, тюрок. Этническое имя хазар, насельников могущественного Хазарского государства, как обычно бывает, поглотило названия других народов, подвластных Хазарии. Однако при тщательном изучении данных арабской географической литературы о Прикаспийском Дагестане все же прослеживается историческая судьба «страны гуннов» и ее городов и в период могущества Хазарии.

Среди дошедших до нас сочинений из ряда описательной географии труд **Ибн Хордадбега** «Книга путей и стран»* является наиболее ранним. Основная часть его состоит из дорожников разной степени подробности,

* Переводы названий сочинений арабских авторов у различных исследователей несколько отличаются. В своей работе мы приводим арабские названия сочинений и их переводы на русский язык, сделанные И. Ю. Крачковским, В. В. Бартольдом (географическая литература), В. Ф. Минорским, А. П. Новосельцевым (историческая литература) или авторами переводов сочинений с арабского на русский язык и исследований по ним (П. К. Жузе, А. П. Ковалевский, О. Г. Большаков, З. М. Буниятов, Н. Велиханова, Т. М. Калининна).

приведены в нем различные сведения официального характера, включены также сообщения о географических курьезах.

Точная дата рождения Ибн Хордадбега неизвестна (ок. 205/820 г.) * Перс по происхождению, он был родом из Хорасана. Отец Ибн Хордадбега занимал высокую должность правителя Табаристана, сам он долгое время был начальником почты в персидской провинции ал-Джибал (Северо-Западный Иран) (Крачковский И. Ю. 1957. С. 148). Начальники почт разных областей Халифата подчинялись главе почтового ведомства, который на основе их докладных составлял записку для халифа. В 40-е годы IX в. Ибн Хордадбег занимал должность начальника почтового ведомства (Ибн Хордадбег. II. С. 11). Введение Н. Велихановой). До наших дней сочинение Ибн Хордадбега дошло в сокращенном варианте.

Источниками Ибн Хордадбега были архивные документы, к которым он имел доступ, пребывая при дворе халифа ал-Му'тамида (870—892), он также пользовался другими материалами (Новосельцев А. П., 1990. С. 10).

Для нашей темы важны сообщения Ибн Хордадбега о городах Прикаспия.

Труд арабского географа **Ибн Русте**, писавшего в первом десятилетии X в., «Дорогие ценности», представлял собой многотомную энциклопедию, от которой сохранился только седьмой том, посвященный астрономии и географии. Сочинение Ибн Русте относится к

*Здесь и далее: первая цифра — год по мусульманскому летосчислению (хиджре), вторая — по григорианскому.

роду популярной литературы, предназначенной для секретарей. Считается, что Ибн Русте писал между 290—300/903 — 913 гг., однако высказаны также суждения, что данные Ибн Русте восходят к полной редакции труда Ибн Хордадбега и датируются IX в. (См.: Новосельцев А. П. 1990. С. 11—12). В. Ф. Минорский полагал, что события, описанные Ибн Русте, датируются временем не позже 290/902 г. (Минорский В. Ф. 1963. С. 217).

Для нашей темы интересно подробное описание Ибн Русте языческих ритуалов жителей страны ас-Серира, поразительно совпадающее с данными албанского историка Мовсеса Каланкатуаци о верованиях жителей «страны гуинов», точно датируемыми 80-ми гг. VII в.

Труды арабского энциклопедиста ал-Мас'уди считают самым содержательным историческим источником среди арабских географов. Ал-Мас'уди (род. в начале X в. — ум. в 345/956 г.) — араб, он вел свое происхождение от одного из сподвижников Мухаммеда по имени Мас'уд (Крачковский И. Ю. 1957. С. 171). Родился ал-Мас'уди предположительно в Багдаде, он много путешествовал, посетил страны Востока, побывал также в Южном Прикаспии. Ал-Мас'уди был крупным ученым, знатоком древних авторов (Новосельцев А. П. 1990. С. 13). Он оставил после себя несколько сочинений, но сохранились только две его книги.

Наибольший интерес для нашей темы имеет книга ал-Мас'уди «Россыпи золота» — историко-географическая компиляция, составленная в 332/943 г., с описанием стран, кото-

рые видел ал-Мас'уди во время своих путешествий. Круг источников, использованных ал-Мас'уди в книге «Россыпи золота», довольно широк: от переводных сочинений античных авторов — до арабских писателей и географов IX—первой половины X в. (Новосельцев А. П. 1990. С. 14).

В главе семнадцатой книги ал-Мас'уди приводит подробные сведения о Кавказе (горы Кабх) и некоторых из 72 племен, обитавших в пределах Кавказа. Он называет племена, «примыкающие к горам Кабх», для защиты от нападения которых были возведены Дербентские укрепления.

Вблизи Дербента ал-Мас'уди располагает княжество Хайдак* со столицей Семендер, подвластное хазарам. Сведения о княжестве Хайдак датируются автором 332/943 г., что очень ценно.

В другой своей книге — «Книга предупреждения и пересмотра», написанной в год смерти, ал-Мас'уди привел только географические сведения.

Ал-Балхи считается основателем классической географической школы, приверженцы которой составляли описания мусульманских областей, снабжая их картами. Сочинение ал-Балхи «Карты климатов» представляет собой объяснительный текст к систематически подобранному собранию карт. Ал-Балхи родился около 235/850 г., начинал свою дея-

* В тексте ал-Мас'уди название княжества обозначено как Джидан. В. Ф. Минорский считает, что написание «Джидан» является ошибочным (Минорский В. Ф. 1963. С. 127. Примечание 55).

тельность учителем (Крачковский И. Ю. 1957. С. 195). Он был кабинетным ученым и за всю жизнь совершил только два путешествия — в Багдад, где ознакомился с библиотеками, и в Мекку для хаджа. Большую часть жизни ал-Балхи провел в родном городе Балха (современный Афганистан), где составил уже в глубокой старости (ок. 308 — 309/920 — 921 гг.) свой труд «Карты климатов». В оригинале он не сохранился, но был включен в сочинение ал-Истахри «Книга путей государств».

В географическом руководстве ал-Балхи имеются топографические и этнографические данные о поздней столице «гуинского царства» г. Семендере.

Ал-Истахри — уроженец Центрального Ирана (Крачковский И. Ю. 1957. С. 196), он много путешествовал. Около 340/950 г. ал-Истахри составил свой труд «Книга путей государств», куда включил сочинение ал-Балхи, дополнив его новыми данными, собранными во время путешествий. Выделить авторский текст в сочинении ал-Истахри не всегда возможно (Новосельцев А. П. 1990. С. 15).

Ал-Истахри описывает только мусульманские страны, он приводит много данных о государствах и городах, расположенных у Каспийского (Хазарского) моря и р. Волги (Итиль). Для нас особенно важны его сведения о городах западного побережья Каспия. В частности, ал-Истахри, приводя данные о пределах между Дербентом и столицей «земли хазар» Итилем, называет г. Семендер и его земли, находящиеся в зависимости от

хазар. Он указывает положение Семендера относительно Дербента, Итиля и страны Серир, приводит этнографические сведения о религии в стране Семендер, жилых постройках, хозяйстве жителей.

Продолжателем ал-Истахри, его младшим современником был **Ибн Хаукаль**. Происходил он из г. Нисибина (современная Турция). В качестве купца в 40—60-е годы X в. Ибн Хаукаль объехал все мусульманские страны, был в Индии, Италии, Центральной Африке, а в конце 60-х годов находился на южном берегу Каспийского моря, в Джурджане. Около 340/951—952 гг. он встречался с ал-Истахри. Его труд «Книга путей государств», составленный в 367/977 г. (Крачковский И. Ю. 1957. С. 199), является описанием стран ислама, в нем сравнительно мало внимания уделено областям, не принадлежащим к ним.

В сочинении Ибн Хаукаля имеются данные о г. Семендере и «области Семендер», взятые Ибн Хаукалем полностью из «Книги путей государств» ал-Истахри. Однако автор делает дополнение к ал-Истахри, в котором отмечает, что сведения о Семендере относятся к его истории. Ибн Хаукаль владел, по всей вероятности, информацией о разгроме русами Хазарии и ее центров, в том числе и Семендера (Новосельцев А. П. 1990. С. 16). Однако его сведения о времени похода русов (968-969 г.) отличаются от даты разгрома хазар русами, названной в «Повести временных лет» — 965 г. Это противоречие исследователи пытаются как-то объяснить; некоторые считают, что было два похода русов на хазар, именно о втором из них сообщает Ибн

Хаукаль (См.: Новосельцев А. П. 1990. С. 16). Во время этого похода были разгромлены Итиль и города на Северо-Восточном Кавказе, в том числе и Семендер.

Наиболее крупным представителем арабской географической школы X в. считают ал-Мукаддаси (род. в 335/946 — 947 г., год смерти не определен и относится к концу X в., около 390/1000 г.). Родом он из Иерусалима, в 80-х годах IX в. после долгих странствий им было составлено описание мусульманских стран «Лучшее разделение для познания климатов».

В сочинении ал-Мукаддаси есть подробное описание хазарских городов, среди которых упоминаются Семендер и Беленджер.

Историческая литература на арабском языке появилась в первой половине IX в. Это были в основном сочинения типа «Книга походов» или «Книга завоеваний стран», в которых повествовалось об арабских завоеваниях. Позднее, во второй половине IX в. оформилось и другое направление — «Истории» — труды, содержащие переложение всеобщей истории, хотя значительную часть этих сочинений занимали, как и в трудах первого типа, рассказы об арабских завоеваниях.

Труд ал-Белазури (ум. в 279/892 г.) «Книга завоевания стран» относится к первому типу исторических сочинений. Данных о жизни ал-Белазури очень мало. Родился в Египте, предки его были персидского происхождения. Ал-Белазури был близок ко двору и являлся воспитателем наследного принца Абдуллаха, сына халифа ал-Му'тазза (866-869), для которого, как считается, и напи-

сал «Книгу завоевания стран» (ал-Белазури. С. 3. Предисловие П. К. Жузе).

В сочинении ал-Белазури отражена история раннего периода распространения халифата, но это, по определению И. Ю. Крачковского, не сухая военная история, а книга, снабженная культурно-историческими подробностями (Крачковский И. Ю. 1957. С. 156). В книге ал-Белазури дан сжатый обзор арабских завоеваний от Мухаммеда до халифов Мутаваккиля (847-861), Муста'ина (862-866) и Му'тамида (870-894). Источниками ал-Белазури были не дошедшие до нас сочинения и документы, а также сведения, собранные им самим у представителей исторической науки в завоеванных областях (ал-Белазури. С. 3. Предисловие П. К. Жузе). Имеющиеся данные ал-Белазури подвергал критическому анализу и включал в свое сочинение лишь те, которые казались ему наиболее вероятными.

Для нас особую важность представляет раздел книги, посвященный Армении, где содержатся данные о первых арабских походах в Прикаспийский Дагестан в 40-х годах VII в. и подробные отчеты об арабо-хазарских войнах VII в. В этом разделе, в частности, описывается история завоевания арабами ал-Баба, областей Южного и Центрального Дагестана, а также некоторых населенных пунктов подвластных хазарам.

В сочинении ал-Белазури имеются важные данные о налоговой политике арабов в покоренных областях Прикаспия и горных районах Дагестана, о привлечении некоторых феодальных владений Дагестана для борьбы

с хазарами. Ал-Белазури приводит интересные сведения о взаимоотношениях Персии с племенами Прикаспия в период правления Хосрова Ануширвана.

Такой же характер, как и труд ал-Белазури, носит сочинение ал-Куфи «Книга завоеваний». Это трехтомное сочинение в восьми частях охватывает историю халифата от вступления на престол халифа Абу Бакра (632) до смерти халифа ал-Муста'ина (866). Об ал-Куфи мало что известно, предположительно, современник ат-Табари, умер в 926 г. Исторический труд его был известен в персидском переводе, выполненном в 596/1199—1200 г. Недавно, в 30-х годах, открыт арабский текст сочинения ал-Куфи (См.: Новосельцев А. П. 1990. С. 23). В его сочинении имеются интересные подробности, относящиеся к арабо-хазарским войнам, отсутствующие в трудах ал-Белазури, ал-Йа'куби, ат-Табари и др. В ряде случаев сообщения ал-Куфи относятся к рассказам очевидцев.

«Книга завоеваний» ал-Куфи содержит сведения о первых завоевательных походах арабов в Прикаспийский Дагестан, предпринятых в 40-е годы VII в. В ней достаточно подробно повествуется об истории покорения Прикаспийских и горных районов Дагестана в течение VIII в. Хронология событий, важных для нашей темы, заканчивается 799 г.

Ал-Куфи приводит в своей книге подробные сведения о некоторых крупных сражениях арабо-хазарских войн как правило, называет количество войск сторон, участвовавших в сражении.

Очень ценны данные ал-Куфи о диффе-

ренцированной налоговой системе арабов, применявшейся в покоренных княжествах Дагестана. Имеются в труде ал-Куфи и некоторые этнографические сведения. В отличие от ал-Белазури, назвавшего в своей книге помимо Дербента только два населенных пункта — Беленджер и Хамзин, ал-Куфи знает в Прикаспийском Дагестане и другие города.

«Книга завоеваний» ал-Куфи — не бесстрастное описание сюжетов военных операций арабов, это очень живой рассказ, в котором нашлось место личностям (довольно ярко обрисованы выдающиеся арабские и хазарские полководцы), в ней на отдельных примерах показаны роль случая в исходе военных операций, значение военной разведки и способы ее организации. Из книги ал-Куфи видно, как менялась со временем тактика арабов в завоевательной политике на Кавказе, которая была все же, несмотря на отдельные успешные операции, малоэффективной, т. к. не приносила желаемой стабильности. Народы Дагестана, Прикаспийского и Горного, стойко отстаивали свою независимость, и покоренные арабами княжества и города отказывались платить контрибуцию, несмотря на репрессии, выселение в другие земли и введение особых привилегий для тех, кто содействовал арабской армии.

Труд крупнейшего арабского историка **ат-Табари** «История пророков и царей» относится ко второму типу исторических сочинений в арабской литературе. Ат-Табари родился в 839 г. в Амуле в провинции Табаристан, что на южном берегу Каспийского моря (современный Мазандаран). Иранец по проис-

хождению, получил классическое арабское образование, много путешествовал, умер в 923 г. Его «История пророков и царей» — всемирная история, начинающаяся от сотворения мира и охватывающая историю главных мусульманских народов, известных арабам, до 302/914 — 915 гг.

Источниками ат-Табари были в основном сочинения Мухаммада Ибн Исхака (ум. в 768 г., ал-Вакиди (ум. в 823 г.), Абу-л-Хасана Али ал-Мада'ини (ум. в 848 или 849 г.) (См.: Шихсаидов А. Р. 1986. С. 66). Исследователи отмечают полное отсутствие критики к своим источникам ат-Табари, часто в его работе имеется несколько версий одного события. Однако истинность сообщений ат-Табари устанавливается данными другого арабского историка Ибн ал-Асира (1160 — 1234), использовавшего труд ат-Табари в своем сочинении, высокая добросовестность и критическое отношение к источникам которого отмечается многими исследователями.

В «Истории пророков и царей» ат-Табари помещены сведения о Прикаспийском Дагестане, а также некоторых горных районах Дагестана. В книге имеются разделы, посвященные деятельности правителей Сасанидского Ирана — Пероза (459—484), Жавада, Хосроя Ануширвана по укреплению кавказских проходов и их взаимоотношениям с племенами Северного Кавказа.

Для нашей темы представляют также интерес данные ат-Табари об арабо-хазарских войнах на Кавказе в 40-е годы VII в. и в первой половине VIII в. Сведения ат-Табари,

несмотря на отсутствие критичности к источникам, имеют большую ценность, т. к. основаны на рассказах очевидцев сражений в Прикаспийском Дагестане или воспоминаниях их родственников. Ат-Табари включил в свою «Историю пророков и царей» данные о наиболее крупном походе хазар в Закавказье 799/800 гг., причем он сообщает две версии этого события.

В сравнении с ал-Куфи повествование ат-Табари отличается лаконичностью и лишено живости изложения.

Ал-Йа'куби известен своей двухтомной «Историей» и географическим сочинением «Книга стран». Он — современник Ибн Хордадбега, родился в Багдаде, жил в Армении, Хорасане и Египте, посетил Индию и Палестину. Дед и отец ал-Йа'куби были крупными чиновниками по почтовому ведомству. Его географический труд, написанный около 278/891 г., незадолго до смерти автора (284/897 г.), предназначался для чиновников аббасидского халифата и содержал сведения, необходимые в поездках. По определению И. Ю. Крачковского, «Книга стран» — это не сухой дорожник, а трактат, написанный научно-популярным стилем (Крачковский И. Ю. 1957, С. 154).

«История» ал-Йа'куби, по оценке того же И. Ю. Крачковского, «в своей области имеет выдающееся значение» (Крачковский И. Ю. 1957, С. 154). Ал-Йа'куби использовал при составлении своего труда сочинения своих предшественников, но он внес и много своего. Автор был хорошо осведомлен о делах Армении и Азербайджана, где лично собирал нуж-

ные ему сведения. События в его книге доведены до 873 г.

У ал-Йа'куби дано описание арабо-хазарских войн, в основном первой половины VIII в., приведены также сведения об одном из первых походов арабов в Прикаспий в 40-х годах VII в. В повествовании ал-Йа'куби хронологически обозначены отдельные военные операции и важные сражения, что отличает его «Историю» от подобных сочинений других арабских авторов. Однако изложение событий у ал-Йа'куби — предельно лаконичное, без важных подробностей, имеющих, к примеру, у ал-Белазури и ал-Куфи.

Венцом жанра всеобщей истории в мире ислама, по образному определению А. П. Новосельцева (Новосельцев А. П. 1990. С. 27), стал 12-томный труд Ибн ал-Асира (1160 — 1234) «Полный свод истории». Ибн ал-Асир использовал разные источники, в том числе исторические сочинения предшественников — ат-Табари, Ибн Мискавейха и других, сравнивая имеющиеся в них сведения и дополняя их. Он довел изложение событий в своей «Истории» до 1231 г., повествование ведется им погодно.

Для нашей темы важны те части «Истории» Ибн ал-Асира, в которых описываются события, происходившие в Закавказье, Прикаспии и горных районах Кавказа. У Ибн ал-Асира имеются данные об экспансии Ирана на Северном Кавказе во времена Кавада I и Хосрова Ануширвана (531—579).

Большое место в сочинении Ибн ал-Асира отведено описанию военных операций арабо-хазарских войн VII—VIII вв. Из событий

VII в. приведены данные о военных походах арабов в Прикаспии 40—50 годов.

Очень интересно для нас сообщение Ибн ал-Асира о том, что для персов предпочтительной линией разделения зон влияния с хазарами являлся Дербентский проход, а для арабов целью являлось установление полного господства в регионе.

Арабо-хазарским войнам на Кавказе VIII в. также уделено много внимания на страницах труда Ибн ал-Асира.

Для нас новыми и интересными представляются сведения Ибн ал-Асира о том, что вторжения арабских войск в страну хазар происходили с разных направлений: со стороны Азербайджана, Армении, Тифлиса и страны Аллан. Хазары и тюрки совершали набеги на Закавказье с территории Азербайджана и страны Аллан. Ибн ал-Асир называет некоторые политические образования Дагестана.

В книге использованы и некоторые другие важные источники, однако печатный объем работы не позволяет подробно охарактеризовать их. Среди них — древнегрузинская хроника XI—XII вв. «Жизнь картлийских царей» Леонти Мровели, географический трактат «Пределы мира» анонимного персидского автора, написанный в 372/982—983 гг., некоторые документы еврейско-хазарской переписки X в. и дагестанские хроники—«История Ширвана и ал-Баба», составленная в Дербенте около 500/1106 г., «Книга о Дербенте» Мухаммеда Аваби Акташи, написанная в сел. Эндирей в XVII в.

На этом мы заканчиваем обзор основных

письменных источников, содержащих сведения о племенах Прикаспийского Дагестана эпохи Великого переселения народов. Свидетельства древних авторов о Прикаспии IV — VIII вв. н. э. дают возможность реконструировать события политической истории, осветить вопросы социально-экономического и этнического развития племен, охарактеризовать мировоззренческие представления населения. Они позволяют выявить как общий интерес сопредельных с Прикаспийским Дагестаном государств к стратегически важному региону, так и локальные цели каждого из них, обуславливаемые тактическими и стратегическими задачами внутренней и внешней политики.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

КАСПИЙСКАЯ СТРАНА

Каспийское море и Кавказские горы связываются с гуннскими племенами с середины II в. н. э. и вплоть до 40-х гг. VIII в. Однако территория, занимаемая гуннами в Прикаспии, не была неизменной на протяжении почти шести веков, в течение которых древние авторы сообщают о них сведения.

1. ПРЕДЕЛЫ ГУННОВ (II—IV вв.)

Дионисий Периегет отметил на западном побережье Каспийского моря новое племя «уинов» (гуннов) уже в середине II в. н. э. Рядом с гуннами, по его сведениям, жили известные в Европе народы: к северу от кочевий гуннов — скифы (на северо-западном побережье Каспия), а к югу от них находились каспийцы и албанцы (Дионисий. С. 367).

Определить точное местоположение территорий, занимаемых гуннами, по данным Дионисия трудно, т. к. автор не приводит четких географических ориентиров. Вопрос о лока-

лизации гуннов Дионисия до сих пор является спорным (См.: Джафаров Ю. Р. 1985. С. 12—14). Учитывая, что во II в. н. э. северные границы Кавказской Албании проходили у Дербента, которым албаны владели с 68 г. н. э. (Тревер К. В. 1959. С. 123, 127), гуннские племена кочевали, по-видимому, в степных районах Западного Прикаспия вплоть до Дербентского прохода (Гмыря Л. Б. 1980. С. 153—156; 1993. С. 278).

Гунны («хуны») были известны также Клавдию Птолемею. Он называет их среди многочисленных племен, населявших Юго-Восточную Европу во второй половине II в. н. э. (Клавдий Птолемей. С. 465). Сведения античного географа носят общий характер, поэтому единого мнения о локализации упомянутых им «хунов» не выработалось.

О том, как складывалась судьба гуннских племен Прикаспия в III—70 гг. IV вв. данных почти не сохранилось. Но и имеющиеся отрывочные данные свидетельствуют о том, что они не только укрепляются на обретенных территориях Прикаспия, но и активно вмешиваются в военно-политические события, происходящие в Закавказье. В сочинениях некоторых армянских историков V в. сохранились сведения о военных походах гуннов Прикаспия в страны Закавказья в 30-х годах III в. и первом десятилетии IV в. Так, Агафангел сообщает об участии гуннов в совместном военном походе армян и некоторых кавказских народов против персов в 227 г. (Агафангел. С. 20—21). Он также рассказывает о факте изгнания гуннов, вторгшихся в Закавказье, во времена правления

армянского царя Трдата III (287 — 332) (Джафаров Ю. Р. 1985. С. 15).

Сведения о гуннах Агафангела были заимствованы Моисеем Хоренским, писавшим в 80-е годы V в. Места обитания гуннов Моисей Хоренский называет «землей гуннов» и «владением гуннов» (Моисей Хоренский. С. 131, 201). Возможно, что это первое свидетельство о том, что уже в начале IV в. нахождение гуннов в Прикаспии было стабильным. Однако не исключено также, что для обозначения территорий гуннов Прикаспия в IV в. Моисей Хоренский использует определения, сложившиеся только в V в.

В древнегрузинской хронике «Жизнь картлийских царей», написанной на рубеже XI — XII вв., получили освещение события кавказской истории первой половины IV в., в которых принимали участие северо-кавказские племена. Все кочевники Северного Кавказа выступают у автора хроники Леонти Мровели под собирательным именем «хазары». По данным Леонти Мровели, «хазары» в союзе с Иберией (Грузией) и Арменией в 30-х гг. IV в. отражают экспансию Сасанидского Ирана в Закавказье, совершают частые набеги на персидские владения; с «хазарами» ведет успешные войны в первой половине IV в. царь Картли (Иберии) Мариан III, причем основные сражения этих войн происходят у Дербента; «хазары», по данным Леонти Мровели, использовались как наемники некоторыми горскими племенами — лемами, дидоями, дурдзуками в конфликтах с Картли (Леонти Мровели. С. 25, 37—39).

Как отмечалось выше, в событиях первой

половины IV в., описанных Леонти Мровели, принимали участие не хазары, а гуннские племена. Места их обитания четко не обозначены в источнике — это степи Северного Кавказа. Учитывая данные Леонти Мровели, можно заключить, что Дербентский проход выступает в первой половине IV в. как южный рубеж владений кочевников Северного Кавказа.

В научной литературе существовала большая полемика по поводу достоверности сведений о гуннах Прикаспия в период до IV в. н. э. В настоящее время утвердилось представление, что массовой миграции племен гуннского круга, начавшейся в 70-х гг. IV в., предшествовало проникновение гуннов в Восточное Предкавказье во II в. н. э. (Джафаров Ю. Р. 1985. С. 12—14; Новосельцев А. Г. 1990. С. 69; Засецкая И. П. 1994. С. 132 — 137).

В 395 г. гунны Прикаспия совершили грандиозный военный поход в страны Закавказья и Передней Азии. Сведения об этой военной акции сохранились у некоторых латинских писателей — современников событий. Евсевий Иероним сообщает об этом в двух письмах, написанных в начале 396 г. и в 399 г. В них он определенно указывает на территорию обитания прикаспийских гуннов у Дербентского прохода — «... от крайних пределов Меотиды..., где Александровы запоры сдерживают дикие племена скалами Кавказа, вырвались рои гуннов...» (Евсевий Иероним. С. 1030). Там же, у Каспийского прохода, локализует гуннов и Клавдий Клавдиан (Клавдий Клавдиан. С. 1056). Он, как и Евсевий

Иероним. был современником похода гуннов 395 г., его сведения относятся к 395 — 396 гг.

У других авторов IV в. данные о гуннах Прикаспия менее отчетливы. Руфий Фест Авиен составил стихотворный перевод «Землеописания» Дионисия. В нем он повторяет сведения Дионисия о пребывании гуннов в Прикаспии, но почему-то изменяет этноним «унны» на «скифы» (Руфий Фест Авиен. С. 1043).

Вплоть до V в. данные источников о местах обитания гуннов Прикаспия остаются неотчетливыми, что, видимо, отражало не только уровень осведомленности латинских и армянских писателей II—IV вв., но и реальную ситуацию, сложившуюся в Прикаспии. Вероятно, в этот период происходило освоение новых территорий; гунны периодически меняли свои кочевья, в Прикаспий вливались новые потоки кочевых племен. Границы обитания гуннов Прикаспия в этот период еще не оформились. По крайней мере данных об этом в источниках нет. Единственным конкретным географическим ориентиром, с которым связываются гунны Прикаспия, является Дербентский проход. Правда, источники не дают ответа на вопрос: ограничивались ли пределы гуннов на юге Каспийскими воротами или же они расширились к началу V в. к югу от знаменитого прохода. Одно несомненно, все военные акции гуннов Прикаспия в IV в. начинались у Каспийского прохода.

Большинство исследователей признают появление гуннских племен в Восточном Пред-

Кавказе и расселение их у Каспийского прохода (Дербента) и по побережью Каспийского моря с 70-х гг. IV в. Н. В. Пигулевская считала, что племена гуннского происхождения населяли в это время восточную часть Прикавказья, примыкавшего к южнорусским степям (Пигулевская Н. В. 1941. С. 85, 108). Между морем и горами помещает гуннов М. И. Артамонов (Артамонов М. И. 1962. С. 189). Он выделил хронологические этапы гуннского периода на Северном Кавказе. Так, период с 395 по начало V в. н. э. связывается им с гуннами-хайландурками, сведения о которых имеются у армянских историков (Артамонов М. И. 1962. С. 53). В «Истории Дагестана» проникновение гуннов в Прикаспийский Дагестан также отнесено к концу IV в. н. э. (История Дагестана, 1967. С. 116). А. В. Гадло считает, что в 90-х гг. IV в. в пределах между Дербентом и р. Терек возник племенной союз, включивший гуннские и аланские группы населения (Гадло А. В. 1979. С. 26). Территория прибрежного Дагестана (около Кавказских гор до Дербента) связывается с ранними тюркоязычными племенами с первых веков н. э. и С. Б. Ашурбейли (Ашурбейли С. Б. 1983. С. 55). Расселение гуннских племен на Северном Кавказе, и в частности в Северном Дагестане, относит к IV в. и В. А. Кузнецов (Кузнецов В. А. 1984. С. 51). Ю. Р. Джафаров установил три основных этапа проникновения гуннских племен в Восточное Предкавказье. Первый период отнесен им к 160—395 гг. н. э. Он характеризуется проникновением в степи северо-западного Прикаспия немногочисленной груп-

пы болгарских племен (Джафаров Ю. Р. 1985. С. 13 — 14, 19). К 370 г. отнесено С. А. Плетневой расселение гуннских племен в Прикаспии и донских степях (Плетнева С. А. 1986. С. 14). Ко II в. н. э. относит миграцию гуннов в прикаспийские степи С. Г. Кляшторный (Кляшторный С. Г. 1983. С. 175—176). В «Истории народов Северного Кавказа» освоение гуннами Прикаспийской низменности Дагестана отнесено к концу IV в. (История народов Северного Кавказа. 1988. С. 96). Раннее проникновение гуннов в степи Прикаспия (II — IV вв.) признает Л. Н. Гумилев (Гумилев Л. Н. 1992. С. 37), а также А. П. Новосельцев (Новосельцев А. П. 1990. С. 69). И. П. Засецкая относит появление гуннов на западном побережье Каспийского моря к середине II в. н. э. (Засецкая И. П. 1994. С. 136).

К. В. Тревер полагала, что с гуннами «албаны и армяне вплотную столкнулись лишь в VI в.» (Тревер К. В. 1959. С. 193), а упоминаемые латинскими авторами II в. «унны» и армянскими историками «хоны» (для III — IV вв.) являются кавказскими племенами, занимавшими в это время территорию Прикаспия от р. Самур до р. Сулак и еще севернее (Тревер К. В. 1959. С. 192).

Как видим, вопрос о том, когда расселились гуннские племена в Прикаспии и где именно, для периода до начала V в. является непростым. Его сложность обуславливается как неотчетливостью сведений о гуннах этого времени в письменных источниках, так и расплывчатостью границ владений гуннов Прикаспия, а вполне возможно, и субъекти-

визмом современных исследователей гуннской проблемы.

Рис. 1. Прикаспийский Дагестан в V—VI вв.
1 — Страна гуннов

2. СТРАНА ГУННОВ (V—VII вв.)

Впервые территория расселения гуннских племен в Прикаспии была названа как «страна гуннов» армянским историком V в. Егише Вардапетом. В своем сочинении он употребляет и другие, идентичные по содержанию понятия — «область гуннов», а также «страна хайландурков» и «земля хайландурков», имея в виду гуннское племя хайландурков (Егише. С. 79—80, 117, 127, 170). Пограничным рубежом между владениями гуннов Прикаспия и странами Закавказья, по сведениям Егише, были Дербентские укрепления, которые он иногда именуется также «воротами гуннов» (Егише. С. 31, 53, 79, 92, 117).

Другой армянский историк Лазарь Парбский, писавший в 80-е гг. V в., приводит одно из многочисленных названий Дербентского оборонительного комплекса в форме «пахак хонов» (оборона от хонов) (Тревер К. В. 1959, С. 209, 271; Артамонов М. И. 1962. С. 58). Сведения Лазаря Парбского говорят о том, что гунны, занимавшие во второй половине V в. территорию севернее Дербента, были в это время основной военной и политической силой в Восточном Предкавказье.

В сочинениях некоторых римских и византийских авторов V—начала VI вв. повторяются сведения о гуннах Прикаспия Дионисия Периегета, относящиеся к середине II в. (Зосим. С. 713; Юлий Гонорий. С. 1077; Присциан. С. 1104). Все внимание западных авторов V в. было приковано к европейским гуннам, создавшим в Паннонии (среднее течение Дуная) свое государство, чем и можно объяс-

нить поиски писателями V в. сведений о гуннах в трудах предшественников. Но, вероятно, и какие-то сообщения об участии гуннов Прикаспия в событиях иранской экспансии на Кавказе в конце V в. — начале VI в. доходили до них также, что могло породить интерес и к ним.

В 502 г. начались длительные войны Ирана и Византии за мировое господство. «Страна гуннов» в Прикаспии была втянута в военные действия, гуннские войска содействовали то одной, то другой стороне. Сочинения византийских историков VI в. изобилуют сведениями о гуннских племенах Прикаспия, среди которых наиболее часто в это время упоминаются гунны-савиры. Сообщая достоверные сведения о гуннах-савирах, больше всего об участии их в военных операциях, византийские историки почти ничего не знают о местонахождении их страны.

Прокопий Кесарийский — один из наиболее просвещенных византийских историков, осведомленный во многих сторонах жизни гуннских племен Прикаспия — социально-экономическом развитии, военно-политической ориентации, вооружении и военной технике, довольно подробно описывает кавказские перевальные пути, которыми пользовались гунны-савиры для проникновения в Закавказье, но его данные о локализации «страны гуннов» не отличаются конкретностью. Прокопий отмечает только, что савиры и другие гуннские племена живут у юго-восточных отрогов Кавказских гор и вблизи их владений находятся два главных прохода — Каспийские ворота (Дербентский проход) и проход

Тэур (Дарьял) (Прокопий Кесарийский I а. С. 112; II. С. 381, 407). Гунны, как сообщает Прокопий, занимали равнинные пространства — «... поля, ровные и гладкие, орошаемые обильными водами, удобными к содержанию коней» (Прокопий Кесарийский I а. С. 112).

Агафий — современник Прокопия — только упоминает о гуннах-савирах, повествуя о военных событиях 555 г., ничего не рассказывая об их прикаспийских владениях (Агафий. С. 88).

Самые ранние сведения о гуннах-савирах принадлежат византийскому хронографу Феофану Исповеднику, писавшему в 810—814 гг. Он датирует 516/517 г. один из военных походов гуннов-савир в Закавказье и Малую Азию (Феофан Исповедник. С. 49). Источник этого сообщения Феофана выявить не удалось. Еще одно сообщение о савирах помещено в «Хронографии» Феофана под 527 — 528 г. Оно связано с разгромом царицей гуннов-савир Боарикс войск двух других гуннских племен (Феофан Исповедник. С. 50). Эти сведения Феофан почерпнул у сирийского хронографа Иоанна Малалы. Как и Малала, Феофан связывает Каспийские ворота с местами обитания гуннов-савир. Но в отличие от первоисточника, он выделяет территории, занятые «внутренними гуннами», и земли, лежащие на пути из Восточного Предкавказья во владения Персии, расположенные, видимо, у Дербентского прохода. Сообщение Феофана дает возможность утверждать, что племена, составлявшие Гуннский союз в Прикаспии, занимали обособленные территории, контролировавшиеся вождями племен.

О гуннах и савирах Прикаспия во второй половине VI-начале VII в. знают и другие византийские авторы, но информации об их местопребывании они не представляли (Менандр Византиец. С. 411, 415—416; Феофан Византиец. С. 494; Феофилакт Симокатта. С. 160).

В силу различных обстоятельств, более подробными сведениями о Гуннском союзе в Прикаспии располагали некоторые сирийские авторы VI в.

Иешу Стилит свидетельствует о том, что территория, контролируемая гуннами, была достаточно четко обособлена от владений сопредельных народов. Для ее обозначения Иешу Стилит употребляет словосочетания — «их земли» и «границы их земли» (Иешу Стилит. С. 131). Эти данные подтверждаются сведениями современника Иешу Стилита Псевдо-Захарии. Он отмечал, что земли, подвластные гуннам, располагались на побережье моря и в «пределах гуннов» находились Каспийские ворота (Псевдо-Захария. С. 165). Псевдо-Захария указывает также, что с юга к «пределам гуннов» прилегала «земля Базгун» и границей между ними служили Каспийские ворота. Исходя из контекста источника, можно допустить, что автор называет западных соседей гуннов. Псевдо-Захария перечисляет пять исповедующих христианство народов, живущих в «северной стороне»: земля Гурзан (Грузия), земля Арран (Кавказская Албания), земля Сизган, земля Базгун и пределы гуннские (Псевдо-Захария. С. 165—166). Им противопоставляются 13 языческих народов.

Местоположение политических образова-

ний в Предкавказье автор определяет следующим образом: «... Базгун-земля со (своим) языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами (живут) бургары со (своим) языком, народ языческий и варварский; у них есть города, и аланы, у них пять городов» (Псевдо-Захария. С. 165). На первый взгляд, в тексте имеется противоречие. Оно состоит в том, что, назвав Каспийские ворота пограничным рубежом между «землей Базгун» и пределами гуннскими, автор определяет положение Базгуна к югу от Каспийских ворот, а «пределов гуннских» — к северу от них, уточняя, что и «ворота» и побережье моря входят в «пределы гуннов». Но автор указывает, что «за воротами» обитают «бургары» (болгары) и аланы. На наш взгляд, противоречие это кажущееся. Автор имел в виду тот факт, что владения «бургаров» и алан простирались за «пределами гуннов», но все они находились к северу от Каспийских ворот, т. е. «за воротами».

В VII в. Прикаспийский Дагестан связывается с гуннами только армянскими и албанскими историками.

У епископа Себеоса, писавшего в 50 — 60-е гг. VII в., сведения о локализации гуннов достаточно конкретны. Себеос не употребляет названия мест обитания гуннов, но обозначает их словосочетанием «страна при подошве гор» (Себеос. С. 164). В другом месте сочинения Себеоса имеется уточнение, указывающее на то, что гунны жили «при гористой стране Кавказа» (Себеос. С. 30 — 31). Автор указывает на еще один географич-

ческий ориентир, к которому привязывается «страна гуннов» — Дербентский проход, обозначенный в источнике под разными названиями: «ущелье Джора», «врата гуннские» и «Каспийские ворота» (Себеос. С. 164). В отличие от других писателей, сведения которых предполагают нахождение «страны гуннов» у Дербентского прохода, Себеос на это указывает определенно. Гунны Прикаспия характеризуются им как «народ, живший у Каспийских ворот» (Себеос. С. 164). Исходя из данных Себеоса, «страна гуннов» в середине VII в. занимала предгорные районы Прикаспия, ее южные границы примыкали к Дербенту.

Владения гуннов в «Армянской географии» VII в. также помещены у моря севернее Дербента (Армянская география. I. С. 38; II. С. 30). В этом сочинении подвластные гуннам территории впервые именуется «царством гуннов».

Мовсес Каланкатуаци, «История страны алван» которого является наиболее полным источником по истории народов Прикаспийского Дагестана в VII в., демонстрирует, как ни странно, очень скудные и расплывчатые знания о местоположении упоминаемой им неоднократно «страны гуннов». В разделах книги, повествующих о событиях, имевших место на Кавказе в VII в., места обитания гуннов Прикаспия обозначены большей частью «страной гуннов», очень редко употребляются другие наименования — «земля гуннов», «страна северян», «области хазиров и гуннов» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 69, 123, 128, 132—133, 148). В источнике четко

выделяются среди сопредельных политических образований территории, занимаемые гуннами. Однако в нем не названы характерные географические ориентиры расположения «страны гуннов», в нем нет также подробного описания ее местоположения. Отсутствие этих данных труднообъяснимо, ибо часть исторического сочинения Мовсеса Каланкатуаци посвящена событиям, имевшим место непосредственно на территории, занимаемой гуннами Прикаспия.

Среди географических ориентиров, связанных с гуннами, Мовсес Каланкатуаци указывает только на Дербентский проход — «ворота Чора», через который гунны проникали в Закавказье, обычно именуя их «воротами гуннов» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 69, 90, 99, 101, 103). Однако в «Истории страны алван» имеются косвенные данные, позволяющие определить местоположение «страны гуннов». Автор «Истории страны алван» отмечает, например, что дорога из г. Партава — столицы Кавказской Албании в г. Варачан — столицу «страны гуннов» была «дальней», что свидетельствует о значительном расстоянии между двумя городами (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 123). Из описания Мовсеса Каланкатуаци явствует, что продолжительность этого пути составляла 51 день. Именно столько времени находилось в дороге посольство албанского епископа Израиля, отправившись в 682 г. из Партава в «страну гуннов» с важной миссией (Еремян С. Т. 1939. С. 133 — 134). Некоторые исследователи объясняют длительность пребывания в пути албанского посольства сложностью военно-политической

обстановки в Прикаспии и погодными условиями зимнего путешествия (Еремян С. Т. 1939. С. 138—139; Бартольд В. В. 1963. С. 128; Котович В. Г. 1974. С. 183 — 184). В. Г. Котович полагал, кстати, что дорога из Партава до Дербента занимала в те времена не более 15 дней (Котович В. Г. 1974. С. 185), и только в силу необычности маршрута албанского посольства путь этот был таким продолжительным.

Однако Мовсес Каланкатуаци указывает, что дорога из Партава до первого крупного населенного пункта — «города лбинов» уже заняла 12 дней. Отметим, кстати, что этот первоначальный отрезок путешествия не сопровождался какими-либо трудностями. Основные тяжести, выпавшие на долю путников, пришлось на переход через главный Кавказский хребет. Албанское посольство на три дня задержалось в «стране чилбов, расположенной у склона великой горы», — пишет Мовсес Каланкатуаци. Разыгравшаяся снежная буря не позволила посольству продолжать движение, т. к. перевальные пути были закрыты. И только когда вьюга утихла, путники «перевалили через вершину громадной горы». Но, видимо, вскоре погода испортилась вновь, т. к. в источнике отмечается, что «... еще много дней после этого не было видно ни звезд, ни солнца, и держались крепкие морозы» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 123).

Далее в сочинении Мовсеса Каланкатуаци следует абзац, переводы которого в используемых нами изданиях разнятся, хотя смысловое значение его принципиально. В издании 1861 г. (перевод К. Патканьян)

содержание этого фрагмента сочинения сводится к тому, что после перенесенных трудностей при переходе перевала «... изнуренные и утомленные, они против воли взяли другую дорогу, и после долгодневного пути прибыли в древнюю резиденцию царей, в то место, где сподобился св. Григорис» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 191). Именно вынужденным изменением маршрута продвижения албанского посольства некоторые авторы объясняют долговременность нахождения в пути (С. Т. Еремян, В. Г. Котович).

Однако в современном издании 1984 г (перевод Ш. В. Смбатян) сведений о факте изменения первоначального маршрута нет. Содержание этого же отрывка в новом переводе таково: «...утомленные и обессиленные, они шли еще много дней, пока не прибыли в древнюю царскую резиденцию, в ту самую, где был удостоен венца мученика католикос Алуанка святой Григорис» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 123—124).

В новом переводе «Истории страны алван» нет и намек на какие-либо причины, мешавшие выбору иного маршрута в «страну гуннов». Более того, несмотря на срочность задуманного путешествия, к нему тщательно готовились. Автор повествует: «Приготовили дары и подарки, снабдили продуктами его (Исраила) и тех, кто должен был сопровождать его в дальнюю дорогу» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 123).

Организаторы миссии к гуннам Прикаспия были достаточно хорошо осведомлены и о трудностях предстоящего путешествия и о его продолжительности. Как нам представляется,

маршрут албанского посольства был обычным и, вероятно, более безопасным для этого времени, чем другие. Кстати, христианская миссия армянского епископа Кардоста, отправившись из Армении в «пределы гуннов» примерно в 30 г. VI в., также попала туда горным путем. «Они не вошли в ворота, но были проведены через горы» — замечает рассказывающий об этом сирийский автор Псевдо-Захария (Псевдо-Захария. С. 166).

Срочность и неотложность задач, поставленных перед посольством Исраила, сделали необходимым выбор проделанного пути, часть которого проходила через горные районы Кавказской Албании. Автор «Истории страны алван» подробно, с деталями описывает именно этот отрезок пути, как нам представляется, имея цель подчеркнуть подвижничество самого Исраила и его спутников ради выполнения высокой миссии, возложенной на них князем Албании. А та часть маршрута, которая прошла по приморским районам Восточного Предкавказья, описана в источнике лаконично, ибо никаких подвигов на долю участников путешествия здесь не выпало. Они прибыли в древнюю царскую резиденцию и, выйдя оттуда через несколько дней, достигли Дербента. К Варачану — цели своего путешествия, посольство Исраила проводили дербентцы, уже, видимо, по землям гуннов. Таким образом, учитывая трудности зимнего путешествия, его продолжительность была обычной.

Основываясь на данных Мовсеса Калакатуаци, можно заключить, что «страна гуннов» находилась в непосредственной близости от северных границ Кавказской Албании, и

пограничным рубежом между двумя странами были Дербентские укрепления. Князь гуннов Алп-Илитвер в своем послании к католику армянскому Сахаку и князю Григору (682 г.) называет Алуанк (Албанию) как ближайшую к гуннам страну (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 133). Вскоре после завершения миссии Израила у гуннов именно «через Алуанк в Армению» отправились с важным поручением посланцы великого князя гуннов (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 133).

Таким образом, как показывает анализ данных письменных источников, «страна гуннов» к концу VII в. н. э. имела стабильную, оформившуюся территорию, простиравшуюся от низовий Волги на севере до укреплений Дербента на юге; сюда входили степные и равнинные территории, примыкающие к побережью Каспийского моря, а также предгорные районы (рис.1) (Гмыря Л. Б. 1980. С. 156—158; 1993. С. 286—287).

Интересно отметить, что сами гунны называли занимаемую ими территорию «гуннской землей», «страной нашей» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 200, 207—208), а великий князь гуннов Алп-Илитвер называл ее «страна моя» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 132).

Мнение исследователей относительно местонахождения «страны гуннов» в V—VII вв., в общем, единодушное — это Прикаспийский Дагестан. Но следует заметить, что суждения большинства авторов не детализированы географическими подробностями, а также хронологическими этапами изменения ее территории. Представления исследователей носят самый общий характер: «страна гуннов»

находилась к северу от Дербента (Бартольд В. В. 1963. С. 670), в Северном или Северо-Восточном Дагестане (Артамонов М. И., 1936. С. 97 — 98; Федоров Я. А. 1972. С. 19, 22, 35, 39; Кузнецов В. А. 1984. С. 51; Гумилев Л. Н. 1992. С. 51, 59), на Северном Кавказе (Бернштам А. Н. 1951. С. 174), в Дагестане (Вернадский Г. В. 1992. С. 229). У некоторых авторов представления о локализации «страны гуннов» несколько конкретнее: прикаспийские районы к северо-востоку от главного Кавказского хребта (Пигулевская Н. 1941. С. 46), прикаспийские районы (Артамонов М. И. 1962. С. 183; Кляшторный С. Г. 1984. С. 20), Приморский и Северный Дагестан (История Дагестана, 1967. С. 127).

В «Истории народов Северного Кавказа» локализация «страны гуннов» в пределах между современным г. Махачкалой и р. Уллучай в средней части Приморской равнины как будто очень конкретная, однако никаких обоснований этой точки зрения не приведено (История народов Северного Кавказа. 1988. С. 96—98). Лишь мнение двух авторов — А. В. Гадло и Ю. Р. Джафарова о местонахождении «страны гуннов» основано, на наш взгляд, на детальном анализе письменных источников с расчленением сведений древних авторов хронологически, но и их представления не совпадают. У одного — это широкие просторы от низовий Волги до Дербента (Джафаров Ю. Р. 1985. С. 46, 62—63), у другого — это локальный район Приморской низменности и предгорий Дагестана (Гадло А. В. 1979. С. 152).

Наверное, в разбросе мнений исследователей и неконкретности их представлений повинны не только слабая осведомленность по этому вопросу древних авторов, но и этническая пестрота обитавших в регионе племен гуннского круга. На наш взгляд, причина состоит в методике исследовательского анализа источников.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ ПРИКАСПИЯ В VIII в.

Период наибольшей активности «страны гуннов» в Прикаспии ознаменовался началом продвижения Арабского Халифата в Восточное Предкавказье. К 642/643 г. исследователи относят первое появление арабских войск у Дербента. С этого времени начинается длительный период военных походов арабов в равнинные и горные районы Дагестана, продолжавшийся почти сто лет (Новосельцев А. П. 1990. С. 173—190). Главной силой, возглавившей борьбу народов Северо-Восточного Кавказа против захватнической политики Арабского Халифата, стало Хазарское государство. Основной удар мощи арабской экспансии приняли на себя народы Прикаспийского Дагестана. Этот регион с начала VIII в. до 40-х гг. VIII в. подвергался почти непрерывному разорению, многие экономические центры прекратили свое существование, кровавые битвы уносили десятки тысяч человеческих жизней, женщины и дети наряду с материальными ценностями становились военной добычей для арабских воинов. В войске арабов существовала специальная

должность — «распорядитель добычи» («мукасим»). Источники свидетельствуют, что сопротивление народов Дагестана арабской агрессии было упорным и настойчивым. Борьба шла с переменным успехом. Арабам приходилось неоднократно покорять одни и те же области и города Дагестана. И как только власть арабов в регионе ослабевала, покинутые населением земли вновь заселялись. Лишь к началу X в. арабо-хазарские взаимоотношения стабилизировались, рубежом, разделявшим сферы влияния двух государств — Арабского Халифата и Хазарии стал Дербент, усиленно охраняемый арабами (Новосельцев А. П. 1990. С. 191). В VIII в. на политической карте Прикаспия, как и горных районов Дагестана, произошли существенные изменения.

Источники сообщают о существовании в Прикаспии севернее Дербента в этот период нескольких политических образований: «страна гуннов» — «владение Семендер», «страна Баланджар», «территория Вабандар», «земля Хайдак», «страна хазар».

«СТРАНА ГУННОВ» — «ВЛАДЕНИЕ СЕМЕНДЕР»

«Страна гуннов» в VIII в. упоминается двумя армянскими историками — Гевондом и Степаносом Таронским.

Вардапет Гевонд, писавший в конце VIII в., указывает, что военные походы арабов в период с 713 по 737 гг. проходили в основном на территории «страны гуннов» (Гевонд. С. 28, 81). В некоторых случаях он именуется также «землей гуннов» (Гевонд. С. 72, 80).

Интересно отметить, что сопредельные с «землей гуннов» политические образования автором четко выделяются. Им называется «земля маскутов», расположенная, исходя из контекста источника, к югу от «земли гуннов» и Дербентского прохода (Гевонд. С. 72). Хазарские территории обозначены автором расплывчатым термином — «страны северные» (Гевонд. С. 72). Территории хазар однозначно находились севернее «земли гуннов», о чем свидетельствует описание маршрута войск хазар, отправившихся военным походом в Закавказье: «...полководец выступил с собранным войском и пошел через землю гуннов и через проход Джорский по земле Маскутов, и сделал набег на страну Пайтакаран» (Гевонд. С. 71—72). Это еще одно свидетельство того, что источники не только VII, но и VIII вв. четко различают «страну гуннов» Прикаспия и «земли хазар», расположенные в непосредственной близости от гуннских владений, у ее северных рубежей.

Гевонд специально не описывает местонахождение «страны гуннов», но из содержания текста явствует, что южные ее границы открывались Дербентским проходом или, как его именует автор, «Каспийскими воротами», «проходом Чора» и «проходом Джорским» (Гевонд. С. 27—28, 72). Других географических ориентиров Гевонд не приводит, хотя из одного сюжета «Истории» Гевонда можно заключить, что «гуннский город Таргу», например, находился у передовых отрогов Кавказских гор, густо покрытых лесом. К горам «Кокоса», спасаясь от разгрома, устремился арабский полководец Маслама после неудач-

ной осады города в 713/714 гг. (Гевонд. С. 28). В 737 г. другой арабский полководец Мерван овладел не названным им городом в «земле гуннов», находившимся на берегу моря (Гевонд. С. 80).

Считается, что этим городом мог быть столичный город страны гуннов Варачан. О взятии его арабскими войсками во главе с Мерваном сообщает армянский историк XIII в. Вардан Великий. Его сообщение лаконично, весь трагизм события передан одной фразой: «Мерван пошел походом на Варачаң — город гуннов, и возвратился оттуда победителем» (Вардан Великий. С. 95). Однако о неназванном городе Гевонда есть и иные мнения, но об этом мы расскажем ниже. Для нас важно отметить, что Гевонд, писавший по горячим следам военных событий арабо-хазарских войн, в отличие от арабских историков IX—X вв., описывавших те же события (ал-Куфи, ат-Табари), локализует в первой половине VIII в. в Прикаспии «страну гуннов» и ее города.

Армянский историк XI в. Степанос Таронский повторяет сведения Гевонда о гуннах в Прикаспии, связывая с ними оборону Дербента в 713/714 гг. (Степанос Таронский. С. 95).

В трудах арабских географов и историков IX—X вв., содержащих основные сведения о Прикаспии VIII — X вв., «страна гуннов» не упоминается. Однако под мощными наслоениями сведений об основных вехах арабо-хазарских войн все же прослеживается судьба населявших ее народов и в период могу-

щества Хазарии, чьим данником стала «страна гуннов».

Обратимся к сочинениям двух арабских авторов, живших в IX-начале X вв. — ал-Куфи и ат-Табари. Они достаточно подробно обрисовывают военные операции на Кавказе в первой половине VIII в., их сведения перекликаются с данными армянского историка Гевонда.

Географические сведения о Прикаспийском Дагестане у ал-Куфи довольно расплывчаты. Районы севернее Дербента обозначены автором различными терминами, но, как правило, «хазарскими» владениями. Автором употреблены иногда общие, неконкретные обозначения: «сторона хазар» и «своя (хазарская) страна» (ал-Куфи. С. 17) или обобщающие понятия — «хазарские земли», обозначающие территории, в целом подвластные хазарам (ал-Куфи. С. 41). В некоторых случаях возможно вычленил в сочинении ал-Куфи названия политических образований, расположенных в Прикаспийском Дагестане.

У ал-Куфи имеются упоминания о «странах», находящихся в союзнических отношениях с Хазарией. Эти политические образования, именуемые у ал-Куфи «странами безбожников», состояли в родственных отношениях с хазарским царем — «были с ним одной веры и племени» (ал-Куфи. С. 21). Как свидетельствуют данные ал-Куфи, эти «страны» обязаны были участвовать в особо важных военных операциях, однако на это требовалось их согласие, что говорит о большой их политической самостоятельности (ал-Куфи. С. 22). В число «стран безбожников»

входила, видимо, и «страна гуннов» армянских источников с г. Семендером, ставшим ее новой столицей.

О Семендере ал-Куфи упоминает неоднократно при описании военных операций в Прикаспии (ал-Куфи. С. 19—20, 41, 49). Но он не говорит о взятии арабами этого города штурмом. Походом на Самандар (Семендер) собирался идти арабский полководец Джаррах, покорив прежде подвластные хазарам земли — «страну Баланджар» и «территорию Вабандар» в 722 г.; однако получив предупреждение от ставшего союзником арабов «владельца Баланджара» о надвигающемся на него огромном войске хазар, Джаррах поспешно увел свои войска за пределы Дербента.

Во время очередного похода против хазар в 727/728 гг. арабский полководец Маслама вступил в несколько городов, покинутых хазарами без боя, среди них был и Самандар. Из Самандара арабам пришлось бежать, узнав об огромных силах, собранных против них хазарами.

В 737/738 гг. арабский полководец Мерван, поставив целью похода взятие столицы «царства хазар» г. ал-Байды на Волге, прежде должен был дойти до Самандара. Туда он попал через земли алан, разорив их. О штурме Самандара или его готовности покориться арабам автор умалчивает. Известно только, что в окрестностях Самандара Мерван тщательно готовил войска к походу на ал-Байду. Войска были перестроены, заново вооружены новыми копьями, переодеты, видимо, в особые, белые одежды, причем все — «воена-

чальники, подчиненные и слуги» (ал-Куфи. С. 49). Из Самандара 150-тыс. войско Мервана выступило на ал-Байду. О Семендере автор не говорит больше ни слова.

Вообще, у ал-Куфи Семендер в сравнении, например, с другим городом Баланджаром, пребывает как бы в тени. Основные военные операции арабов в Прикаспии по данным ал-Куфи проводились на «земле Баланджара». И если Баланджар выступает у ал-Куфи как «земля» или «страна владетеля Баланджара», как главный город этого политического образования, о чем подробнее мы скажем ниже, то Семендер (Самандар) у ал-Куфи — это только «один из хазарских городов» (ал-Куфи. С. 49). Но известно по другим, более ранним армянским источникам, что г. Семендер являлся в VII в. одним из крупных городов «страны гуннов», которая находилась в союзнических отношениях с Хазарией. О «стране гуннов» у ал-Куфи сведений нет. Но некоторые косвенные данные сочинения ал-Куфи позволяют предположить, что в первой половине VIII в. Семендер становится главным городом «страны гуннов» после гибели его прежней столицы Варачана. Резиденция князя гуннов была перенесена в Семендер, располагавшийся во внутренних, северных районах «страны гуннов», пограничных с Хазарией. И в первой половине VIII в. Семендер, по данным ал-Куфи, выступает скорее всего как союзник хазарского царя и «владетеля страны Баланджар», а не как полностью подвластная хазарам территория. В Семендер бежит «владетель Баланджара» после захвата его резиденции арабским пол-

ководцем Джаррахом; хазарский царь обычно собирал большие силы, если нависала угроза захвата арабами Семендера.

Об одном из очень больших сражений, проходивших, по всей вероятности, во владениях «страны гуннов», рассказывает в одном из сюжетов ал-Куфи. В 722/723 гг. арабский полководец Джаррах, преследуя хазарские войска, отступавшие под натиском арабов из Азербайджана, достиг Дербента, покинутого хазарами. В 6 фарсах (около 42 км) к северу от города, на реке ар-Ран произошло первое сражение между арабскими и хазарскими войсками, закончившееся разгромом хазар (ал-Куфи. С. 17 — 18). В эту же кампанию Джаррахом были покорены ал-Хасин (видимо, крепость) и г. Бар'уфа, осаждавшийся арабами в течение 6 дней. Видимо, названные укрепленные населенные пункты также находились в «стране гуннов», т. к. лишь после разорения ее владений арабы перешли на «земли Баланджара».

Пересказ этих событий имеется и в сочинении арабского историка XIII в. Ибн ал-Асира. Но названия некоторых населенных пунктов, занятых Джаррахом во время военной кампании 722/723 гг., переданы Ибн ал-Асиром несколько иначе, чем у ал-Куфи (Ибн ал-Асир. С. 24).

О Семендере в первой половине VIII в. имеются некоторые сведения у ат-Табари (839—923). Во время похода арабского полководца Мервана в 737 г., организованного с целью захвата столицы хазарских царей на р. Волге (р. Сиклабе), арабский полководец приводит свои войска сначала в г. Семендер.

Об этом писал и ал-Куфи, о чем говорилось выше. Но ал-Куфи не объяснил, почему арабы поставили целью достичь Семендер и почему он не был взят ими. Ат-Табари же поясняет, что в Семендере «... жил хакан, царь хазарский, который поспешил оставить город, поэтому Мерван отправился далее, оставив Семендер в тылу, расположился при реке Сиклабе и напал на лагерь неверных...» (ат-Табари. I. С. 87). Как видно из приведенной цитаты, г. Семендер определяется как будто не только как хазарский город, но и как столичный, где располагалась ставка царя хазар. Однако изложение последующих событий у ат-Табари позволяет считать, что столичным городом у хазар был город на р. Сиклабе, ибо ат-Табари называет его «свой (хакана хазар) город». В благодарность за принятие ислама хакан хазар был оставлен Мерваном правителем в «своем городе», несмотря на жестокое поражение, нанесенное хазарам (ат-Табари. I. С. 87). Пребывание царя хазар в Семендере было, видимо, временным и связано с организацией военных операций в Прикаспии против арабской экспансии.

Итак, о судьбе «страны гуннов» в Прикаспии в период арабской экспансии на Кавказе наиболее отчетливы сведения лишь у армянских историков, в основном у Гевонда. Это вполне объяснимо, ибо он писал свой труд примерно через 60 лет после происходивших событий. По его данным, именно «страна гуннов» первой подверглась разорению, произведенному арабскими войсками в Прикаспии. «Страна гуннов» в борьбе с арабами высту-

пает как союзница Хазарии, как одна из основных сил в Прикаспии, способная противостоять натиску арабской экспансии. У ал-Куфи и ат-Табари, писавших примерно через 150 лет после совершившихся событий, сведения о Прикаспийском Дагестане VIII в. неотчетливы, на их передачу наложились, видимо, представления о регионе последующих столетий. Но и у них прослеживается судьба «страны гуннов».

Как показывает сравнительный анализ данных армянских и арабских источников, «страна гуннов» армянских авторов и Семендер арабских для первой половины VIII в. — понятия идентичные, обозначающие район Прикаспия между Дербентом и г. Семендером. С северо-запада к «стране гуннов» примыкала «страна Баланджар», выделившаяся, по всей вероятности, из владений «страны гуннов», о чем мы скажем ниже. Северным ее соседом были хазарские земли.

Как отмечал А. В. Гадло, «царство гуннов» первым приняло на себя удар арабских войск. Это столкновение с арабами, по его мнению, привело к ослаблению союза гуннов, чем и воспользовались хазары (Гадло А. В. 1979. С. 126). Включение территории «страны гуннов» в сферу влияния формирующегося Хазарского государства происходило, как справедливо считает А. В. Гадло, на фоне событий арабо-хазарской войны за Кавказ (Гадло А. В. 1979. С. 153). А. В. Гадло неоднократно подчеркивает в своем исследовании, и мы солидарны с автором, что гунны «страны гуннов» во главе с Алп-Илитвером не могут быть отождествлены с хазарами

и Хазарией, ибо это противоречит данным источников (Гадло А. В. 1979. С. 139, прим. 194. С. 141). М. И. Артамонов отмечал, что Хазария складывалась как федерация племен, сохранивших даже при верховной власти хазарского кагана свою самостоятельность (Артамонов М. И. 1962. С. 184, 189). Л. Н. Гумилев также отмечал, что предгорные и степные районы Дагестана были заселены не хазарами (Гумилев Л. Н. 1992. С. 48).

«СТРАНА БАЛАНДЖАР»

В VIII в. у арабских историков ал-Куфи и ат-Табари на политической карте Прикаспийского Дагестана обозначена «земля Баланджар». Как нам представляется, ал-Куфи под «землей Баланджар» понимает дальнюю кавказскую провинцию Хазарии. Ал-Куфи для ее обозначения употребляет и другие понятия: «земля владетеля Баланджара» или «страна владетеля Баланджара» (ал-Куфи. С. 11, 19). Главным городом ее являлся Баланджар, где располагалась резиденция владетеля «земли Баланджар» (ал-Куфи. С. 10 — 11, 19, 20, 41, 47—48). Вторжение арабов именно в прикаспийскую провинцию хазар — «страну владетеля Баланджара» вводит в особую тревогу хазарского царя, принуждая его предпринимать масштабные ответные военные операции против арабов. С получением известий о вступлении арабов во владения Баланджара, царем хазар отправлялись посланцы во все подвластные хазарам страны для призыва их на войну с арабами (ал-Куфи. С. 21, 41). Собиралось огромное

войско. Так, в сражении за Баланджар в 652/653 гг. против 10-тыс. арабского войска было выставлено 300-тыс. войско хазар (ал-Куфи. С. 10 — 11). После взятия Баланджара в 722 г. арабским полководцем Джаррахом хазарский царь мобилизовал «огромное число хазар» и Джарраха пришлось спастись бегством (ал-Куфи. С. 19 — 20). В очередную военную кампанию, когда арабские войска под командованием Масламы опять вторглись в земли, подвластные хазарам — Баланджар, Вабандар и Самандар, тотчас после получения известия о захвате Баланджара, царь хазар «начал собирать войска со всех хазарских земель и вскоре выступил во главе огромного полчища войск» (ал-Куфи. С. 41). «Их было столько», отмечает автор, что арабы «не были в состоянии оказать им сопротивление». Арабы поспешно отступили до Дербента, преодолевая за один день два дневных перехода. Другой арабский полководец Мерван в 735 г. взял Баланджар и разорил «страну хазар» (ал-Куфи. С. 48). Двумя годами позже Мерван, собрав небывалое количество воинов — 150 тыс. (обычно в операциях арабов в Прикаспии принимало участие от 10 до 40 тыс. воинов) (ал-Куфи. С. 10—11, 18, 47), предпринял успешную операцию по захвату столицы хазар на Волге ал-Байды. Здесь хазарский царь смог противопоставить арабским силам лишь 40 тыс. своих воинов (ал-Куфи. С. 50).

Топографические данные о стране «владельца Баланджара» у ал-Куфи весьма скудные. Известно, что в пределах ее территории протекала быстрая река, с поросшими густым

лесом берегами (ал-Куфи. С. 10). Сам г. Баланджар находился, видимо, вблизи Семендера, именно сюда бежит его владетель после захвата Баланджара Джаррахом.

В современном переводе «Истории» ат-Табари с арабского при описании военных операций арабов на Кавказе упоминается «собственная страна тюрков» и «земля тюрков» с г. Баланджар, которая иногда именуется также просто Баланджаром (ат-Табари. II. С. 74). Интересно отметить, что военные операции в Прикаспийском Дагестане 652/653 гг. обозначены у ат-Табари как «походы Баланджара», лично халиф назначал ответственных за них лиц (ат-Табари. II. С. 75).

«Страна Баланджар» обозначается у ат-Табари в некоторых случаях и как «страна хазар» или «сторона хазар» (ат-Табари. II. С. 76—77). Местоположение г. Баланджара (или страны) определить точно не представляется возможным, хотя косвенные данные, имеющиеся в сочинении ат-Табари, дают какое-то представление об этом. Некоторые политические образования, покоренные арабами, находились, по определению ат-Табари, «за горами Баланджара» (ат-Табари. II. С. 79).

Очень важно сообщение ат-Табари о том, что перед походом на Баланджар в 652/653 гг. один из арабских полководцев Салман Ибн Раби'а был назначен контролировать проходы Баланджара (ат-Табари. II. С. 75). Речь, видимо, шла о перевальных путях, на пути к которым стоял г. Баланджар.

О нахождении Баланджара в предгорьях свидетельствуют и другие факты. Рассказы-

вая о разгроме арабских войск у Баланджара в 653 г., ат-Табари сообщает интересные подробности. Арабы, отступая, разделились на два отряда, один из них пошел в сторону ал-Баба, а другой — по «дорогам страны хазар» и вышел к Джилану и Джурджану (южное побережье Каспия) (ат-Табари. II. С. 76 — 77). Первый отряд продвигался к Дербенту, видимо, по Прикаспийскому пути, который пролегал по территориям, не принадлежащим хазарам, и в силу этого был более безопасным. Как подчеркивает автор, выбор этой дороги спас арабский отряд. Судьба другого отряда арабов не раскрыта автором, но, возможно, значительные силы его были потеряны, т. к. оба решения арабских полководцев о путях отступления противопоставляются автором и предпочтение отдается Прикаспийскому пути. Продвижение по собственным владениям хазар, в обход Прикаспийского пути, через горные перевалы, давало возможность выйти во внутренние районы подвластных арабам территорий. Баланджар ат-Табари, по всей вероятности, находился в стороне от Прикаспийской трассы, в предгорьях, на пути к кавказским перевальным путям.

Ближайшим западным соседом Баланджара была «страна ал-Лан» (Алания); её «города и крепости находились» за Баланджаром (ат-Табари. II. С. 78). Часто военные акции против хазар организовывались арабами с территории Баб ал-Лана, что свидетельствует о том, что «страна тюрок» непосредственно граничила со «страной алан».

О Баланджаре имеются данные и у Ибн

ал-Асира (XIII в.), как известно, почерпнутые им из «Истории» ат-Табари. Косвенные данные автора свидетельствуют о том, что Ибн ал-Асир обозначал топонимом Баланджар в большинстве случаев не город, а страну. Некоторые военные операции арабов в Прикаспии названы им, как у ат-Табари, походы против Баланджара (Ибн ал-Асир. С. 13—14).

Очень лаконичные данные о Баланджаре VIII в. приведены еще двумя арабскими историками, писавшими в конце IX в. — ал-Белазури и ал-Йа'куби. У ал-Белазури районы севернее Дербента обозначены собирательным определением — «сторона хазар» или «земля хазар» (ал-Белазури. С. 16 — 19). Им названы некоторые географические ориентиры в «земле хазар». Это река Баланджар и место нахождения могилы легендарного арабского полководца Салмана — Баланджар (ал-Белазури. С. 14). Баланджар во втором случае — это, возможно, название поля сражения или ущелья, где погиб Салман. Земли, принадлежащие хазарскому царю, обозначены автором иным определением — «его (хазарского царя) юбласть» (ал-Белазури. С. 18). Автор имел в виду при этом Хазарию со столицей на р. Волге.

Ал-Йа'куби, написавший свой исторический труд незадолго до смерти ал-Белазури (891 г.), при описании военных операций арабов на Кавказе повествует примерно о тех же основных вехах завоевания ими горного и Прикаспийского Дагестана, что и ал-Белазури. Но в отличие от него, ал-Йа'куби называет территорию, где проходили сражения в пер-

вой трети VIII в. «страной турок» (ал-Иа'куби. С. 6 — 7) и лишь однажды обозначает ее «страной, принадлежащей хазарам» (ал-Иа'куби. С. 7). Также, как и ал-Белазури, ал-Иа'куби не дает четкой топонимической характеристики «стране турок» и называет те же географические ориентиры для нее, о которых говорил ал-Белазури: река Баланджар и т. н. Баланджар (город, а возможно, местность или область), который завоевывается или покоряется арабами (ал-Иа'куби. С. 5—6).

Баланджар как самостоятельная политическая единица выделилась, видимо, из «страны гуннов». Когда произошло это событие и в связи с чем, источники не дают четкого ответа. И если в конце VII в. «страна гуннов» выступает как некое единое политическое образование, то в первой половине VIII в. на политической карте Прикаспия фиксируется самостоятельное «владение Баланджар», которое связано с Хазарией тесными взаимоотношениями — военными, а возможно, и родственными. Со «страной гуннов» у Баланджара имелись союзнические отношения, призванные к совместным выступлениям против арабов.

М. И. Артамонов так объясняет выделение «страны Баланджар»: после разгрома Прикаспийского Дагестана арабами в регионе образовалось два самостоятельных политических образования. В южной части Прикаспия — «страна Хамзин» с главным городом Хамзином, в северной — «владение Беленджер» со столицей Варачан, а позднее Семендер (Артамонов М. И. 1962. С. 228—229).

А. В. Гадло в отличие от М. И. Артамонова полагает, что Баланджар как самостоятельное этническое образование и политическая сила сформировался до первых походов арабов в Прикаспийский Дагестан (653/654 гг.). После разгрома 721/722 гг. он утратил свою независимость и стал вассалом хазар (Гадло А. В. 1979. С. 120 — 121). А. В. Гадло локализует Баланджар в степях Центрального Предкавказья, к востоку от страны алан и к западу от Семендера (Гадло А. В. 1979. С. 122). М. Г. Магомедов полагает, что «страна Баланджар» включала в себя обширную территорию — долины рек Сулак, Акташ, Ярыксу с центром на Сулаке (Магомедов М. Г. 1983. С. 28—36, 183).

«ТЕРРИТОРИЯ ВАБАНДАР»

Сведений об этом политическом образовании в источниках очень мало. Впервые о нем упоминает ал-Куфи, описывая военную операцию арабов в Прикаспии в 722/723 гг. во главе с Джаррахом. «После захвата Баланджара, — пишет автор, — ал-Джаррах во главе войск мусульман отправился из земель Баланджара и прибыл на территорию Вабандара. Там в это время имелось 40 тыс. домов» (ал-Куфи. С. 19).

У Ибн ал-Асира имеется краткое переложение этого сюжета. Он пишет: «Выступив из Баланджара, ал-Джаррах расположился у замка Олубандар (Олугбендер), в котором было около 40 тысяч тюркских домов (семей) и заключил с ним мир на условиях уплаты им ежегодно определенной суммы» (Ибн ал-Асир. С. 25). Других сведений о Вабандаре-

в источниках нет. Судя по количеству семей, населявших «территорию Вабандар» — 40 тыс., население этой страны составляло около 300 тыс. чел., по мнению А. В. Гадло. 200 — 250 тыс. чел. (Гадло А. В. 1979. С. 121). По косвенным данным можно судить, что ближайшим соседом Вабандара было «владение Баланджар», находившееся к востоку от него. А. В. Гадло полагал, что Вабандар представлял собой одно из племенных объединений или страну. Ее расположение у автора неотчетливо — в глубине северокавказской степи (Гадло А. В. 1979. С. 121).

«ЗЕМЛЯ ХАЙДАК»

«Земля Хайдак» (Кайтак) впервые упоминается арабским историком ал-Куфи в связи с военной акцией арабского полководца Джарраха в Прикаспии в 722/723 гг. Джаррах решил хитростью выманить хазарские войска, укрывшиеся в своей стране и, видимо, избегавшие открытого столкновения с арабами (ал-Куфи. С. 17). Основные силы арабского войска в течение суток совершили скрытый бросок от р. Рубас, далее через Дербенг до р. ар-Ран, а небольшой 3-тыс. отряд тайно был отправлен арабским полководцем в Хайдак. К утру следующего дня этот отряд должен был присоединиться к основным силам арабов на р. ар-Ран. Джаррах тем самым создавал видимость малочисленности своих войск и втягивал хазарские силы в сражение в удобном для себя месте. Хайдак, видимо, был связан с Хазарией союзническими отношениями, т. к. получив известие о разорении, произведенном в Хайдаке арабами, хазарские

войска незамедлительно прибыли к реке ар-Ран, где их уже поджидало 25-тыс. войско арабов. И несмотря на то, что войско хазар насчитывало 40 тыс. воинов, эффект неожиданности, видимо, сыграл свою роль. Хазары бежали с поля сражения.

Точная локализация Хайдака по данным ал-Куфи невозможна. Это политическое образование располагалось где-то на пути к месту сражения (у. р. ар-Ран, находившемуся в 6 фарсах (≈ 42 км.) от Дербента, т. е. на расстоянии одного дневного перехода. А. П. Новосельцев отождествляет р. ар-Ран с современными реками — Уллучаем или Ортозенью (Новосельцев А. П. 1990. С. 189).

Этот же эпизод о Хайдаке, описанный ал-Куфи, повторяет Ибн ал-Асир, однако он не называет Хайдак. Ибн ал-Асир пишет: «И вступил он (Джаррах) в город (Дербент) и разослал свои конные отряды против соседних племен грабить и нападать, и они захватили много добычи и на следующий день вернулись обратно.» (Ибн ал-Асир. С. 24).

Рассказ ал-Куфи о разорении Кайтака Джаррахом повторен в «Книге о Дербенте» (Дербенд-наме. I. С. 34; II. С. 58—59; III. С. 28 — 29). В деталях повествования имеются расхождения — в хронике преувеличена численность арабского отряда, разорившего Кайтак, впрочем и размеры трофеев, захваченных там.

В «Книге о Дербенте» Хайдак (Кайтак) VIII в. упоминается еще в связи с двумя событиями — завоеванием Кайтака Масламой в 733/734 гг. и походом Мервана в Кайтак в 737/738 гг. Арабские источники не упоминают

Хайдак среди политических образований Дагестана, покоренных арабами в военные кампании 733/738 гг. В Румянцевском списке источника результаты похода 733/734 гг. описаны так: «Затем (Абу Муслим) пошел во владение Кайтак. В битвах и сражениях он убил ютважного кайтакского правителя. Он завоевал Кайтак, большую часть его населения обратил в ислам, назначил с них ежегодный харадж. Абу Муслим назначил правителем (Кайтака) одного человека по имени Хамза из числа своих людей» (Дербенд-наме. III. С. 33).

Местоположение Кайтака в VIII в. определяется в хронике севернее Табарсарана (Габасарана), и южнее Тумана (Дербенд-наме. I. С. 29; II. С. 45; III. С. 21).

«СТРАНА ХАЗАР»

Как мы отмечали выше, районы севернее Дербента часто обозначались арабскими авторами для первой половины VIII в. «хазарскими» владениями. Определение «хазарские земли» являлось обычно обобщающим понятием, обозначающим территории, находящиеся в разной степени зависимости от Хазарии. Так, у ал-Куфи в одном случае термином «его (хазарского царя) страна» обозначены владения Баланджара (ал-Куфи. С. 41). Политические образования в Предкавказье (Баланджар и Вабандар), в населенные пункты которых возвратились «хазары» после временного ослабления наступательной политики арабов, к примеру, названы автором «свои (хазарские) земли». В другом случае «страной хазар» обозначены территории в При-

каспии, вновь отвоеванные арабами (ал-Куфи. С. 47).

Однако терминология, употреблявшаяся ал-Куфи для обозначения владений хазар, приобретает более конкретный характер, когда автор описывает события, происходившие на основной территории хазарского царя со столицей в ал-Байде. Она называется у ал-Куфи по-разному, но всегда однозначно по смысловому содержанию — «страна хазар», «Хазария», «свое (хазарского царя) царство» (ал-Куфи. С. 49—52, 69).

Отличают «страну хазар» со столицей на Волге от «хазарских земель» в Прикаспии в VIII в. и другие арабские историки — ал-Белазури и ат-Табари (ал-Белазури. С. 18; ат-Табари. I. С. 88). Ибн ал-Асир также неоднократно называет «страну хазар». Это наименование употребляется иногда как собирательное для обозначения территорий хазар и ее союзников из числа жителей Прикаспия (Ибн ал-Асир. С. 23, 29), но в большинстве случаев — как название основной территории хазар (Хазарии) с г. ал-Байда на Волге (Ибн ал-Асир. С. 26, 31—32).

Четкие границы «страны хазар» для VIII в. в источниках не очерчены. Южные ее границы соприкасались с «владением Семөндер» в Прикаспии.

Как отмечалось выше, ряд исследователей считают, что Восточное Предкавказье попало в политическую зависимость от Хазарии лишь в 60-х гг. VII в., когда в результате разгромных походов арабов в регион ослабла «страна гуннов», принявшая на себя первый натиск

арабской агрессии. Л. Н. Гумилев считал, что исконные территории хазар со II в. н. э. находились в низовьях рек Терек и Сулак, позднее, в III—IV в. хазары продвинулись по берегу моря к устью Волги (Гумилев Л. Н. 1992. С. 38). К началу IX в. Хазария, подчинив многие народы, расширила свои границы. Ее владения, по мнению Л. Н. Гумилева, ограничивались на западе р. Дон, на юге доходили до Кавказа и Яйлы, на востоке—до Яика (Гумилев Л. Н. 1992. С. 62).

Древнейшей территорией хазар, ядром хазарской конфедерации, по мнению А. В. Гадло, являлись современные Черные земли Калмыкии (Гадлю А. В. 1979. С. 136).

По мнению С. А. Плетневой, Хазарская федерация к началу VIII в. занимала степи и предгорья Дагестана, Прикубанья, приазовские степи и большую часть Крыма (Плетнева С. А. 1986. С. 23).

А. П. Новосельцев считает, что родина хазар находилась в Восточном Предкавказье. В VII в. они расселились в устье Волги, а впоследствии колонии хазар имелись в Крыму и на Дону. По мнению исследователя, «хазары в своем государстве не имели компактной территории, а составляли как бы островки в пестром этническом мире юго-востока Европы» (Новосельцев А. П. 1990. С. 112).

Таким образом, для VIII в. различные источники фиксируют в Прикаспийском Дагестане по меньшей мере пять политических образований. Ближайшей к Дербенту была «страна гуннов» или «владение Семендер», занимавшее в это время равнинные районы

Прикаспия между Дербентом и Семендером. К западу от нее в предгорьях находилась, видимо, «земля Хайдак». В степных районах к северу от «земли гуннов» простирались владения хазар, а у северо-западных рубежей «Гуннии» в предгорьях находилась «страна Баланджар», к ней, вероятно, с запада примыкали владения Алании и «территория Вабандар». Политические образования Прикаспия находились в различных отношениях с Хазарским государством, о чем мы скажем ниже.

Таким образом, «страна гуннов» в Прикаспии территориально складывалась исторически. Во II—IV вв. владения гуннов еще не выделялись четко среди сопредельных территорий. Гуннские племена обитали в Прикаспии от устья Волги до северных границ Кавказской Албании. Хотя Дербентский проход и был в это время южным рубежом между кочевым миром гуннов и земледельческими государствами Закавказья, однако этот рубеж был вполне проницаем для гуннских войск, и на определенных этапах гунны занимали также пространства Прикаспия, расположенные к югу от Каспийских ворот.

В своих границах «страна гуннов» оформилась уже в V—VII вв. С гуннами в этот период прочно связывается Дербентский проход — Каспийские ворота, являвшиеся южным рубежом их владений, и равнинные районы Прикаспия, ограниченные с запада передовыми отрогами Кавказа (от Дербента до современной Махачкалы). Но, видимо, им были подвластны также степные районы западного Прикаспия до устья Волги, хотя по-

стоянно меняющаяся в этот период политическая ситуация в степи могла сказываться и на обширности владений гуннов. Однако вплоть до середины VIII в. ее основная территория в Восточном Предкавказье оставалась неизменной.

В первой половине VIII в., вероятно, после разгрома, учиненного арабами в Прикаспийском Дагестане, ее территория расчленяется на несколько обособленных владений. Это — собственно сама «страна гуннов» с новой столицей в Семендере; её владения простирались в это время от Дербента до современной Махачкалы. В её северных районах выделилась «страна Баланджар» и «территория Вабандар», расположенные в предгорных районах, а степи Западного Прикаспия контролировались Хазарией с центром в Итиле.

В последующие периоды (IX-X вв.) «страна гуннов» известна как «страна Семендер», границы ее владений в это время часто меняются, в основном южная, отодвигаясь к северу. В X в. «страна гуннов» была полностью поглощена соседним политическим образованием «царством Хайдак», владения которого до разгромов русов в Прикаспии простирались до Семендера на севере и Дербента на юге. Во второй половине X в. Хайдак занимал лишь предгорные районы, прилегающие к Дербентским владениям. В середине XI в. безлюдные районы северной части Приморской равнины стали вновь возрождаться, в том числе был восстановлен и г. Семендер, владения Хайдака вновь расширились. В XII в. в Прикаспии устанавливается господство половцев.

КАСПИЙСКИЕ НАРОДЫ

Современные теоретические разработки по вопросам происхождения народов и процессов их развития в древнем и современном обществе показывают, что становление и развитие любого этноса отличается сложностью и многогранностью взаимодействия компонентов, способствующих процессам развития и воспроизводства этноса, как то: наличие определенной территории и стабильного языка, а также компонентов, составляющих этнохарактерные особенности культуры, наличие самосознания, выраженного в самоназвании (этнониме). Немаловажное значение имеет также психика этноса. Все специфические свойства этноса должны обладать устойчивостью и традиционностью (Бромлей Ю. В. 1983. С. 55, 57, 63; Бромлей Ю. В., Козлов В. И. 1987. С. 6).

Культура этноса состоит из таких специфических элементов духовной и материальной культуры, которые отличаются традиционностью и устойчивостью (обычаи, обряды, религия, народное искусство, нормы поведения, привычки, пища, одежда, медицина, жилища и т. д.) (Бромлей Ю. В. 1983. С. 55).

Этнос (в узком значении этого термина) определяется как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка

и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)», (Бромлей Ю. В. 1983. С. 57—58).

Латинский историк конца IV в. Аммиан Марцеллин довольно четко выделил внешние признаки этноса, по которым народы сопредельных территорий выделяют иноэтнические образования среди других: «Аланы... раздроблены на множество племен, перечислять которые не считаю нужным. Хотя они кочуют как номады, на громадном пространстве в далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами по однообразию обычаев, дикому образу жизни и одинаковости вооружения» (Аммиан Марцеллин. I. С. 241). Такой подход для выделения иных народов был для древних авторов типичным.

Мы попытаемся дать сводку этнических наименований племен, обитавших в Прикаспии в эпоху Великого переселения народов (II — VIII вв.), привести их самоназвание, охарактеризовать язык и внешний облик, составленный современниками.

1. НАСЕЛЕНИЕ «СТРАНЫ ГУННОВ»

II — IV вв. Как говорилось выше, начиная с середины II в., на западном побережье Каспийского моря, севернее албан и касписов обитали «уины» (гуины) или «хунны» (Дионисий, Клавдий Птолемей). Некоторые авторы V—начала VI вв., пересказывая сведения Дио-

нисия об «уннах», обозначают их собирательным названием, установившимся в литературе для всех кочевников. Ранневизантийский историк Зосим называет их так же, как и Дионисий, «унны» (Зосим. С. 713), римский географ Юлий Гонорий — «скифы-хуны» (Юлий Гонорий. С. 1077), а латинский писатель Присциан по традиции именует их скифами (Присциан. С. 1104).

Для IV в. кочевые племена Прикаспия обозначаются авторами гуннами. Так, Фавстос Бузанд (70 г. V в.) сообщает, что гунны вместе с маскутами, аланами и «другими разношерстными кочевыми племенами» в 30 гг. IV в. совершили набег на Армению (Фавстос Бузанд. С. 15—16). В 60-е гг. IV в., по сообщению того же автора, гунны вместе с аланами воевали уже на стороне армян против Персии (Фавстос Бузанд. С. 113).

Моисей Хоренский (V в.) для еще более раннего времени — первое десятилетие IV в. называет гуннов среди участников военнополитических событий, имевших место в Закавказье (Моисей Хоренский. С. 131). Моисей Хоренский обозначает места расселения гуннов «землей гуннов», однако население этой страны называет этнонимом «басилы» (Моисей Хоренский. С. 131, 201).

Современники гуннских походов в Закавказье и Переднюю Азию знают их как гуннов (Евсевий Иероним, Клавдий Клавдиан).

V в. Начиная с середины V в. источники начинают отмечать в степях Восточного Предкавказья конгломерат племен гуннского круга. Так, армянский историк Егише Вардапет обитателей страны «гуннов» или «хайлан-

дурков» именуется «гуннами-хайландурками» (Егише. С. 31, 127).

Приск Панийский знает на Северном Кавказе другие гуннские племена — угор, сарагур, оногур (Приск Панийский. С. 843).

События политической истории гуннских племен Северо-Восточного Кавказа изобилуют фактами тесных контактов гуннов с племенами ираноязычного круга — маскутами, аланами. Сведения источников о контактах гуннов с маскутами имеются в трудах армянских авторов V в. (Агафангел, Фавстос Бузанд, Егише), хотя о маскутах, живших в соседстве с гуннами, упоминают также авторы VII в. (Мовсес Каланкатуаци, Армянская география VII в.), VIII в. (Гевонд). Данные источников дают возможность считать наличие этих контактов (военных, политических, этнокультурных) объективной реальностью, однако хронология событий, связанных с этими контактами, а также их содержание, вызвали в исторической литературе дискуссию (Гадло А. В., Джафаров Ю. Р.). Широкий разброс мнений исследователей основан на отождествлении в письменной традиции древних авторов двух различных этносов: ираноязычных маскутов и тюркоязычных гуннов (Агафангел, Фавстос Бузанд). Агафангел в своем сочинении называет страну «масаха-гуннов», описывает ее местоположение в пределах северо-восточной части Кавказской Албании, определяет ее статус в политической системе государства албан (Цит. по: Гадло А. В. 1979. С. 32—33). Фавстос Бузанд, описывая совместный военный

поход маскутов, алан, гуннов и других племен Северо-Восточного Кавказа, направленный против Армении, называет Санесана, возглавившего поход, царем маскутов и повелителем войск гуннов. Ю. Р. Джафаров считает, что Фавстос Бузанд повествует не о современных ему гуннах V в., а о немногочисленной группе гуннов, проникших в северо-западные районы Прикаспия задолго до IV в. и попавших в политическую зависимость к маскутам (Джафаров Ю. Р. 1985. С. 25). Точка зрения Ю. Р. Джафарова основана на логическом умозаключении, что гунны играли значительную роль в военно-политических событиях Северного Кавказа V в., поэтому авторы-современники описываемых событий должны были выделить гуннов как главную силу, вступившую в борьбу с Арменией, а не маскутов. А. В. Гадло, приведя ряд убедительных доводов, обосновывает иную точку зрения. Хронология военного похода царя маскутов-гуннов Санесана, по его мнению, относится к концу IV—началу V в. и является описанием «одного из крупных сезонных вторжений кочевников Прикаспия... не нашедших отражения в других памятниках» (Гадло А. В. 1979. С. 37). Сообщение Агафангела о земле масаха-гуннов, по мнению автора, может быть отнесено к 60 г. V в., т. е. до 458 г., по данным Егише, маскуты обитали в северных от Дербентских укреплений районах (Гадло А. В. 1979. С. 31). Мы считаем совершенно справедливым мнение А. В. Гадло о том, что отождествление маскутов и гуннов древними авторами «свидетельствует об определенной интеграции ираноязычных потомков массаге-

тов и тюркоязычных «гуннов» (Гадло А. В. 1979. С. 36).

VI в. В VI в. в письменных источниках появляются данные, свидетельствующие о неоднородности гуннских племен Прикаспия. Об этом много сведений приводит Прокопий Кесарийский. Он знает гуннов Восточного Предкавказья (Прокопий Кесарийский. I а. С. 112; II. С. 381) и почти всегда говорит о них во множественном числе, подчеркивая их неоднородность. Среди гуннских племен Прокопий называет только сабир (савир), постоянно подчеркивая их родство с гуннами (Прокопий Кесарийский. I а. С. 180—181; I б. С. 221; II. С. 381, 407, 416). В ряде случаев Прокопий Кесарийский употребляет двойной этноним — «унны-савиры» или «гунны-савиры» (Прокопий Кесарийский. I а. С. 180—181; II. С. 432).

Прокопий первый из современных ему авторов выделяет среди племен гуннского круга савир. Сведения Прокопия о савирах датируются временем правления персидского царя Кавада (488—496; 499—531).

Агафий особо подчеркивал принадлежность савир к кругу гуннских племен. Описывая осаду г. Археополя в Лазике (Колхида), он сообщал, что в римском войске находился отряд наемных гуннов, «которых называют савирами» (Агафий. С. 88).

Во второй половине VI—начале VII в. гуннское племя савиров было уже хорошо известно византийским историкам. Савиры называются ими среди других племен гуннского круга без всяких пояснений об их происхождении (Менандр Византиец. С. 411, 415—

416; Феофан Византиец. С. 494; Феофилакт Симокатта. С. 160).

Иешу Стилит, описывая события IV—V вв. употребляет по отношению к гуннам Прикаспия этноним «гунны». Его данные свидетельствуют о том, что территория, контролировавшаяся гуннскими племенами, в это время имела оформившиеся границы (Иешу Стилит. С. 131).

Псевдо-Захария в «пределах гуннов», локализуемых им за Каспийскими воротами, к северу от них, знает 13 народов: «Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сиургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит» (Псевдо-Захария. С. 165). Причем сами гунны, как народ, принявший христианство в середине VI в., причисляются автором к пяти верующим народам Кавказа, в то время как 13 других, в том числе и сабиры, являлись, по определению Псевдо-Захарии, народами языческими и варварскими (Псевдо-Захария. С. 165).

Арабские авторы, как отмечалось выше, гуннов на Кавказе не знают, даже для событий начала сасанидской экспансии на Кавказе (конец V в.). Так, у ат-Табари среди племен Северного Кавказа, совершавших в это время постоянные набеги на Армению, названы народы абхаз, банджар, баланджар и алан (ат-Табари. II. С. 69). Эти же народы, но уже как союзники хакана тюрок Синжибу, упомянуты автором позже, при описании событий начала персидско-тюркского противостояния на Кавказе в годы правления Хосрова Ануширвана. К этому же времени отно-

сится раннее упоминание у ат-Табари и хазар (ат-Табари. II. С. 69—70).

Ал-Белазури обозначает население «земли хазар», к которой относит Прикаспий, различными терминами. Для времени иранского владычества на Кавказе это были «хазары» или «турки» (ал-Белазури. С. 5-7).

VII в. Армянский историк VII в. Себеос называет «народ, живший у Каспийских ворот» гуннами (Себеос. С. 30 — 31, 54, 164). В «Армянской географии» называется несколько племен гуннского круга — гунны, басылы, савиры.

В сочинении Мовсеса Каланкатуаци население «страны гуннов» однозначно обозначено этнонимом «гунны». В главах 9—45 второй книги, события которой относятся к VII в., этноним «гунны» употребляется автором 32 раза (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 99, 102 — 103, 119 — 121, 123 — 125, 127 — 134). Ряд исследователей считают, что этноним «гунны» для описания событий 30 — 70 гг. VII в. является анахронизмом, господствующее положение в Прикаспии заняли в это время уже хазары (Новосельцев А. П. 1990. С. 74 — 75, 84). Однако в книге второй «Истории страны алван» этноним «хазирь» употребляется только в 4 случаях, касающихся событий VII в. (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 77—78, 100, 127).

Судя по данным источника, автор различал «гуннов» и «хазирь» по этническим признакам, а также по территориям обитания, обозначенным им областями «хазиров и гуннов» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 148). Различал он и верховную власть каждого из политиче-

ских образований. Так, верховный правитель «страны гуннов» назывался им «князь гуннов», а Хазарского каганата — «хакан хазар» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 127). Их взаимодействие проявлялось только в военных операциях (о чем смотри ниже), во всех остальных сферах жизни Гуннского союза, как свидетельствует источник, «великий князь гуннов» проявлял самостоятельность.

В книге первой Мовсес Каланкатуаци упоминает и другие племена, обитавшие в разное время в Прикаспии — маскуты (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 28, 37, 38, 45, 48), хайландуры, баслы (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 28, 33). Здесь же он еще в восьми случаях говорит о гуннах Прикаспия (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 28, 33, 38, 45, 62, 64).

VIII в. Как отмечалось выше, данные о Прикаспийском Дагестане VIII в. сохранились у армянских и арабских авторов. Армянский историк Вардапет Гевонд знает в Прикаспии в это время «страну гуннов», «гуннские» города. Население именуется автором «гуннами» (Гевонд. С. 27—28, 72, 80—81). Гунны не смешиваются автором с хазарами, и в некоторых военных операциях хазары выступают союзниками гуннов (Гевонд. С. 28), другие осуществляются ими самостоятельно (Гевонд. С. 72). О гуннах VIII в. говорят также более поздние армянские авторы (Вардан Великий. С. 95; Степанос Таронский С. 95).

Арабский историк ал-Куфи (IX—нач. X вв.) население Прикаспийских областей периода военных операций арабов в первой половине VIII в. не называет специальным термином,

он сообщает, как правило, о войсках «хазар» (ал-Куфи. С. 10, 14—15, 17—22, 24, 29—31, 35), с которыми арабы сталкивались в регионе. Лишь однажды ал-Куфи упоминает о «других племенах безбожников», воины которых состояли в войске хазар (ал-Куфи. С. 21).

Ат-Табари, современник ал-Куфи, для обозначения главной, противодействующей арабам силы на Кавказе, применяет два термина — «хазары» и «тюрки», причем большей частью «тюрки» (ат-Табари. II. С. 74, 76 — 80). Следует отметить, что для времени первого этапа арабо-хазарских войн (40 — 50-е гг. VII в.) ат-Табари делает различие между тюрками и жителями Баланджара (ат-Табари. II. С. 76). А для периода господства в Закавказье Ирана среди народов, совершавших военные походы в Армению, подвластную Ирану, автор называет «абхаз, банджар, алан» (ат-Табари. II. С. 69). Для времени тюрко-иранского противостояния — тюрки и хазары (ат-Табари. II. С. 70).

У Ибн ал-Асира (XIII в.), пользовавшегося трудами ат-Табари, жители Баланджара противопоставляются тюркам и хазарам. Жители Баланджара, по сведениям автора, были подчинены тюркам и выступали в военных операциях как их союзники (Ибн ал-Асир. С. 9, 13). Народ «баланджар» вместе с некоторыми другими племенами Северного Кавказа («абхазцы», «банджар») обитали в регионе до появления тюрков. Они вели активные военные операции против Ирана, который выплачивал им ежегодное вознаграждение за

отказ совершать набеги на земли, подвластные Ирану (Ибн ал-Асир. С. 9).

Население Прикаспия времени военных кампаний арабов первой половины VIII в. именуется Ибн ал-Асиром по-разному: тюрки (Ибн ал-Асир. С. 13, 15, 21—23, 25—26 и др.), хазары (Ибн ал-Асир. С. 9, 24—26, 28, 30, 34) и жители Баланджара (Ибн ал-Асир. С. 9). Упоминаются в источнике также «другие тюркские племена» как союзники хазар (Ибн ал-Асир. С. 23) и «другие враги» арабов наряду с хазарами (Ибн ал-Асир. С. 23), а также народы, «живущие за Баланджаром» (Ибн ал-Асир. С. 29).

В большинстве случаев этноним «хазары» и «тюрки» употребляется автором как обобщенное обозначение основных военных сил противника арабов в военных операциях на Кавказе. Чаще автор называет «тюрков», в некоторых военных операциях «тюрки» и «хазары» выступают против арабов как союзники (Ибн ал-Асир. С. 19, 26, 34). Конкретных данных о других народах Прикаспия у Ибн ал-Асира нет.

У ал-Белазури (конец IX в.) главной силой, противодействующей арабам в Прикаспии в VII—VIII вв., были хазары (ал-Белазури. С. 5—7, 16—19).

У ал-Йа'куби жители, которые оказывали арабам упорное сопротивление в обозначенной им «стране турок», названы этнонимами «турки» и «хазары», а в одном случае — «хазарский народ» (ал-Йа'куби. С. 7—9). Возможно, что под «турками» у ал-Йа'куби для событий 726—731 гг. следует понимать

племена, обитавшие в Прикаспии и находившиеся в зависимости от хазар.

2. САМОНАЗВАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ «СТРАНЫ ГУННОВ»

Как отмечалось выше, важное значение при характеристике этнических процессов имеет выявление самоназвания (этнонима) народа. К сожалению, четких данных по этому вопросу источники не содержат. Однако, если проанализировать те части текста «Истории страны алван», где автор приводит переложение речей великого князя гуннов Алп-Илитвера, а также копии грамот, адресованные им к высшим духовным и светским правителям Армении и Албании, то обращает на себя внимание тот факт, что Алп-Илитвер называет свою страну гуннской (Мовсес Каланкатуаци II. С. 132). Отдельные выражения Алп-Илитвера, переданные автором «Истории страны алван», могут служить доказательством того, что гунны отличали себя от соседних народов Албании и Армении не только как особый этнический массив, но и как общество, находящееся в культурном отношении на другом, более низком уровне развития (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 133).

Интересно освещение вопроса о происхождении тюркских народов, родственных хазарам, переданное хазарским царем Иосифом. В письме царя Иосифа (X в.) отражено понимание самих хазар о происхождении этого народа и других тюркских племен. Оно основано на устной традиции, но, возможно, и на

каких-то письменных источниках. Автор письма в подтверждение истинности приводимых сведений о родословной хазар и родственных им племен ссылается на «родословные книги» предков хазар (Иосиф. I. С. 75). Записи в этих книгах были исторического характера, т. к., рассказывая о возвышении хазар, царь Иосиф ссылается на источник своих сведений — «У меня записано...» (Иосиф. II. С. 92).

В письме царя Иосифа помещен перечень десяти тюркских племен, имевших общие корни происхождения. В пространной редакции письма царя Иосифа названы: Авийор, Турис, Аваз, Угуз, Биз-л, Гр-на, Хазар, Янур, Б-лт-р, Савир (Иосиф. II. С. 91—92), в краткой редакции письма в передаче некоторых этнонимов имеются разночтения (Иосиф I. С. 75).

Для нас важно, что в этом перечне тюркских племен хазары и савиры названы как родственные народы, но все же разные. Царь Иосиф особо подчеркивает, что хазары времени Иосифа ведут свое происхождение от «сыновей Хазара» (Иосиф. I. С. 74; II. С. 92), т. е. являются потомками тех хазар, которые выделились из общей массы тюркских племен этнически и политически. Однако возможно, что царь Иосиф говорит здесь не о хазарах в целом, а о своем роде — в краткой и пространной редакции «Письма Иосифа» употреблены разные местоимения. Если это так, то сведения царя Иосифа приобретают иное содержание. Хазарское происхождение имел только правящий царский род, другие роды, о которых упоминает царь хазар в своем письме неоднократно, могли этни-

чески отличаться от царя хазар и его родственников и представлять одно из десяти перечисленных племен.

Следует отметить, что древняя история хазар у царя Иосифа затуманена и написана как бы смазанными красками. Четких сведений о периоде становления хазар как самостоятельного этноса нет. Даже ко времени составления письма сведения о древней истории хазар носят почти легендарный характер. Царь Иосиф отмечает: «...предки мои были малочисленны...» (Иосиф. I. С. 75). Хазары, видимо, мало чем выделялись среди других тюркских племен, проникших в Прикаспийские районы в эпоху Великого переселения народов. Войны, которые вели хазары со многими народами, возвысили и укрепили их.

3. ЯЗЫК НАСЕЛЕНИЯ «СТРАНЫ ГУННОВ»

Специалисты по этническим процессам указывают на тесную связь с этносом языка, который «является не только условием формирования этноса, но и итогом этногенеза». Язык выступает как важнейшее объективное свойство этноса и как символ этнической принадлежности (Бромлей Ю. В., Козлов В. И. 1987. С. 6).

Псевдо-Захарии принадлежит сообщение о том, что еще в первой трети VI в. — в 544 г. (Пигулевская Н. 1941. С. 86) или 520 г. (Джафаров Ю. Р. 1985. С. 87) во время пребывания у гуннов христианской миссии из Кавказской Албании во главе с епископом Кардостом было выпущено «писание», т. е.

священное писание на гуннском языке, как пишет автор, «на их языке» (Псевдо-Захария. С. 166). Этот факт свидетельствует о том, что у населения «страны гуннов» уже в это время сложился единый, общепринятый язык общения. Издание такого важного по идеологическому воздействию на гуннское население труда, каким являлось «писание», не могло быть осуществлено на языке какого-либо одного, даже могущественного племени. Содержание труда должна была понимать по крайней мере значительная часть населения.

В «Истории страны алван» приведены копии двух грамот, написанных от имени великого князя гуннов Алп-Илитвера. Одна из них адресована албанскому католикусу Елизару и князю Албании Вараз-Трдагу, другая — армянскому католикусу Сахаку и князю Армении Григору. В грамотах обосновывалась просьба об учреждении в столице «страны гуннов» г. Варачане отдельного церковного престола (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 133). Однако автор не указывает на своеобразие языка, каким были написаны эти документы. Это дает основание предположить, что грамоты были написаны соответственно на албанском и армянском языках, ибо все внимание автора сосредоточено на содержании текста документов, а сам язык изложения не являлся чем-то необычным для албанского писателя. Вероятно, в стране Алп-Илитвера имелись переводчики, знавшие языки стран, с которыми гунны поддерживали взаимоотношения (Албания, Армения, Грузия, Персия, Византия).

Ал-Истахри (X в.) отмечал, что «язык

хазар не сходен с языком турок и персов, и вообще он не похож на язык ни одного из народов нам известных» (Ал-Истахри. С. 45). Возможно, автор характеризовал язык местного населения Прикаспия, принимавшегося им за хазарское. Последователь ал-Истахри Ибн Хаукаль (X в.), видимо, побывавший на Кавказе, отмечал в регионе существование 360 языков кавказских народов, азербайджанский и персидский, как языки широко распространенные: «Хребет этот (Кабк) огромный; говорят, что в нем 360 языков; я раньше отрицал это, пока не видел сам много городов, и в каждом городе есть свой язык помимо азербайджанского и персидского» (Ибн Хаукаль. С. 97).

Арабский путешественник ал-Гарнати (XI в.) также отмечает в Дагестане множество языков, в том числе хайдакский, тюркский, аланский, асский, арабский, персидский, табасаранский, которые были распространены среди ближайших соседей Дербента (ал-Гарнати. I. С. 26).

Анализ имен собственных племенных вождей и военачальников гуннов Прикаспия указывает на тюркское и иранское их происхождение (Зильфельдт - Симуяги А. Р. 1988. С. 84; Гадло А. В. 1979. С. 148 — 149; Кляшторный С. Г. 1984. С. 21; Джафаров Ю. Р. 1985. С. 79). Анализ имен богов в пантеоне гуннов также свидетельствует о тюркской и иранской их принадлежности (Гадло А. В. 1979. С. 146—147; Кляшторный С. Г. 1984. С. 21; Новосельцев А. П. 1990. С. 80). Эти факты являются дополнительным подтверждением существования

глубокой этнической интеграции в гуннском обществе, о чем говорилось выше.

Н. В. Пигулевская идентифицировала гуннское и тюркское письмо (Пигулевская Н. 1941. С. 86), Н. А. Баскаков относит гуннский язык к западно-хуннской ветви тюркского языка (Баскаков Н. А. 1960. С. 106 — 107). А. Н. Бернштам же считает, что тюркский язык был языком общения только верхушки гуннского общества (Бернштам А. Н. 1951. С. 167), однако выше мы приводили некоторые доводы, дающие возможность предполагать, что гуннский язык был языком общения всего гуннского общества.

4. ВНЕШНИЙ ОБЛИК ГУННОВ ПРИКАСПИЯ

Данных о внешности гуннов Прикаспия в источниках практически нет. Но обратимся сначала к классическому описанию внешнего облика европейских гуннов, сохранившемуся в трудах латинских авторов. Живший примерно в 430—480 гг. епископ Клермона Аполлинарий Сидоний в одном из своих стихотворений так описывает облик гунна: «Над круглой массой тела поднимается узкая голова; под челом в двух щелях есть зрение, но нет глаз; проникающий в местилище мозга свет едва доходит до впалых глазных яблок, однако не закрытых;... для того, чтобы над щеками не выдавались две трубки носа, обвязанная кругом тесьма сдавливает нежные ноздри, чтобы они могли входить под шлемы... растянутая площадь щек становится шире, если посередине не возвышается нос. Остальные части тела у мужчин отличаются красотой:

широкая грудь, могучие плечи, подтянутый под кишками живот. Росту пешего средний...» (Аполлинарий Сидоний. С. 1090).

Аммиан Марцеллин дополняет внешность гуннов такими характерными чертами: «...они стареются безбородыми и лишенными всякой красоты..., все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками...» (Аммиан Марцеллин. I. С. 1021).

Клавдий Клавдиан солидарен в своих впечатлениях о внешности гуннов с другими авторами. Он писал: «У них безобразная внешность и постыдные на вид тела...» (Клавдий Клавдиан. II. С. 1055). Но все эти описания являлись обобщенной передачей внешности гуннов. А вот как выглядел конкретный представитель гуннского племени — царь европейских гуннов Аттила в передаче Иордана: «По внешнему виду Аттила был низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазками, с редкой бородой, тронутую сединой, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом (кожи), он являл все признаки своего происхождения». (Цит. по: Засецкая И. П. 1994. С. 154).

Побывавший в ставке у Аттилы в 448 г. Приск Панийский, запечатлевший свои впечатления в подробном рассказе, однако, никаких негативных эмоций по поводу внешности самого Аттилы, его окружения и гуннских женщин не передает. Напротив, все, с кем приходилось встречаться членам византийского посольства в ставке гуннского царя, отличались изяществом манер, доброжелательностью, строгим соблюдением традиций (Приск Панийский. С. 681—682, 684—691, 693).

Обратимся теперь к немногим описаниям населения Прикаспийского Дагестана, как правило, воинов, принимавших участие в военных операциях в Закавказье в гунский период. Мовсес Каланкатуаци поместил в своем сочинении рассказ о поединке, состоявшемся накануне сражения между предводителем войск гуннов и персидским воином в период правления шаха Шапура II (309 — 379). Вот как описан гунский вождь: «В то самое время выступил гунн из гуннов по имени Хонагур... Сам гунн был высок, исполинского роста и одет в кольчугу, на огромной голове носил клепаный шлем. Медная пластина защищала лоб в три пяди. Древяно огромного копья было из крепкого кедрового дерева. Меч его сверкал пламенем и одним только видом своим наводил ужас» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 66). Конечно, чтобы показать могущество врага и тем самым усилить важность победы над ним, автор мог несколько гипертрофировать образ гунна. Несомненно одно: гунский вождь производил необычное впечатление.

Сохранилось карикатурное описание внешности царя гуннов Джебу-хакана, возглавлявшего вместе с византийским императором Ираклием осаду цитадели Тбилиси в 627 г. А. П. Новосельцев считает, что Джебу-хакан был правителем хазар (Новосельцев А. П. 1990. С. 87, 113). Осажденные изготовили изображение Джебу-хакана из огромной тыквы. Вот как оно выглядело: «...принесли они опомную тыкву кангун в ширину и кангун в длину и нарисовали на ней лицо царя гуннов: вместо ресниц провели линии, которые

нельзя было заметить, место, где должна быть борода, оставили отвратительно голым, ноздри сделали шириной в пядь, усы — редкие, так что нетрудно было его узнать» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 80).

Хотя типичные черты внешности намеренно преувеличены, однако авторами портрета подмечено главное — крупная голова круглой, не вытянутой формы; череп голый, вероятно, высмеивался обычай сбривать волосы на голове; широкие ноздри; слабая волосатость лица.

Общими характерными чертами гуннов, по данным авторов, являлись прежде всего крупная голова, узкой формы глаза, широкое лицо, приплюснутый нос и слабая волосатость лица.

И. П. Засецкая полагает, что европейские гунны, исходя из описаний их внешности, отнесли к племенам монголоидной расы (Засецкая И. П. 1994. С. 154—155). А. П. Новосельцев также считает монголоидом Джебу-хакана, судя по его карикатурному изображению (Новосельцев А. П. 1990. С. 113). К такому же выводу приходил ранее А. Р. Зильфельдт-Симумяги (Зильфельдт-Симумяги А. Р. 1988. С. 83).

Известно, что войска гуннов, тюрюк, хазар, совершавшие военные походы в Закавказье, состояли из различных по этническому составу племен. Поэтому описание внешности предводителей или отдельных ярких представителей их не может быть принятым как их типичный облик. Так, к примеру, под властью Джебу-хакана находились «все племена и роды, проживающие в горах или долинах,

на суше или на островах, оседлые или кочующие, бреющие головы или носящие косы...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 78). Представители всех этих народов были призваны им для войны с Ираном, именно они осаждали цитадель Тбилиси в 627 г., а чуть раньше штурмовали Дербент. Вот как выглядело это войско в глазах очевидцев разгрома Дербента: «... когда (сторожившие город воины) увидели страшное множество людей безобразных и широкоскулых, без ресниц, которые с длинными распущенными, как у женщин волосами, мчались верхом на конях...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 78). Как видим, опять обрисован типичный портрет монголоидов. М. И. Артамонов считал, что здесь приводится описание тюркютов (Артамонов М. И. 1962. С. 155), замечая при этом, что тюркютов, штурмовавших Дербент в 627 г., было немного и что основные силы состояли из представителей подвластных им племен. Но на современников это войско произвело впечатление именно как множество людей «с распущенными волосами», что возможно только при подавляющем большинстве этих воинов. Известно, что подвластные тюркам авары носили косы, болгары и хазары брили головы (Артамонов М. И. 1962. С. 155—156), а савиры, по-видимому, носили волосы распущенными, как женщины. Агафий, описавший события с 552 по 558 гг., замечает, что у правителей франков «волосы сзади красиво падают на плечи, и спереди посредине разделены пробором, а не так, как у турок и аваров, — не причесаны, запущены или некрасиво заплетены».

ны» (Агафий. С. 14). Весьма вероятно, Агафий под турками подразумевал все же гуннов-савир, обитавших на Северном Кавказе и хорошо известных византийским писателям этого времени.

У некоторых арабских географов сохранилось описание хазар. Ал-Истахри, к примеру, отмечает, что «хазары не похожи на турок; они черноволосы и их два класса: они называются «кара-хазары»; они смуглые, даже почти черные, подобно индийцам; другой класс—белый, видный по красоте и наружным качествам. Все, что попадает к нам из рабов хазар, принадлежит к язычникам, разрешающим продажу своих детей и порабощение друг друга, а находящиеся среди них иудеи и христиане, подобно мусульманам, не допускают по своим религиозным воззрениям рабства друг друга» (ал-Истахри. С. 49). Это же описание повторяет Ибн Хаукаль (Ибн Хаукаль. С. 115).

В литературе высказано много суждений, интерпретирующих сведения о внешности хазар (ал-Истахри (Артамонов М. И. 1962, Плетнева С. А. 1986, Новосельцев А. П. 1990 и др.). Нам представляется, что очень важной у ал-Истахри является его реплика — «все, что попадает к нам из рабов хазар». Видимо, свои суждения о хазарах ал-Истахри составил именно по тем личностям, попадавшим на восточные рынки рабов из страны хазар. А. Р. Зильфельдт-Симумяги отмечал, что «различные путешественники или писатели считали «хазарами» всякую народность, находившуюся в подданстве Хазарского государства или ранее входившую в состав большой

федерации, возглавлявшейся собственно хазарами» (Зильфельдт-Симуяги А. Р. 1988. С. 84). Возможно, что ал-Истахри смешивал хазар и подвластное им население «страны гуннов» Прикаспия, отсюда и два класса хазар. Видимо, второй тип, в котором не отмечено основных признаков монголоидности — «белый, видный по красоте и наружным качествам», может быть отнесен к местному населению Прикаспия. Именно такой тип молодых людей и девушек вывозился из покоренных арабами областей Дагестана на невольничий рынок Дербента (ал-Куфи. С. 19, 49, 51, 53, 55—56).

Внешний облик гуннов Прикаспия дополняется описанием костюма. Ал-Истахри, а вслед за ним Ибн Хаукаль отмечали, что основную одежду «хазар и соседних с ними народов составляют куртки и мужские туники» (Ал-Истахри. С. 51; Ибн Хаукаль. С. 115). Примерно также описывают костюм европейских гуннов античные писатели. «Одежда их самая простая...», — замечает Клавдий Клавдиан (Клавдий Клавдиан. С. 196). Аммиан Марцеллин дает более подробное описание одежды гуннов: «Они одеваются в одежды холщовые или сшитые из шкурок лесных мышей; раз надетая туника устарелого цвета снимается или меняется не прежде, чем от долговременного гниения расползается в лохмотьях. Головы они прикрывают кривыми шапками... ноги защищают козьими шкурами; обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом» (Аммиан Марцеллин. I. С. 338). Из описания видно,

что мужской костюм гунна состоял из льняной туники, дополненной, вероятно, меховой одеждой для холодного времени года.

Как выглядел женский костюм у гуннов точно не известно. Приск Панийский отмечает только, что одежда гуннских женщин была типично «варварской», однако поверх нее накидывались ткани, вышитые разноцветными узорами (Приск Панийский. С. 687). Возможно, речь идет о шали или платке. Ал-Куфи в мельчайших подробностях описывает свадебный кортеж дочери хазарского царя Та'атура, но внешний облик невесты передан им одной фразой: «...она в это время была разукрашена и увешана драгоценностями» (Ал-Куфи. С. 63). При ней, правда, были меч и кинжал, но трудно сказать, были ли они необходимым атрибутом костюма знатной женщины или являлись объектами свадебного ритуала.

Облик гуннов Прикаспия могли бы дополнить сведения о психологическом складе, однако в письменных источниках имеются в основном данные о поведении гуннских воинов в боевой обстановке (об этом мы скажем ниже), а привычки их быта почти неизвестны. Ал-Мукаддаси (середина X в.) оставил очень лаконичную и противоречивую характеристику жителей Семендера: «Большая часть жителей его христиане, люди кроткие и любящие чужестранцев, но занимающиеся разбоем» (ал-Мукаддаси. С. 5).

Анализ данных письменных источников показывает, что в период с IV по VII вв. н. э. на территории Северо-Восточного Предкавказья происходило сложение новой этнической общности, отличавшей себя от сопредельных этнических образований самоназванием «гунны». В процессе этногенетической миксации, характеризующейся культурным взаимодействием кочевых и полукочевых племен ираноязычного и тюркоязычного круга, а также части земледельческого населения (Гадло А. В. 1979. С. 158; Джафаров Ю. Р. 1981. С. 12—14; Гмыря Л. Б. 1987. С. 87; 1993. С. 292), к концу VII в. сложились общие специфические черты материальной и духовной культуры населения Северо-Восточного Предкавказья, известного из источников под именем «гунны».

Собственно гунны, а также народы, входившие в состав гуннской конфедерации, сыграли определенную роль в этногенезе некоторых современных народов Дагестана (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 16-27). Исследователи, вскрывая древние пласты современных дагестанских языков, находят в них следы гунно-булгарского влияния (Джидалаев Н. С. 1990. С. 11—54). Тюркское влияние прослеживается также в ономастике Дагестана (Генко А. Н. 1941. С. 104 — 105; Абдуллаев И. Х. 1976. С. 25; Микайлов К. Ш. 1976. С. 192), во многих языках современных народов Дагестана исследователи выявили значительное количество тюркизмов (Джидалаев Н. С. 1990. С. 55 — 232; Тюркско-дагестанские языковые контакты. 1982).

ЭКОНОМИКА СТРАНЫ ГУННОВ

1. СКОТОВОДСТВО, ПРОМЫСЛЫ, ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Сведения письменных источников об экономическом развитии гуннского общества весьма неполны. Гунны в первоначальный период пребывания в Прикаспийском Датестане (конец IV—нач. V в.) известны древним авторам как народ, не знающий земледелия, основными занятиями их были кочевое скотоводство, охота (Аммиан Марцеллин. I. С. 1021-1022; II. С. 237, 239; Клавдий Клавдиан. С. 1055). Однако, по-видимому, уже в это время гунны употребляли продукты земледелия, полученные в результате торгового обмена или приобретенные в грабительских походах в оседлоземледельческих странах. Если Клавдий Клавдиан пишет, что гунны не занимаются земледелием и даже «...избегают даров Цереры...», то другой античный автор Аполлинарий Сидоний отмечает, что «...у них часто недоставало Цереры (т. е. хлеба) и постоянно Лицея (вина)...» (Клавдий Клавдиан. С. 1055; Аполлинарий Сидоний. С. 1092). Прииск Панийский, однако, отмечал, что у европейских гуннов употребляется вместе пшеницы просо, а вместо вина ячменный напиток «камос» — «так называемый по-туземному

мед» (Приск Панийский. С. 684). Речь, по-видимому, шла о бузе. На приеме у царя гуннов Аттилы, как свидетельствует Приск Панийский, подавались гостям роскошные кушанья, сам же Аттила ел мясо и хлеб (Приск Панийский. С. 690).

Скотоводство, видимо, в это время составляло основу экономики гуннского общества.

Состав стада у гуннов IV в. — в основном лошади, но, возможно, и в незначительном объеме — козы. У Аммиана Марцеллина имеются данные о том, что обувь гуннов шилась из козьих шкур (Аммиан Марцеллин. II. С. 1021). Лошади были особой породы, тот же Аммиан Марцеллин отмечал, что лошади у европейских гуннов были выносливые, но «безобразные на вид» (Аммиан Марцеллин. II. С. 1022).

Мало что изменилось в хозяйстве гуннов в последующие столетия (V-VI вв.). Самы гунны так определяют свое экономическое положение начала VI в: «Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей» (Псевдо-Захария. С. 150). Псевдо-Захария (сер. VI в.), перечисляя тринадцать варварских народов, обитавших на Северном Кавказе, в том числе и сабир, отмечает, что они «существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» (Псевдо-Захария. С. 165). И в этот период скотоводство продолжает оставаться основной отраслью хозяйства гуннов, где охота и рыболовство, видимо, являются подсобными отраслями. Псевдо-Захария, описывая события нач. VI в., связанные с успешной миссией к гуннам христианского проповедника Кардос-

та, проведшего христианизацию какой-то части гуннских племен, отмечает, что среди даров византийского императора, посланных гуннам по этому случаю, были пшеница, вино, масло, лен, плоды (Псевдо-Захария. С. 166) — продукты сельского хозяйства, видимо, особо ценимые гуннами. Гуннам были подарены также 30 мулов — породы тяглового скота, не имевшего применения в хозяйстве гуннов. К этому же периоду (529 г.) относится сообщение о том, что другой проповедник епископ Макарий в земле гуннов «насадил растения, посеял различные семена» (Псевдо-Захария. С. 167). Здесь, видимо, идет речь о плодовых деревьях и каких-то сельскохозяйственных культурах, неизвестных среди гуннов. Сведения Прокопия Кесарийского, относящиеся к 1-ой пол. VI в., также свидетельствуют о том, что гунны Северо-Восточного Кавказа занимались коневодством (Прокопий Кесарийский. I. С. 112).

В первой трети VII в. наблюдаются некоторые изменения в хозяйстве племен гуннского круга Северо-Западного Прикаспия. У Мовсеса Каланкатуаци в «Истории страны алван» имеется описание трапезы в лагере войска тюркютов, вторгшихся в 628 г. в Албанию; в этом походе принимали участие и войска гуннов. Среди продуктов, употребляемых гуннами, автор называет мясо «нечистых» животных (верблюдов, лошадей), молоко верблюдов и лошадей, вино, а также «тонкие хлеба, жаренные на сковороде» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 88-89). Мы видим, что в рацион питания гуннов и тюрков в это время включаются не только продукты животновод-

ства, но и земледелия (рожь, пшеница), а также виноградарства. Однако прямых данных о развитии земледелия у гуннов в этот период в источниках нет. Мовсес Каланкатуаци — основной автор истории гуннского общества конца VII в., подробно описывая некоторые стороны жизни гуннов (идеология, социальное развитие), ничего не говорит об уровне развития хозяйства у гуннов. Он отмечает только, что «страна гуннов» отличается изобилием. Анализ мировоззренческих представлений, господствовавших в гуннском обществе конца VII в., описанных Мовсесом Каланкатуаци, свидетельствует о том, что наряду с коневодством земледелие также играет в это время ведущую роль в экономике гуннов, это выявляется также в определении гуннами мест своего обитания как «земнородной отчизны» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 199)

Сведений о развитии хозяйства гуннов в VIII в. в источниках нет, т.к. главное место в сообщениях авторов о Северо-Восточном Кавказе в это время занимают события арабо-хазарских войн.

Арабские авторы IX-X вв. как наиболее важную отрасль в хозяйстве населения Прикаспийского Дагестана называют виноградарство и садоводство. В источниках сообщается о виноградных плантациях в окрестностях Семендера, поражавших очевидцев своими размерами. Ал-Балхи и ал-Истахри называют четыре тысячи виноградных лоз, Ибн Хаукаль — сорок тысяч. Ал-Мукаддаси пишет, что в Семендере «много садов, виноградных лоз и деревьев...» (ал-Балхи. С. 62;

ал-Истахри. С. 47; Ибн Хаукаль. С. 114; ал-Мукаддаси. С. 5). Кому принадлежали эти обширные плантации, кто обрабатывал их, сведений об этом источники не содержат.

Анализ данных письменных источников показывает, что если в IV-VI вв. основной отраслью хозяйства гуннского общества Северо-Восточного Кавказа были кочевое скотоводство (разведение лошадей, коз) и связанная с ним переработка молочных продуктов, а также охота и отчасти рыболовство, то в VII в. помимо скотоводства (разведение лошадей, верблюдов) получают также развитие виноградарство и связанное с ним виноделие, садоводство, а также, видимо, и выращивание зерновых.

2. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Первые сведения о развитии ремесла у племен гуннского круга принадлежат античным авторам. Аммиан Марцеллин упоминал о том, что женщины у гуннов занимались ткачеством (Аммиан Марцеллин. I. С. 1022). Аммиан Марцеллин отмечал, что гунны носят одежды льняные или сшитые из шкурок лесных мышей (Аммиан Марцеллин. II. С. 236). Автор, возможно, называет разные виды сезонной одежды. Одежда у гуннов очень ценилась и изнашивалась до предела, видимо, лен гунны получали в результате торгового обмена или грабежа. О льняном полотне, имевшемся у гуннов, упоминает также Мовсес Каланкатуаци (Мовсес Каланкатуаци. II.

С. 63). Аполлинарий Сидоний говорит также о тесьме, которая применялась у гуннов в процессе искусственной деформации черепа у детей (Аполлинарий Сидоний. С. 1090). Тесьму или ткали, или сплетали. Гунны умели изготавливать также веревки для арканов, видимо, шерстяные (Аммиан Марцеллин. II. С. 238; Моисей Хоренский. С. 131; Степанос Таронский. С. 41).

Развита была у гуннов также обработка кож, шерсти и выделывание изделий из них. Выше говорилось о пошиве меховой одежды у гуннов: Аммиан Марцеллин описывает вид кожаной обуви у гуннов: «обувь, не пригнанная ни на какую колодку, мешает выступать свободным шагом» (Аммиан Марцеллин. II. С. 238). Речь, вероятно, идет о выполненной из сыромятной кожи обуви остроносой формы, что и затрудняло ходьбу. Из кожи изготовлялись также бурдюки для хранения жидкостей. Известен факт, когда войска тюрков и гуннов использовали наполненные песком и камнями бурдюки для сооружения плотины, перегородившей реку и вызвавшей наводнение в осажденном Тбилиси (627 г.) (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 107). Мастерство обработки кож у гуннов было достаточно высоким, они умели выделывать непробиваемые стрелами кожи (Прокопий Кесарийский. II. С. 408). Из шерсти, помимо упоминаемой выше веревки, выделывали также войлок. К первым десятилетиям IV в. относится сообщение источников о том, что некоторые племена гуннского круга Северо-Восточного Кавказа употребляли войлок при выделке защитного вооружения

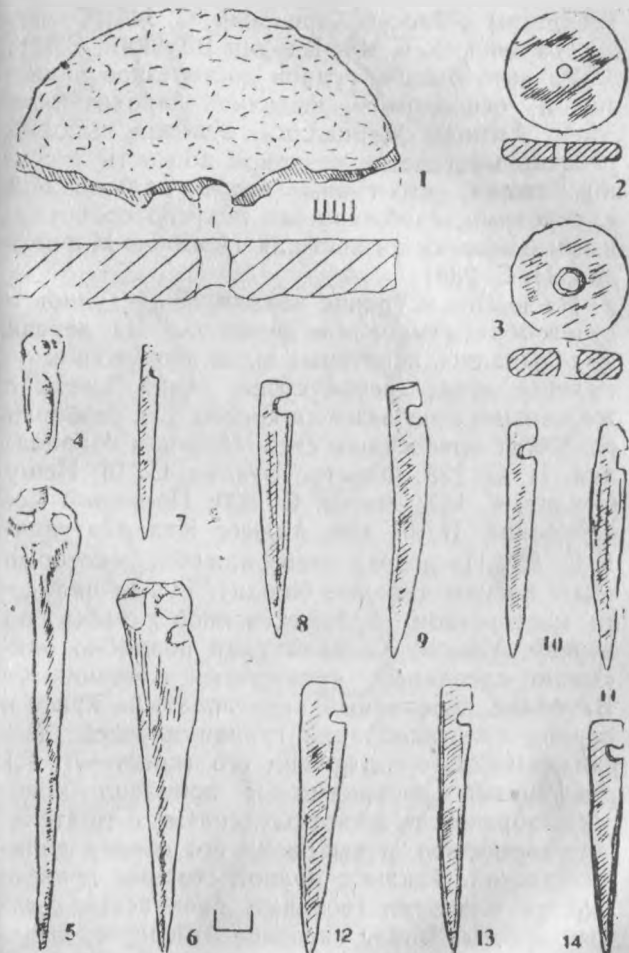

Рис. 2. Орудия труда

1 — 15 — Паласа-сыртское поселение IV-VI вв.
 1 — обломок жернова, 2-3 — пряслица, 4 — лошילו,
 5-6—проколки, 7-14—иглы; 1-3—камень, 4-14—кость

(панцири) (Моисей Хоренский. С. 149; Степанос Гаронский. С. 45; Вардан Великий. С.57).

Развито было у гуннов косторезное ремесло, в основном — выделка наконечников стрел. Аммиан Марцеллин, отмечая высокий уровень мастерства резчиков по кости у гуннов, писал, что гунны ведут дальний бой «...стрелами, снабженными искусно сработанными остриями из кости...» (Аммиан Марцеллин. II. С. 238).

На высоком уровне находилось у гуннов и деревообрабатывающее ремесло. Из дерева выделывались некоторые виды вооружения — палицы, луки, древки стрел, копий, шесты с железными крючьями на концах для разборки разломов крепостных стен (Аммиан Марцеллин. II. С. 238; Фавстос Бузанд. С. 15; Иешу Стилит. С. 157; Зосим. С. 800; Прокопий Кесарийский. II. С. 408; Мовсес Каланкатуаци. I. С. 82) Из дерева изготавливались некоторые виды посуды (ковши, блюда). Гунны овладели мастерством художественной резьбы по дереву. Мовсес Каланкатуаци подробно описывает сделанный «искусными плотниками» Варачана деревянный «кругловатый» крест в период христианизации гуннов миссией Ибраиля (682 г.): «...украсил его (крест—Л. Г.) различными рисунками и приклеил к нему изображения животных, снятых с тщательною верностью, и выкрасил его сверху донизу краской. Также с правой стороны прикрепил он твердыми гвоздями прекрасные светлые кресты. Внизу сквозное отверстие, вырезанное с четырех сторон наподобие лилии. В нем находился серебряный крест с частичкою от креста господня» (Мовсес Каланкатуаци.

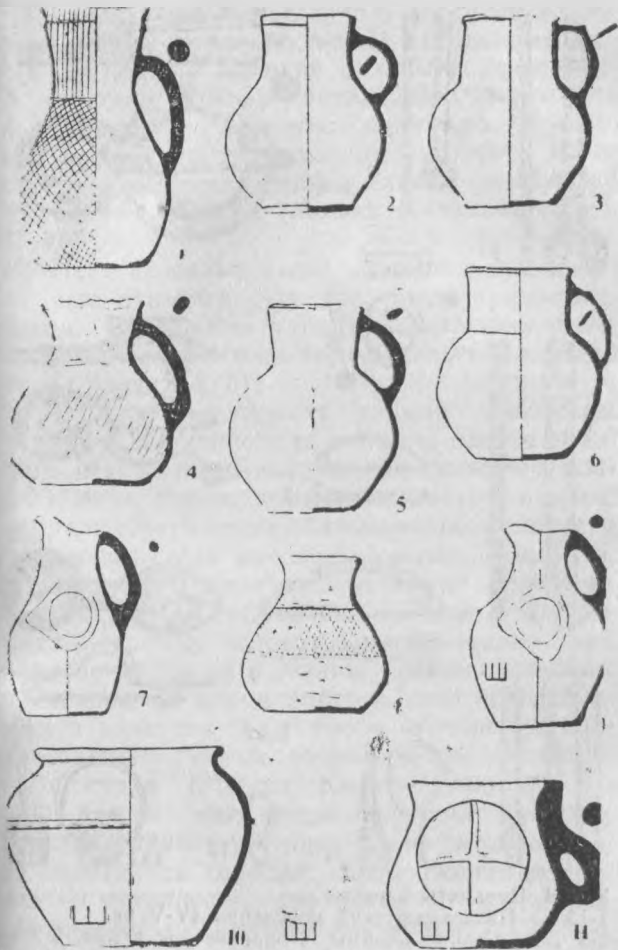

Рис. 3. Сосуды

1-11 — Паласа-сыртский могильник VI-V вв.

1-11 — керамика

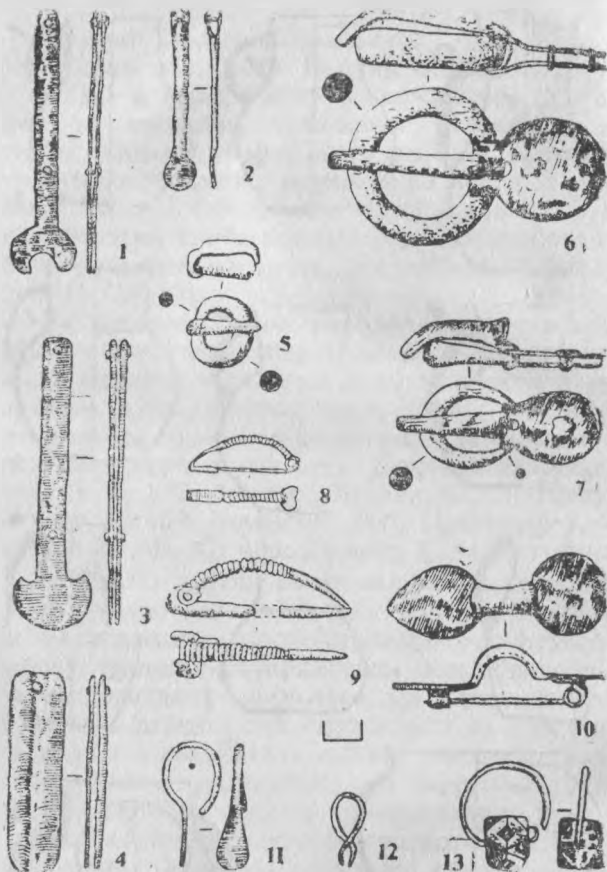

Рис. 4. Предметы одежды

1-13 — Паласа-сыртский могильник IV-V вв.

1-3 — ременные обоймы, 4—наконечник ремня, 5-7 — пряжки, 8-10 — фибулы, 11-12 серьги, 13—височная подвеска; 1, 2, 5, 10-13—бронза, 3, 4, 7—серебро, 6—гагат, серебро, 8—серебро, железо, 9—железо, бронза.

1. С. 203). Из приведенного описания видно, что для изготовления креста необходимы были достаточно высокие навыки резчиков. Крест был украшен различными рисунками, выполненными, вероятно, одним из участников посольства Ираиля, имя которого называется в «Истории страны алван» — «искусный художник» Моисей (Мовсес Каланкатуаци 1. С. 206).

Перечисленные выше виды ремесла, получившие развитие у гуннов, были традиционными, носившими характер домашних ремесел, изделия которых выделывались в каждой семье (рис. 2, 3, 5).

Источники содержат данные о высоком уровне выполненного из металла наступательного и защитного вооружения гуннского воина: мечи, копья, дротики, кольчуги, шлемы, забрала. Металлообрабатывающие ремесла у гуннов получили высокое развитие (рис. 4, 5, 6), однако в железоделательном производстве, а также в обработке цветных металлов (медь, серебро, золото) использовался труд ремесленников из Албании, Грузии, Армении, плененных во время набегов или поставляемых в качестве налогового обложения подвластными гуннам территориями закавказских стран (Мовсес Каланкатуаци. 1. С. 131). Среди ювелирных изделий, имевших распространение у гуннов, были выполненные из золота или серебра «изображения дракона» — украшения, связанные с языческой символикой (Мовсес Каланкатуаци. 1. С. 198).

Аммиану Марцеллину принадлежит свидетельство о том, что в гуннском обществе IV в. были развиты торговые отношения. Он писал,

что гунны «...занимаются куплей и продажей...» (Аммиан Марцеллин. II. С. 238). Видимо, в этот период развития гуннского общества торговля в основном носила характер внутреннего товарного обмена между различными племенами гуннского круга. Но уже в середине V в. европейские гунны, к примеру, требуют от римлян: «Ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для гуннов» (Приск Панийский. II. С. 676). Видимо, речь идет о торговле в пограничных районах.

Выше мы отмечали, что некоторые виды сельскохозяйственной продукции (зерновые, вино, лен) гунны Прикаспия выменивали у соседних оседлоземледельческих народов. Но к началу VII в. торговля, видимо, занимала в экономике гуннского общества заметное место. Среди условий, предъявленных Албании в 628 г. Джебукаганом, было не только согласие на подданство Албании тюркам, передача городов и крепостей, но и уступить «...торговлю войскам моим...» (Мовсес Калаикатуаци. I. С. 121). М. И. Артамонов сделал пояснение к этому пункту условий тюрков, он считал, что речь шла о «доходах от торговли» (Артамонов М. И. 1962. С. 150). Однако это содержание текста может быть интерпретировано и как требование предоставить гуннским воинам преимущественное право на торговлю в пределах Албании. В конце X в. (982/983 г.) гуннский город Семендер описывается анонимным персидским автором «Худуд ал-Алем» как крупный торговый центр, где имеется много базаров и купцов. (Худуд. С. 32).

3. ВОЙНА КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ

Немаловажной статьей дохода гуннского общества были набеги на страны Закавказья, совершаемые гуннскими войсками ежегодно. Гуннское общество находилось на уровне развития, когда, по характеристике Ф. Энгельса: «Война... ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом» (Энгельс Ф. 1982. С. 189—190). Практически все взрослые мужчины у гуннов были воинами. Клавдий Клавдиан отмечал, что у гуннов «считается прекрасным клясться убитыми родителями» (Клавдий Клавдиан. С. 1055), т.е. отцы, погибшие в сражениях, являлись гордостью детей. В период IV—VI вв. грабительские походы являются основным занятием мужского населения племен гуннского круга, обитавших в Прикаспийском Дагестане, главным источником дохода. Фавстос Бузанд, описывая события 30 г. IV в., связанные с неудачной попыткой христианизации племен маскутов и гуннов, подчеркивая варварский образ жизни этих народов, отмечал, что они не представляют других занятий, кроме грабежа, присвоения чужого имущества. «Как же можем мы прокормиться с таким множеством войска? Чем нам жить, если по исконному нашему обычаю не садиться на коней?» (Фавстос Бузанд. С. 14) — так возражали варварские племена в ответ на проповеди католикосом Албании Григорисом христианских добродетелей. Любое другое занятие, кроме войны, считалось у гуннов недостойным делом. Аммиан Марцеллин отмечал, что у гуннов домашними работами заня-

то женское население и дети — «все, что по возрасту и полу не годится для войны...» (Аммиан Марцеллин. II. С. 241). Военные походы как основное занятие гуннов первой трети VI в. называет Псевдо-Захария (Псевдо-Захария. С. 150). Он же в Прибавлении к Птоломею, относящемуся к 555 г., среди занятий савир в последнюю очередь после скотоводства, рыболовства и охоты называет грабительские набеги: «...тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» (Псевдо-Захария. С. 165).

Возможно, что уже в этот период начинается процесс перехода какой-то части населения «страны гуннов» к полуоседлому образу жизни, что нашло отражение в источниках.

Военные походы с целью грабежа, как отмечалось выше, были практически ежегодными, их продолжительность могла быть кратковременной, гунны могли также оставаться на захваченных территориях в течение года (Фавстос Бузанд. С. 15).

Гунны уводили в рабство население захваченных городов и селений. Точных данных о количестве пленных нет, древние авторы сообщают в основном обобщенные сведения (Епише. С. 116; Иешу Стилит. С. 131; Псевдо-Захария. 166; Мовсес Каланкатуаци. I. С. 186). Мовсес Каланкатуаци называет цифры одного из грабительских походов (664 г.) — 1200 пленных (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 153-154).

В грабительских походах захватывались стада овец, а также табуны лошадей. Мовсес Каланкатуаци сообщает о 120 тыс. голов

скота и 7 тыс. коней, захваченных гуннами в 664 г. в Албании. Особо ценились военные трофеи, а также предметы роскоши и оружие — «украшения коней, копыа, золотом обложенные мечи, щиты, превосходные одежды, сделанные искусством греков...», «серебряные кубки и сосуды для питья с резьбой, целиком (отделанные) золотом...» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 125-126, 133).

Все напращенное богатство гуннские воины делили между собой, однако принципы дележа нам не известны, хотя некоторые данные свидетельствуют о том, что уже в сер. VII в. лучшая часть добычи становилась собственностью высших военачальников и вождей союзов племен (Мовсес Каланкатуаци I. С. 120, 133).

Начиная с VI в. в источниках появляются сведения о том, что Персия и Византия, ведущие изнурительные войны за преобладание в Закавказье, заключают с гуннскими вождями договоры об охране подвластных территорий от вторжений противника (Прокопий Кесарийский. Iб. С. 230-231; II. С. 407; Менаандр Византиец. С. 415). Гунны, будучи союзниками одной из сторон, грабили только территории, подвластные другой (Прокопий Кесарийский. Iб. С. 231). Союзнические отношения оплачивались Персией и Византией очень щедро. Одной из причин похода гуннов в земли, подвластные персам, в 513 г. была та, что Византия пообещала гуннам большие дары, если последние разорвут союз с Персией. Гунны потребовали у персов повышения размеров оплаты: «Или дайте нам, сколько (дают) рамен, и мы утвердим с вами союз, или,

если вы нам не дадите, принимайте войну» (Псевдо-Захария. С. 150). Размеры вознаграждения указаны у Прокопия Кесарийского. Он сообщает, что аланы и савиры, заключив союз с Византией, «обязались за три кентария не только предохранить земли Лазов от всякого разорения, но и Иверию так опустошить, чтобы персам не было впредь возможности вступать в нее» (Прокопий Кесарийский. 16. С. 231). Сообщение относится к событиям ирано-византийской войны из-за Лазики (550-555 гг.).

Персия и Византия использовали также платное военное содействие гуннов в военных операциях в период «битвы» за Кавказ. Византийские, армянские и сирийские авторы V-VI вв. неоднократно указывают на гуннских воинов, «продающих свое наемное содействие то тем, то другим» (Агафий. С. 88, 116; Прокопий Кесарийский. II. С. 407; Феофан Византиец. С. 130-131; Псевдо-Захария. С. 163). Военное содействие гуннов оговаривалось условиями соглашения, предусматривающими продолжительность его действия, количество наемных войск гуннов, а также размеры оплаты. Время действия соглашения о военном содействии обуславливалось продолжительностью военных операций, при окончании которых войско гуннов возвращалось на территорию своего обитания (Агафий. С. 117). Отряды наемных войск гуннов были достаточно крупными. Так, в 521 г. царь гуннов Зилигд послал на помощь персам 20 тыс. отряд, такое же количество гуннов во главе с вождами Стираксом и Глонисом пытались в 527 г. прорваться через земли союзницы Ви-

зантии — правительницы гуннов Боарикс (Феофан Исповедник. С. 130-136).

В 531 г. 3-тысячный отряд гуннов сражается в Византийской Армении как союзник Персии (Прокопий Кесарийский. Iа. С. 180). В 551 г. 12 тысяч гуннов прибыли в войско персов, готовящих осаду г. Археополя, однако, как сообщает источник, оставлено было только 4 тысячи (Прокопий Кесарийский. II. С. 416). В повторной осаде Археополя в 555 г. среди персидских войск находился лишь небольшой отряд гуннов (500 чел.), в то же время на стороне Византии сражался 2-тысячный отряд (Агафий С. 88, 117). Размеры оплаты военного содействия определялись, видимо, заранее. Агафий указывает, что гунны получили «условную плату» (Агафий. С. 117). Егише сообщает, что персидский царь Пероз (459-484) послал гуннам уплату за военное содействие (взятие Алаанских ворот, военные действия в течение года в Албании) — «опромные сокровища» (Егише. С. 170). Царь гуннов Зилигд был подкуплен византийцами богатыми подарками, чтобы заручиться поддержкой гуннских войск (Феофан Исповедник. С. 130). Восемь тысяч гуннских воинов, отпущенных персами во время осады Археополя (551 г.), были «богато одарены деньгами» (Прокопий Кесарийский. II. С. 417).

Военное содействие значительно обогащало определенную часть населения «страны гуннов» — крупных военачальников, часть воинов гуннской армии.

Основной статьей дохода гуннского общества в VII в. становится не военная добы-

ча, а налоги и пошлины, взимавшиеся с населения захваченных территорий. Грабительские походы, являвшиеся «постоянным промыслом» гуннов, переросли в войны за политическое преобладание.

М. И. Артамонов определял поход 664 г. князя гуннов Алп-Илитвера на Албанию не как очередной набег, а как войну «с целью поставить Албанию в какую-то форму связи, скорее всего зависимости от гуннов» (Артамонов М. И. 1962. 182-183). Источники не содержат точных данных об условиях мирных соглашений между Албанией и «царством гуннов». Мовсес Каланкатуаци называет лишь одно условие — брак Джуаншера, князя Албании, с дочерью Алп-Илитвера. Однако, описывая события новых переговоров с гуннами, предпринятыми после убийства Джуаншера (669 г.), Мовсес Каланкатуаци отмечает, что новый правитель Албании Вараз Трдат через своего посланника католика Елизара выразил гуннам «верную покорность и любовь» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 186), т. е., видимо, полностью подтвердил условия договора 664 г. Новое соглашение о мире ставило Албанию в политическую зависимость от гуннов, которые признавались «помощниками и защитниками власти» албанских правителей.

Население подвластных гуннам территорий облагалось различными видами поборов и налогов. Мовсес Каланкатуаци отмечает, что в захваченной тюрками Албании (629 г.) все население облагалось подушной податью в размере дидрахмы «по обыкновенной переписи царства персидского» (Мовсес Каланкату-

аци. I. С. 131), дополнительные пошлины платили жупцы, рыбаки, мастера по выделке изделий из драгоценных металлов и железа. Особенно тяжелым бременем для населения подвластных территорий был насильственный увод в плен ремесленников, что приводило к ослаблению экономического развития Албании.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГОРОДА В СТРАНЕ ГУННОВ

1. ГОРОДА

Наиболее ранние сведения о наличии городов на территории обитания племен гуннского круга относятся к началу VI в. Псевдо-Захария в своем Прибавлении к географии Птолемея пишет: «Базгун земля со своим языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящиеся в пределах гуннских. За воротами живут бургары со своим языком, народ языческий и варварский; у них есть города и аланы, у них пять городов» (Псевдо-Захария. С. 165). Каковы были города в «стране гуннов» Прикаспия в VI в. трудно представить.

Аммиан Марцеллин (IV в.) назвал городом стойбище гуннов: «Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбища выедены, напружают свой город на кибитки и двигаются дальше» (Аммиан Марцеллин. II. С. 241). Приск Панийский (сер. V в.) приводит описание столицы державы гуннов Аттилы, совсем не похожее на «города» гуннов Аммиана Марцеллина. Он пишет: «Оттуда мы вскоре достигли деревни, в которой пребывал царь Аттила: деревни, говорю я, похожей на

весьма обширный город...» (Приск Панийский. С. 693). Далее автор описывает великолепные архитектурные сооружения ставки Аттилы, поразившие своим изяществом высокопоставленного византийского чиновника. Приск Панийский отмечал, что свое селение-город Аттила предпочитал взятым европейским городам (Приск Панийский. С. 693). Видимо, город Аттилы отличался чем-то от европейских городов, возможно, традиционной структурой и архитектурой домов, что делало его более привычным для гуннов. Возможно, в VI в. и города в «стране гуннов» Прикаспия выглядели как большие селения.

Начиная с VII в. авторы не только указывают на наличие городов у гуннов Прикаспия, но и приводят их названия.

Варачан. В краткой редакции «Армянской географии» VII в. впервые указывается, что у гуннов, живущих севернее Дербента, есть «город Варачан и другие города» (Армянская география. I. С. 38). В пространной же редакции называется не только «город гуннов Вараджан», но и два других — Чунгарс и Мсандр (Армянская география. II. С. 30). Варачан выделяется в источнике особо, как столица страны — «город гуннов». У Мовсеса Каланкатуаци имеются сведения, относящиеся к 682 г., только об одном городе в «стране гуннов» — Варачане, который автор обозначает эпитетом «великолепный» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 192). Почему Мовсес Каланкатуаци называет так Варачан, трудно судить, т.к. в тексте нет описания города, каких-либо интересных сооружений, бытовых

построек. Видимо, Варачан в это время был известным в сопредельных с гуннами странах городом. Эпитет «великолепный» может быть заменен другим по значению — «известный, знаменитый» (Новосельцев А. П. 1990. С. 123). Он более точно отражает статус города как столицы «страны гуннов». Великий князь гуннов Алп-Илитвер называет Варачан «городом нашим» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 132), что также может служить доказательством того, что Варачан был общепризнанный у гуннов столичный город. В Варачан после долгого, опасного путешествия прибыла миссия албанского епископа Израиля (682 г.). Здесь находилась резиденция Алп-Илитвера, в окрестностях города размещались священные у гуннов места отправления языческих культов. В Варачане и его окрестностях происходят важные для гуннского общества события, связанные с религиозной реформой 682 г.

Армянский историк VIII в. Гевонд в своем сочинении не называет г. Варачан, хотя знает «гуннский» город Таргу. Описывая совместный поход 737 г. арабского полководца Мервана и армянского князя Ашота, Гевонд, не указывая названия города, пишет: «Разбив городские войска, он овладел городом. По взятии города, когда жители увидели, что неприятель одолел их, то многие из них стали бросать имущества свои в море, а другие и сами бросались в море и погибали в безднах его» (Гевонд. С. 80). Почему Гевонд упускает название города, о котором идет речь? Может быть, он подразумевает здесь

«гуннский город Таргу», о котором он говорил выше и поэтому посчитал излишним называть его опять. Вполне вероятно, что он говорит здесь о гуннском городе — столице, известном всем и уточнять его названия было излишним. Так же поступил русский летописец в рассказе о походе Святослава Игоревича на хазар (965 г.). Он писал, что Святослав взял город, т.е. столицу хазар Итиль: «...одоле Святослав козаром и город их и Белу Вежу взя» (ПВЛ. С. 47). Не идет ли у Гевонда речь о том же «великолепном городе Варачане», которым так восхищался Мовсес Калакатуаци всего лишь 55 годами раньше описываемых Гевондом событий? Видимо, не случайно армянский писатель XIII в. Вардан Великий, несомненно, знакомый с трудами своих предшественников, описывая этот же поход Мервана, называет город, который захватили арабы, Варачаном: «Мерван пошел походом на Варачан — город гуннов, и возвратился оттуда победителем» (Вардан Великий. С. 95). А. П. Новосельцев полагает, что у Гевонда речь идет не о Варачане, а о Семендере (Новосельцев А. П. 1990. С. 122).

Местоположение Варачана определено только в пространной редакции «Армянской географии», где указано, что он расположен западнее Дербента у подножия Кавказских гор, т.е. в предгорье (Армянская география. II. С. 30). Мовсес Каланкатуаци тщательно описывает маршрут албанского посольства в столицу гуннов Варачан, подробно останавливается на трудностях и лишениях, которые испытали путешественники, называет многие

населенные пункты, через которые проходил маршрут. Но все подробности обрываются на г. Чога, далее Мовсес Каланкатуаци скороговоркой сообщает: «/Наконец/ накануне сорокадневного поста они прибыли в великолепный город Варачан» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124). По данным Мовсеса Каланкатуаци, путешествие из столицы Кавказской Албании г. Партава в Варачан занимало 51 день (Еремян С. Т. 1939. С. 133-134). Дорога пролегла по Кавказским горам через Главный Кавказский хребет, затем по Прикаспийской равнине до г. Чога, а оттуда — в Варачан. Выше мы анализировали маршрут из г. Партава в г. Варачан, и пришли к выводу, что описанный Мовсесом Каланкатуаци путь в г. Варачан был известным в VII в. и традиционно использовался дипломатическими посольствами как Албании, так и «страны гуннов».

Просуществовал Варачан как столица «страны гуннов» предположительно до 737 г. После разгрома Варачана столичным городом в «стране гуннов» становится г. Семендер.

Семендер. Считается, что г. Семендер впервые упомянут в пространной редакции «Армянской географии» VII в. под именем Мендр (Армянская география. II. С. 30). Однако никаких сведений о нем в этом источнике нет.

Семендер не только упоминают, но и дают описание города, его окрестностей, сообщают топографические особенности, а также его географическое положение большинство арабских авторов.

Ат-Табари впервые упоминает об этом городе при довольно странных обстоятельствах. Сообщая о походе Масламы на Беленджер 732/733 г., ат-Табари описывает путь к городу через Баб-эль-абваб, Гузнаин. И чуть ниже замечает, что «Между тем Маслама двигался к Дербенту и потом к Семендеру...» (ат-Табари. I. С. 82). Что это? Описка автора или же Беленджер и Семендер — один город, может быть, разделенный рекой на две части, каждая из которых имела свое имя, как поздняя столица хазар Итиль. Описывая поход арабов 737 г. во главе с Мерваном на Семендер, ат-Табари сообщает, что 150-тысячная армия арабов разделилась на две части: 120-тысячная армия под руководством Мервана прошла, видимо, через горы, достигнув «долины Баб-аллан», а оттуда Мерван «отправился к Семендеру, хазарскому городу» (ат-Табари. I. С. 86). Сюда же, но уже, по всей вероятности, приморским путем пришел 30-тысячный отряд во главе с владетелем Дербента Озиидом бен Салламом (ат-Табари. I. С. 87). Оставив Семендер в тылу, т.к. хазары покинули город, Мерван последовал дальше и разгромил хазар. Судьбу Семендера ат-Табари более не затрагивает.

Ал-Куфи говорит о Семендере в связи с походами арабских полководцев Джарраха (721/722 г.), Масламы (727/728 г.) и Мервана (737/738 г.), об этом подробно говорилось выше. По ал-Куфи, арабские войска попадали к Семендеру, достигнув прежде г. Баланджара, а иногда и через земли алан (ал-Куфи. С. 19-20, 41, 49).

Арабский географ Ибн Хордадбех, сведения которого относятся ко второй половине IX в., в своем географическом трактате пишет, что «город Самандар расположен за Бабом. Все, что за этим /городом/, в руках хазар» (Ибн Хордадбех. С. 109). Отсюда можно сделать вывод, что г. Семендер являлся как бы пограничной крепостью хазар на Юге. В этом же географическом трактате Ибн Хордадбех перечисляет названия крупных хазарских городов — Хамлидж, Беленджер, Бейда, затем указывает, какие царства находятся к северу от Дербента, и среди них вдруг называет город Семендер (Ибн Хордадбех. С. 109). Почему Семендер не назван среди других хазарских городов, а особо выделен автором? Эти же сведения относительно Семендера повторяет Ибн ал-Факих, писавший в начале X в. (Ибн ал-Факих. С. 41).

Ал-Балхи (X в.) указывает, что Семендер располагался между Дербентом и Итилем и на расстоянии 2 фарсахов от границы царства Серир (ал-Балхи. С. 62).

Ал-Истахри добавляет, что путь из Дербента в Семендер занимал 4 дня и далее до Ипиля еще 7 дней по пустыне (ал-Истахри. С. 39). Данные ал-Истахри повторяет Ибн Хаукаль, увеличив расстояние между Итилем и Семендером до 8 дней пути (Ибн Хаукаль. С. 118). Ал-Мас'уди же помещает Семендер где-то на середине пути между Дербентом и Итилем, дорога же из Дербента в Семендер занимает у него 8 дней (ал-Мас'уди. II. С. 191).

Данные ал-Истахри и Ибн Хаукаля, на первый взгляд, противоречат более ранним

сведениям ал-Масуди о местоположении Семендера. Если ал-Масуди говорит о 8 днях пути из Дербента в Семендер, то упомянутые выше авторы указывают на 4 дня. Это кажущееся противоречие породило предположение о двух Семендерах, существовавших в разное время и в разных местах (Магомедов М. Г. 1983. С. 58-60). Но обратимся к источникам.

Ал-Истахри, писавший в конце жизни ал-Масуди (950 г.), приводит такую информацию о пути из Дербента в Итиль: «...когда пройдеши Мукан, то до Баб-ул-Абваба два дня пути по стране Шарваншаха; далее пройдеши эту страну до Семендера в 4 дня, а от Семендера до Итиля семидневный путь по пустыне» (ал-Истахри. С. 39). Из текста ал-Истахри не совсем понятно, что за страна находилась между Дербентом и Семендером.

Ибн Хаукаль изъясняется более определенно. Вот как передаются им эти данные: «...когда пройдеши Мукан до пределов Баб-уль-Абваба в два дня пути от земель Шарваншаха и его области, то будешь идти до области Семендера 4 дня, а это также населенная местность, а от Семендера до Итиля 7 дней по степи» (Ибн Хаукаль. С. 107).

У Ибн Хаукаля и ал-Истахри речь идет об «области Семендера», а не о городе Семендере, как у Масуди. И четыре дня пути от Дербента, о которых они говорят, приходится до южных границ «области Семендера», а сам Семендер, находился, видимо, в глубине этой области.

У обоих авторов остаются неясными протяженность владений Семендера и местонахож-

ление города. Исходя из данных Масуди о 8-ми днях пути до города Семендера и данных Ибн Хаукаля и ал-Истахри о 4-х днях до «области Семендера», можно заключить, что сам город находился в 4-х днях пути от южных границ своих владений. Так противоречие между сведениями Масуди и двумя другими арабскими авторами снимается. Общее расстояние от Дербента до Итиля остается одинаковым у всех троих — 15 дней пути.

Ал-Муккадаси и анонимный персидский автор (оба автора писали в 80-е гг. X в.) сообщают, что Семендер — приморский город (ал-Муккадаси. С. 4; Хадуд. С. 32).

Царь Иосиф сообщал, что граница «страны хазар» от г. Семендера поворачивает к Баб ал-Абвабу (Иосиф. II. С. 100), что указывает на нахождение г. Семендера в северной части Приморской равнины.

В литературе установилось мнение, что г. Семендер являлся в одно время столицей «страны хазар». Источником этого положения является сообщение арабского географа X в. Ал-Мас'уди, писавшего: «Жители Бабаль-Абваба терпят неприятности от соседнего царства, называемого Джидан, подвластного хазарам, столицей которого служит город по имени Семендер, лежащий на расстоянии восьми дней пути от Баба. Теперь он еще населен хазарским племенем, однако с той поры, как он был завоеван в первые времена ислама Сулейман-ибн-Рабия аль-багадийцем, престол царства был перенесен в Итиль на семь дней пути далее. В Итиле живут в настоящее время цари хазарские» (ал-Мас'уди. I. С. 43). Считается, что ал-

Мас'уди говорит в этой части своего сочинения о Семендере как о столичном городе Хайдака (Джидана), являвшемся таковым во времена ал-Мас'уди, и о Семендере, как бывшей столице «страны хазар», перенесенной в Итиль. Однако, на наш взгляд, возможно и иное понимание содержания рассказа ал-Мас'уди о Хайдаке (Джидане) и его столице. Автор указывает, что Семендер является в его время (943 г.) столицей Хайдака (Джидана), а Итиль — столицей «страны хазар». В прежние времена, а именно, когда г. Семендер был разгромлен арабами, столица хазар была перенесена на Волгу, в Итиль. Где находилась столица хазар прежде и как она называлась, автор в этом сочинении не говорит. В другой своей книге, написанной в год смерти — «Книга предупреждения и пересмотра», ал-Мас'уди указывает четко, что первой столицей хазарского царства был г. Беленджер. Он пишет: «Река хазар, проходящая через город Итиль, нынешнюю столицу хазарского царства. До этого времени был столицей их город Беленджер» (ал-Мас'уди. III. С. 33).

На наш взгляд, автор в первой своей книге, цитируемой выше, сослался на Семендер, рассказывая об Итиле и далее о стране хазар по двум причинам. Во-первых, ал-Мас'уди необходимо было указать точную дату перенесения престола хазарских царей, связанную с таким событием, как разгром Семендера*.

* Б. Н. Заходер полагал, что перенос столицы хазар на Волгу был осуществлен после 722/723 гг. (Заходер Б. Н. 1962, С. 177) В. Ф. Минорский также определял эту дату как 723 г. (Минорский В. Ф. 1963).

Во-вторых, ал-Мас'уди необходимо было указать на точное расположение между новой столицей хазар и хорошо известным во времена ал-Мас'уди г. Семендер. Беленджар, откуда, по-видимому, вели свою родословную хазарские цари, уже не существовал в X в., и нужно было связать сообщение о нем с известным в Прикаспии городом, в частности Семендером, который подвергнется разгрому лишь в 969 г.

В издании 1963 г. книги ал-Мас'уди «Россыпи золота» (перевод В. Ф. Минорского) рассказ о Хайдаке (Джидане) и его столице имеет несколько иное содержание. Приведем отрывок полностью. «Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Хайдак (Джидан), народ которого входит в состав земель хазарских царей. Столицей /последних/ был Самандар, город, лежащий на расстоянии восьми дней пути от ал-Баба. Он и сейчас населен народом из хазар; но так как в ранние дни ислама он был завоеван Сулейманом б. Раби'а ал-Бахили, то управление было перенесено оттуда в город Атил на расстояние семи дней от /Самандара/» (ал-Мас'уди. II. С. 192). В. Ф. Минорский, как видим, устранил противоречия второй части цитаты, вве-

С. 143). Л. Н. Гумилев называл 721 г. (Гумилев Л. Н. 1992. С. 60). Сам ал-Мас'уди называл разные сроки: в одной из книг он писал, что это случилось при арабском халифе Османе (644-656), в другой — в 735 г. (Минорский В. Ф. 1963. Примечание 95. С. 143). А. В. Гадло солидарен с первой датой ал-Мас'уди (Гадло А. В. 1979. С. 152).

дя в текст слово «последних», поясняющего, что Семендер был прежде столицей хазарских царей. Однако при этом не устраняется еще одно противоречие, имеющееся у Мас'уди. Получается, что ал-Мас'уди в первой своей книге называет ранней столицей хазарских царей Семендер, а в книге, написанной через 13 лет, — Беледжер.

Ал-Мас'уди приводит сведения о Семендере и княжестве Хайдак (Джидан) в главе 17, где дается описание Дербента и «соседних с этими местами царей и племен». Рассказав о Кавказе, царстве Табарсаран и, едва начав повествование о Хайдаке (Джидане), прерывает его пространным отступлением, насыщенным сведениями о современной столице хазар Итиле и Хазарском государстве (ал-Мас'уди. II. С. 192-201). Закончив рассказ о современных хазарах, Мас'уди продолжает описание земель, лежащих вблизи Дербента, фразой: «Возвратимся теперь к описанию Баб-уль-Абваба, племен, живущих по соседству со стеной, и к описанию Кабха» (Кавказа) (ал-Мас'уди. II. С. 202). И далее следуют новые сведения о Хайдаке (Джидане) и его ближайших соседях (ал-Мас'уди. II. С. 202-205). Как нам представляется, конец цитаты, содержащей сведения об Итиле, был отступлением от принятого плана изложения и к Семендере прямого отношения не имел.

А. В. Гадло в своей книге неоднократно подчеркивает, и мы с ним солидарны, что Семендер никогда не был хазарским городом, а тем более его столицей. Это был один из крупных городов «страны гуннов», а после разгрома ее столицы Варачана, стал столич-

ным городом «страны гуннов». Хазарами Семендер использовался во время военных кампаний арабо-хазарских войн как база для организации походов против арабов (Гадло А. В. 1979. С. 152 и др.).

История г. Семендера прерывается во второй половине X в. В 969 г. Семендер был разгромлен русами. Об этом повествует Ибн Хаукаль. Он почти полностью повторяет рассказ о Семендере ал-Истахри, вплоть до фразы: «Я не знаю в области Хазар ни одного густонаселенного пункта, кроме Семендера» (ал-Истахри. С. 49) — сравни у Ибн Хаукаля: «Я не знаю, чтобы было в области хазар другое сборное место кроме Семендера» (Ибн Хаукаль. С. 115). Однако эта фраза была лишь данью традиции арабских писателей, помещавших сведения о знаменитом Семендере, Ибн Хаукаль уже ничего нового о Семендере сообщить не мог. Когда писалась книга Ибн Хаукаля (примерно 977 г.), Семендер уже 8 лет лежал в развалинах после разгрома, учиненного русами в 969 г. Вот как об этом трагическом событии пишет сам автор: «У хазар есть также город по имени Семендер, находится он между хазарами и Баб-уль-Абвабом. В нем много садов, и говорят, что они содержат около 40000 лоз. Все это погибло вместе со страной, а она весьма изобиловала лозами и виноградом. Ее населяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети, у христиан храмы, а у иудеев синагоги. Затем пришли русы, разрушили все это и разгромили все, что принадлежало людям хазарским, болгарским и бургасским на реке Итиль» (Ибн Хаукаль. С. 114).

Возможно, что в 1064 г. Семендер был вновь восстановлен и заселен. На наш взгляд, считать так позволяют данные двух источников. Под 1064 г. автор дербентской хроники сообщает, что «остатки хазар численностью 3 тыс. семей прибыли в г. Кахтан хазарской страны (или: в Кахтан на (прежней) хазарской территории). Они отстроили его и поселились в нем» (Тарих ал-Баб. С. 75).

Сведения о г. Кахтане получили в литературе различную интерпретацию. В. Ф. Минорский полагал, что хазары возвратились в Баршалийю (Башлы), отождествляемую им с ранней столицей «страны гуннов» г. Варачаном (Минорский В. Ф. 1963. С. 128-129). А. П. Новосельцев считает, что идентифицировать г. Кахтан с известными городами не представляется возможным (Новосельцев А. П. 1990. С. 231). Мы полагаем, что Кахтан — это, возможно, иначе переданное автором хроники название г. Семендера.

Кахтан упоминается как название арабского племени, у ал-Мас'уди. Он писал, что царь княжества Хайдак (Джидан) ...«заявляет, будто он араб из /племени/ Кахтан. В настоящее время, а именно в 332/943 году он известен как Салифан, и в его государстве нет других мусульман, кроме него, его сына и семьи. Я думаю, что этим прозвищем зовутся все цари этой страны» (ал-Мас'уди. II. С. 202).

Возможно, что в дербентской хронике Кахтаном назван столичный город страны царя Салифана, который вел свое происхождение от арабского рода Кахтан. Если это

так, то речь здесь может идти о столице Хайдака г. Семендере, разрушенном, по сведениям Ибн Хаукаля, в 969 г., т. е. через 25 лет после сообщения о нем Мас'уди. Через 95 лет остатки хазар (имеются в виду, на наш взгляд, потомки жителей Семендера) возвратились в Семендер, отстроив его заново. Возможно, что у автора дербентской хроники под 1064 г. помещена последняя в письменных источниках информация о городе Семендере — поздней столице «страны гуннов» и одном из важнейших городов в подвластных хазарам землях.

Местоположение и принадлежность Кахтана определяется в дербентской хронике как территория, как-то связанная с хазарами — «Кахтан хазарской страны» или возможен другой вариант перевода как «Кахтан на (прежней) хазарской территории» (Тарих ал-Баб. С. 75). Точнее, на наш взгляд, второй вариант, т. к. «владение Семендер» находилось в зависимости от Хазарского каганата, но имело самостоятельное управление, значит не являлось номинально частью «хазарской страны». Видимо, после разгрома Семендера русами город, как и его владения, до 1064 г. находились в запустении, и возвращение в Кахтан-Семендер 3 тыс. семей его жителей стало заметным событием, стоящим того, чтобы быть отмеченным в хронике среди самых важных событий истории Ширвана и Дербента. Остается неясным одно обстоятельство — откуда прибыли «остатки хазар», где они жили до 1064 г. Возможно, они пережидали походы русов где-то в горных районах — в Серире, например, чьим

союзником они часто выступали в первые десятилетия IX в.

А. П. Новосельцев предлагает иной перевод отрывка дербентской хроники, содержащего данные о хазарах 1064 г.: «В том же году остатки хазар численностью в 3000 семей (домов) прибыли в город Кахтан из страны хазар, отстроили его и поселились в нем» (Новосельцев А. П. 1990. С. 231). По мнению автора, его перевод является более точным, чем перевод В. Ф. Минорского, хотя грамматически он выполнен В. Ф. Минорским правильно (Новосельцев А. П. 1990. Примечание 680). Основываясь на допущении, что переписчик «Истории Ширвана и ал-Баба» турецкий автор Мюнаджим-баши мог сделать перестановку фразы оригинала, А. П. Новосельцев предлагает свое понимание содержания фразы. По А. П. Новосельцеву получается, что в 1064 г. хазары прибыли в г. Кахтан из хазарской страны, многие области которой были захвачены аланами (Новосельцев А. П. 1990. С. 193-194). Нам представляется, что источник не дает возможности таким образом интерпретировать его содержание.

Таргу. Этот город обозначается как гуннский Гевонд (Гевонд. С. 28). Автор рассказывает, что Таргу был осажден арабскими войсками во время похода арабского полководца Масламы (713/714 гг.) в «страну гуннов». «Город гуннов» Таргу Гевонд локализует где-то севернее Дербента. Описывая поход арабских войск, Гевонд указывает, что путь в Таргу проходил через проход Чора и какую-то часть «страны гуннов» (Гевонд. С. 28). Видимо, город находился в предгорье,

тк арабский полководец, осаждавший Таргу, спасаясь бегством, бросил обоз, гарем и «направил путь к горе Коказу, вырубил лес и таким образом, пробив себе дорогу, едва избегнул неприятеля...» (Гевснд. С. 28).

Беленджер (Баланджар). Этот город называют только арабские авторы — ал-Куфи, ат-Табари, ал-Белазури, ал-Иа'куби, Ибн-Хордадбех, Ибн ал-Факих, ал-Мас'уди, Ибн ал-Асир, а также персидский Аноним. Ат-Табари так описывает путь Масламы к Беленджеру: «Масламах отправился далее в Баб-Эль-абваб (разорив города Ширвана—Л. Г.) ...В это время в городе находилась тысяча воинов, оставленных там хаканом. Масламах их не тронул и отправился далее к Гузнаину, состоящему из двух городов. Там он не нашел никого, отправился далее и пришел в Беленджер, где также никого не было» (ат-Табари. I. С. 82). Рассказ ал-Куфи о местоположении Беленджера чуть более детализирован подробностями: «После этого он (Салман-Л. Г.) двинулся по направлению к городу Ал-Бабу. В то время там находился хакан, владыка хазар, во главе более чем 300-тыс. войска безбожников.

Когда хакан услышал о приходе арабов к городу, он ушел из него.... Салман ибн Раби'а подошел к городу, и муслимы вступили в Ал-Баб... Салман оставался в городе три дня.. Потом он вышел из города с целью преследования Хакана и его войск. Он достиг одного из хазарских городов, который назывался Йаргу (Бар'уза).... а затем направился.. намереваясь достигь Баланджара, который тоже был одним из хазарских городов... И

приблизился Салман ибн Раби'а в тех краях к густому лесу на берегу быстрой реки, в котором находилась группа хазар из числа воинов «Хакана» (ал-Куфи. С. 10). И третий арабский автор Ибн ал-Асир, использовавший данные ат-Табари, описывает последовательно путь Джарраха от Дербента до Беленджера: «...он (Джаррах — Л. Г.) выступил и шел так быстро, пока не дошел до города ал-Баб-в-ал-абу аба, не встретив хазар. И вступил он в город и разослал свои конные отряды против соседних племен грабить и нападать... И выступили против него (Джаррах — Л. Г.) хазары во главе с сыном их царя и, встретив мусульман у реки ар-Рана, завязали с ним сражение... мусульмане одолели хазар, обратили их в бегство и преследовали их, убивая и захватывая в плен... мусульмане захватили все, что было с ними, а затем двинулись дальше, пока не расположились у замка, известного под названием Хусайн, население которого сдалось по аману. После этого он отправился к городу по имени Ярбуа и осаждал его в течение шести дней... занял их замок и выселил их из него. Далее он двинулся к Баланджару, одному из их (хазар) известных «замков» и осадил его» (Ибн ал-Асир. С. 24).

Из вышеприведенных трех арабских авторов только ал-Куфи дает топонимические ориентиры для Беленджера. Из сведений, сообщаемых им, получается, что Беленджер был расположен к северу от Дербента, через ряд населенных пунктов после него, на берегу большой реки. О реке Баланджар говорят и другие арабские авторы, сообщая о свя-

щенной для арабов могиле арабского полководца, погибшего у Баланджара (ал-Белазури. С. 14; ал-Йа'куби. С. 5.; Ибн ал-Факих. С. 13, 29). Однако их сведения носят уже легендарный характер в сравнении с данными ал-Куфи. Ал-Белазури сообщает о поле сражения или ущелье, находившихся вблизи Беленджера (ал-Белазури. С. 14). По данным Ибн ал-Асира, в окрестностях Беленджера имелся лес, из которого вышли «хазары», видимо, на открытое поле, где и завязалось сражение (Ибн ал-Асир. С. 15). Только Ибн ал-Асир приводит данные о расстоянии между Беленджером и столичным городом хазар ал-Байда, которое составляло 20 фарсахов (20 дневных переходов) (Ибн ал-Асир. С. 14). Для сравнения, расстояние от границ Сарира до Итиля на Волге занимало 12 дневных переходов (Ибн-Русте. С. 45).

Арабские географы IX-X в. сообщают о Беленджере только книжные данные, называя его в перечне известных хазарских городов (Ибн Хордадбех. С. 109; ал-Мукаддаси. С. 3; Ибн ал-Факих. С. 19). Таковыми являются данные и персидского Анонима (Хадуд. С. 32).

Беленджер в первой трети VIII в. был столицей «страны Баланджар», которая располагалась, как показано выше, в предгорье на пути к горным перевалам. Ат-Табари, например, указывает на местоположение некоторых политических центров «за горами Баланджара» (ат-Табари. II С. 79). Сам город Беленджер, судя по данным источников, находился на равнине, на левом берегу большой одноименной реки (битва 653 г. между

арабами и жителями Баланджара состоялась «за рекой», т.е. на противоположном берегу реки от движения войска арабов), поросшей густыми лесами.

Б. Н. Заходер считает, что Баланджар был известен арабским писателям и географам лишь для времени арабских завоеваний на Кавказе. После его захвата в 722/723 гг. и последовавшего переноса столицы хазар на Волгу сведения о нем обрываются (Заходер Б. Н. 1962. С. 177). По мнению А. В. Гадло, жители «страны Баланджар» после разрома их страны арабами переселились к северу от устья Волги (Гадло А. В. 1979. С. 121).

Почти ни у одного из авторов, сообщающих о гуннских и хазарских городах, нет прямых свидетельств об их укреплениях, внутреннем устройстве и т.д. Только персидский Аноним, называя ряд хазарских городов, в том числе и Беленджер, указывает, что все они «с крепкими стенами богатые» (Худуд. С. 32). Из сообщений византийских и арабских авторов можно извлечь лишь косвенные данные о фортификационных сооружениях в городах. Современник описываемых событий Агафий сообщает об умении савирских воинов хорошо укреплять даже временный военный лагерь (Агафий. С. 90, 117). Арабские авторы ряд городов Хазарии называют «крепостями», не вдаваясь в подробности описания достоинств их фортификации (ал-Куфи. С. 19; Ибн ал-Асир. С. 24-25). Ибн ал-Асир, описывая осаду арабами хазарского города Баланджара в 721/722 гг., говорит то о «башне Баланджара», то о повозках, кото-

рые использовались для обороны города: «Население замка собрало 300 повозок, связало их вместе и поставило вокруг своего «замка» с целью обороняться ими и не допускать мусульман к замку. Повозки эти являлись самой сильной помехой в борьбе мусульман с врагом. Они (арабы) ухватились за некоторые из них (повозки), отрезали веревку, которой они были связаны, и потянули их, и они упали вниз и повлекли за собой стальных, так как все они были связаны между собой. После этого к мусульманам спустились все хазары и между ними завязался сильный бой...» (Ибн ал-Асир. С. 21, 24). Из приведенного отрывка видно, что Баланджар в начале VIII в. не был укрепленным городом, так что его защитникам пришлось использовать старый и хорошо испытанный кочевниками способ круговой обороны с применением повозок. Видимо, город был расположен на возвышенном месте (Ибн ал-Асир пишет, что повозки «упали вниз», хазары «спустились» к арабскому войску), но не на обрывистом берегу реки и склоне гор (повозки расположили вокруг замка), а занимал, наверное, один из господствующих над местностью естественных холмов.

Авторы X в. едины во мнении, что Семендер — богатый, густонаселенный город с базарами, мечетями и виноградниками, однако ни один из них даже не упоминает укрепленный Семендера (ал-Балхи. С. 62; ал-Истахри. С. 47; Ибн Хаукаль. С. 114; ал-Мукаддаси. С. 5; Худуд. С. 32).

Таким образом, основываясь на данных письменных источников, можно сделать вы-

вод, что население Прикаспийского Датеста-на до середины VIII в. для усиления обороноспособности своих городов использовало естественный рельеф местности — холмы, овраги, обрывистые берега рек и т.д. Военный лагерь обносился вокруг деревянным частоколом.

Неукрепленными были и города европейских гуннов. Приск Панийский отмечал, что в столице царя гуннов Аттилы деревянной оградой были окружены царский двор и дома его приближенных (Приск Панийский. С. 685, 686, 693). Причем, как подчеркивает Приск Панийский, деревянные стены опоясывали строения «не в видах безопасности, а для красоты» (Приск Панийский. С. 685). Ограда царского двора была украшена башнями и тщательно выполнена.

Имели ли города в «стране гуннов» Прикаспия какую-либо планировку в застройке жилищами, или она была хаотичной — трудно сказать. Мовсес Каланкатуаци, описывая расправу великого князя гуннов Алп-Илитвера над противниками христианизации гуннов, сообщает, что «он приказал некоторых из них бросить в огонь на дорогах или при входах и выходах улиц» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 205). Что понимает автор под улицами? Вероятно, он имеет в виду центральные и запасные ворота города, которыми пользовались не только жители Варачана, но и выходцы из других городов и селений «страны гуннов». Далее Мовсес Каланкатуаци сообщает, что суд над чародеями вершили при стечении жителей на площади города (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 131). У пер-

сидского Анонима имеются сведения о том, что на территории Семендера располагались базары (Худуд. С. 32).

2. ДОМА ЖИТЕЛЕЙ

В сообщениях древних авторов, относящихся к VI в. имеются очень скудные данные о жилищах кочевых племен, обитавших в этот период в Прикаспийских степях. По свидетельству Псевдо-Захарии, это были палатки (Псевдо-Захария. С. 165). Описывая военный лагерь савир, Агафий отмечал, что их хижины были построены из «кольев и шкур» (Агафий. С. 89). Судя по описанию, авторы говорят о жилищах жердевой конструкции. Не исключено, что Агафий дал описание переносного жилища, использовавшегося в военных походах и при перекочевке (Нечаева Л. Г. 1975. С. 16-17).

Каковы были жилища жителей городов и поселений «страны гуннов»? Достаточно много данных о домах Семендера. Арабские географы X в. единодушны в своих описаниях жилищ Семендера. По форме жилища Семендера напоминали шатры, т.к. крыши их были остроконечные, выпуклые (ал-Балхи. С. 62; ал-Истахри. С. 47; Ибн Хаукаль. С. 114; ал-Мукаддаси. С. 5). Жилище состояло из деревянных конструкций, переплетенных камышом (ал-Истахри. С. 47; Ибн Хаукаль. С. 114; ал-Мукаддаси. С. 5.). Только ал-Балхи указывает, что строения семендерцев состояли из сплоченных досок (ал-Балхи. С. 62).

Судя по данным письменных источников, жилища дагестанских гуннов были жердевой

конструкции, каркас жилища составлялся из деревянных кольев, укрепленных одним концом в полу жилища по его периметру, верхние концы кольев скреплялись над серединой жилища. Если жилище было временным, то каркас его покрывался шкурами животных (или войлоком, как обычно юрты), а у дагестанских жилищ каркас из кольев оплетался камышом и, видимо, обмазывался глиной. Такой тип жилища источники называют палаткой, шатром или тюркским домом, так обозначил дома г. Олубандара арабский историк XIII в. Ибн ал-Асир (Ибн ал-Асир. С. 25).

Интересно отметить, что постройки жердевой конструкции с конусовидной крышей сохранились у некоторых народов Дагестана до этнографической действительности, хотя использовались они как хранилища сена (Гаджиева С. Ш. 1960. С. 56; 1961. С. 204-205). Однако С. Ш. Гаджиева приводит убедительные данные, свидетельствующие о былом бытовом назначении построек такого типа (Гаджиева С. Ш. 1960. С. 56; 1961. С. 205).

Как выглядели дома знатных людей в городах «страны гуннов» неизвестно. Мовсес Каланкатуаци упоминает о «царском дворце» в Варачане (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 130), но не дает его описания. Дворец Атилы, к примеру, был деревянный, но отличался высотой от других строений, и находился на возвышенном месте (Приск Панийский. С. 685). Приск Панийский отмечает, что никому не позволялось располагать свое жилище выше дворца царя гуннов, даже вре-

менный шатер посланников византийского императора. Автор отмечает среди строений царского двора «просторные пиршественные залы и очень красиво расположенные портики» (Приск Панийский. С. 693). Некоторые постройки были украшены резьбой (Приск Панийский. С. 687).

Арабский географ ал-Истахри, описывая жилые постройки столицы хазар Итиля, отмечал, что жилищами в городе служат войлочные палатки, а глинобитные дома являются исключением (ал-Истахри. С. 41). Как на особое здание в городе ал-Истахри указывает на дворец царя хазар, построенный из обожженного кирпича, при этом замечая, что царь «не позволяет никому строиться из кирпича» (ал-Истахри. С. 41).

Как видим, жилище городов Прикаспийского Дагестана отличалось от аналогичных построек европейских гуннов и жителей столицы хазар.

Как выглядело жилище изнутри, данных об этом также нет. К примеру, в доме, где жила одна из жен Аттилы, пол был покрыт войлочными коврами, имелось мягкое ложе (Приск Панийский. С. 687). А вот как описывает Приск Панийский внутренний вид помещения, где принимал гостей Аттила: «Посреди сидел на ложе Аттила, а сзади стояло другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой простынями и пестрыми занавесями для украшения...» (Приск Панийский. С. 689—690).

В городах гуннов Прикаспия находились также храмы. Так Мовсес Каланкатуаци отмечал, что крест для молебна в Варачане был

установлен восточнее дворца Алп-Илитвера (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 130), сам великий князь гуннов воздвигал церкви, но где они находились, автор не говорит (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 128).

В Семендере в X в. было несколько мечетей (ал-Балхи. С. 62; ал-Истахри. С. 47; Ибн Хаукаль. С. 114; ал-Мукаддаси. С. 5). Ибн Хаукаль утверждает, что в Семендере помимо мечетей были также христианские храмы и синагоги (Ибн Хаукаль. С. 114).

Где же находились города «страны гуннов»? Вопрос о локализации «гуннских» и «хазарских» городов уже более века дискутируется в исторической литературе, оставаясь и по сей день проблематичным. Несмотря на самые различные трактовки этого вопроса, споры в основном сводятся к одному: существовало ли в Восточном Предкавказье несколько «гуннских» и «хазарских» городов или же наименование одного или двух реальных городов передается источниками по-разному?

Большинство современных исследователей считают исторической реальностью упоминаемые в источниках города Семендер, Беленджер, Варачан, Чунгарс, Таргу, Олугбендер (М. И. Артамонов, Б. А. Рыбаков, С. А. Плетнева, А. В. Гадло, В. Г. Котович, М. Г. Магомедов, Л. Н. Гумилев, Я. А. Федоров, Г. С. Федоров). Однако в вопросах локализации конкретно каждого города единства мнений среди них не выработалось.

Варачан, по мнению М. И. Артамонова, находился в районе современного г. Буйнакса (Артамонов М. И. 1962. С. 186), боль-

шинство исследователей сопоставляют его с городищем Урсеки, расположенным к северо-западу от современного г. Избербаша (Котович В. Г. 1974 а. С. 182-196; Федоров Я. А., Федоров Г. С. 1978. С. 191; Магомедов М. Г. 1983. С. 57). А. П. Новосельцев отождествляет названия двух городов—Варачана и Беленджера, локализуя последний в нижнем течении р. Уллучай, к северу от Дербента (Новосельцев А. П. 1990. С. 123-124). Гаджиев М. С. полагает, что столица «страны гуннов» располагалась на месте городища Шахсенгер, к востоку от с. Башлыкент (Гаджиев М. С. 1990. С. 78).

Как видим, данные письменных источников о Варачане позволяют современным исследователям интерпретировать их самым различным образом и локализовать столицу «страны гуннов» по всему Прикаспийскому Дагестану. Это в общем и понятно, т.к. источники не содержат каких-либо конкретных данных о местонахождении города. А указания «Армянской географии» о расположении Варачана — к западу от Дербента, у Кавказских гор, может быть интерпретировано довольно широко.

М. Г. Магомедов полагает, что у хазар в Прикаспийском Дагестане было четыре столицных города: Беленджер, Семендер-I, Семендер-II и Варачан; причем Варачан, по его мнению, был летней резиденцией хазарских царей (Магомедов М. Г. 1983. С. 50-59). Выше мы приводили доводы в пользу того, что Варачан был столицей «страны гуннов» вплоть до разгрома его арабами. Сведения царя Иосифа о т. н. летней резиденции ха-

зарских царей относятся ко второй половине X в., когда Варачан уже более 200 лет не существовал.

М. С. Гаджиев высказал новую точку зрения, связав Варачан с городищем Шахсенгер. Исходной посылкой в рассуждениях исследователя является положение, что, по данным письменных источников, Варачан — это ставка великого князя гуннов, где располагался «царский лагерь или двор». Поэтому архитектура города должна нести в себе кочевнические традиции устройства царской ставки — крепости, подобно скифской, описанной античными авторами. Но население «страны гуннов» Прикаспия конца VII в. это не гунны времени начала Великого переселения народов. Социально-экономическое развитие народов Юго-Восточной Европы, в том числе и кочевников, протекало в раннее средневековье быстрыми темпами. Известно сообщение Аммиана Марцеллина, относящееся к началу движения гуннов (70 г. IV в.), что домами гуннам служат их кибитки, что они вообще опасаются находиться в каких-либо строениях. А в середине V в., примерно через 80 лет, у гуннов уже имелись города в Европе, а ставка царя гуннов Аттилы представляла собой неукрепленное поселение с деревянными строениями (Прииск Панийский). М. С. Гаджиев в своих построениях, на наш взгляд, не учитывает, по крайней мере, двух факторов — поступательного движения вперед в развитии экономики «страны гуннов» и степени влияния местных оседло-земледельческих традиций на культуру пришельцев-кочевников. Кстати, деревянная архитектура

ставки Аттилы может быть объяснена тем фактом, что в месте ее нахождения не было камня и для сооружения даже бань приходилось ввозить его из Паннонии, как и дерево тоже (Прииск Панийский. С. 685).

Предки гуннов, хунны, умели возводить прекрасные укрепленные города еще во II-I вв. до н. э. (Иволгинское городище), а столица поздних скифов в Крыму, Неаполь скифский, к примеру, была защищена мощными каменными стенами с башнями (Высотская Т. Н. 1979. С. 36-55).

К сожалению, состояние письменных источников и уровень археологического исследования поселений Прикаспия пока не дают возможности говорить о более или менее точном нахождении города Варачана.

Семендер локализуют на месте с. Тарки вблизи Махачкалы (Артамонов М. И. 1936. С. 96; Котович В. Г. 1974б. С. 237-255; Гадло А. В. 1979. С. 152; Магомедов М. Г. 1983. С. 54-56); на древнем берегу Каспийского моря, недалеко от Махачкалы (Рыбаков Б. А. 1952. С. 85); идентифицируют его с Щелковским городищем на р. Терек (Гумилев Л. Н. 1966. С. 169); помещают в долине рек Акташ и Терек (Федоров Я. А., Федоров Г. С. 1978. С. 124, 160-161). М. Г. Магомедов помещает на Щелковском городище Семендер-II (вторую по времени столицу хазар (Магомедов М. Г. 1983. С. 59). Новосельцев А. П. отождествляет Семендер и ал-Байда, предполагая их нахождение на берегу Каспийского моря в районе Нижний Терек — современная Махачкала или севернее — в бассейне Акташа или Терека (Новосельцев А. П. 1990. С. 128).

Мы солидарны с локализацией Семендера на месте с. Тарки.

Беленджер связывают с Верхнечирюртовским городищем на р. Сулак (Магомедов М. Г. 1983. С. 50; Федоров Я. А. Федоров Г. С. 1978. С. 123-124; Плетнева С. А. 1986. С. 25); помещают его в долине р. Терек (Рыбаков Б. А. 1952. С. 85). В. Г. Котович располагает Беленджер к югу от Дербента (Белиджинское городище Торпах-Кала) (Котович В. Г. 1974а. С. 210-213).

Город Таргу В. Г. Котович помещает на месте городища Таргу в долине реки Гамриозень (Котович В. Г. 1974а. С. 220-228). Ряд исследователей идентифицируют этот город с с. Тарки (Еремян С. Т. 1939. С. 145; Лавров Л. И. 1958. С. 13-15; Новосельцев А. П. 1990. С. 133).

Город Чунгарс С. Т. Еремян связывал с Андрейаульским городищем (Еремян С. Т. 1939. С. 220-228), с этим же памятником сопоставляет М. Г. Магомедов г. Олубендер (Атаев Д. М., Магомедов М. Г. 1974. С. 138).

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГУННОВ

1. СТАНОВЛЕНИЕ ГУННСКОГО СОЮЗА

Сравнительный анализ данных письменных источников IV-V вв. показывает, что письменная традиция в этот период еще не различает полиэтничности кочевого населения гуннского круга Восточного Предкавказья. Только с сер. V в. источники фиксируют в этом регионе различные племена гуннского круга — хайландурков, гуннов, угоров, сарагур, оногур, а с начала VI в. — гуннов-савир.

Византийские и сирийские авторы середины VI в. знают гуннов-савир как многочисленный народ, разделенный на множество племен. Псевдо-Захария, сообщая о просветительской деятельности епископа Макара среди северокавказских гуннов (529 г.) пишет: «...когда властители этих народов увидели что-то новое, они очень удивились и обрадовались мужам, почитали их и каждый звал их в свою сторону к своему племени и просил, чтобы они были ему учителями» (Псевдо-Захария. С. 167).

Прокопий Кесарийский также отмечает, что племя гуннов-сабир «очень многочисленное, разделенное, как полагается на много

самостоятельных юлен» (Прокопий Кесарийский. II. С. 407). Указывая на непостоянство савир в военных союзах, Агафий сомневается, есть ли это один народ: «..те ли самые или другие, но во всяком случае из этого народа, посланные в качестве союзного войска» (Агафий. С. 117)

Уже упоминавшийся эпизод расправы царицы Боарикс над сепаратистскими устремлениями вождей гуннских племен (527/528 гг.) свидетельствует как о разрозненности савирских племен в первой четверти VI в., так и о начинающемся процессе создания союза. Под властью Боарикс находилось 100 тыс. гуннов—это уже довольно крупное племенное объединение. После решительной расправы над своими противниками, Боарикс, видимо, подчинила своей власти и их орды. Автор пишет: «В этом же году пришла к ромеям некая женщина из гуннов, именуемых савир, варвар по имени Боарикс, вдова, имея при себе ст тысяч гуннов. Она стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха. Эта /Боарикс/ захватила двух царей другого племени внутренних гуннов, по имени Стиракс и Глона, склоненных Кавадом, императором персов, оказать ему военную помощь против ромеев и проходящих по ее землям в /пределы/ Персии с двадцатью тысячами. Их-то она и разбила: одного царя из них, именуемого Стиракс, схватив, она отослала в Константинополь императору, Глону же убила в сражении. Таким образом она стала союзницей и /была/ в мире с императо-

ром Юстинианом» (Феофан Исповедник. С. 50).

Как уже сложившийся союз племен предстают перед ними гунны-савиры конца VII в. у Мовсеса Каланкатуаци. В это время гунны-савиры знают власть лишь одного вождя — «высокопрестольного князя Алп-Илитвера» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 127). Так выделяет Мовсес Каланкатуаци Алп-Илитвера среди других вождей племен.

2. СИЛА И СЛАБОСТЬ ВЛАСТИ ЦАРЯ ГУННОВ

Трудно определить, как же именовался верховный правитель гуннского общества. В «Армянской географии» довольно ясно говорится, что «царь их (савир — Л. Г.) назывался хаган, а царица, жена хагана, хатун» (Армянская география. II. С. 30). Но этим термином (каган) многие авторы называли правителя хазар. Феофан Исповедник называет правителя гуннов царем (Феофан Исповедник. С. 50). Самые разнообразные термины употребляет Мовсес Каланкатуаци: «царь гуннов», «полководец и великий князь гуннов Алп-Илитвер», «великий князь гуннов», «князь», «высокопрестольный князь Алп-Илитвер», «князь гуннский» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 102, 120-121, 124-125, 127, 129-131, 133). Гунны установили высеченный из дерева крест у дома Алп-Илитвера, который Мовсес Каланкатуаци именует царским дворцом (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 130). Ал-Мас'уди называет правителя страны Хай-

даж (Джидан) царем (ал-Мас'уди. II. С. 202). Ал-Истахри именует правителя Семендера (поздней столицы гуннов) также царем (ал-Истахри. С. 47).

Различия в терминах, употреблявшихся авторами, видимо, хронологические. Для времени V-VII вв., когда «страна гуннов» была самостоятельным племенным объединением, авторы именуют правителя гуннов царем, а в конце VII в., когда гунны попали в политическую зависимость от хазар — великим князем. Арабские же авторы X в., времени, когда власть хазар на подвластные ей народы ослабла, также называют его царем.

Как бы там ни было, ясно одно, что власть над союзом гуннских племен в VII в. находилась в руках одного человека — представителя аристократического рода. В имени правителя гуннов — Алп-Илитвер — сохранились отголоски былых родовых обычаев, когда вождем становится самый опытный и уважаемый человек («алп» на тюркских языках имеет следующие значения: «герой», «богатырь», «великан, исполин» (Севортян Э. В. 1974. С. 139). Возможно, что Алп-Илитвер достиг высокой власти благодаря своим достоинствам. Мовсес Каланкатуаци отмечает, что Алп-Илитвер «...выделяясь силой и доблестью, он прославился на состязаниях, как победитель на греческих олимпиадах, отличившись силой среди всех остальных...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 127). Автор «Истории страны алван» наделяет великого князя гуннов самыми разными эпитетами: радельный, боголюбивый, благородный, благочестивый, благомыслящий (Мовсес Каланка-

туацн. II. С. 124-127, 130). Возможно, что такой высокой оценки автора князь гуннов был удостоен за главный подвиг в своей жизни — принятие христианства и христианизацию населения «страны гуннов». В переводе К. Патканьяна указывается на еще одно достоинство великого князя — богатство (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 199).

Судя по переводу Ш. В. Смбатяна, звание Илитвер князь получил от хакана хазар, «совершив многие подвиги храбрости в Туркестане при хакане хазиров» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 127—128). Перевод текста К. Патканьяна такой информации не содержит.

Власть правителя гуннов распространялась на все области внутренней и внешней жизни гуннского общества (Гмыря Л. Б. 1979. С. 12-13; 1980. С. 30-31; 1988. С. 114). Царь гуннов начинал войну и зачастую сам предводительствовал войсками, вел переговоры с правителями других государств и заключал с ними союзы (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 102—103, 120). Он решал такие важные вопросы, как выбор или смена религии (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 127-134).

В своих руках Алп-Илитвер сосредоточил полномочия верховного суда. Мовсес Каланкатуаци подробно описывает, как проходил суд над старшими жрецами и главными колдунами, которые отказались принять христианство и призывали к сопротивлению народ. По велению Алп-Илитвера созвали горожан на городскую площадь, где состоялся суд. Автор пишет, что суд проходил при «многочисленном собрании народа». Общим

сторонам (епископу Израилю и жрецам) дали возможность высказаться. Начал епископ, который в своей проповеди «строго бранил и осуждал их». В ответных речах высшие служители культа «стали поносить себя, признавая свои грехи... и обратились в истинную веру» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 131).

В своих руках великий князь сосредоточил и карающие функции. Автор пишет: «И повелел князь властью своей высокой схватить поклоняющихся сатане и дьяволам колдунов и ворожеев, вместе с главными жрецами...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 130). С согласия великого князя епископ Израил повелел некоторых служителей культа «сечь на кострах, а главных жрецов и колдунов в оковах бросить в темницы, где они находились до суда над ними около месяца».

Как видим, в руках великого князя гуннов были сосредоточены все функции управления обществом. Однако правитель гуннов принужден был отдавать дань былой демократии родо-племенного общества и в особо важных вопросах искал согласия у родовой аристократии и вождей племен. Прежде чем обратиться к епископу Израилю, просвещавшему гуннов, с просьбой остаться главой христианства в «стране гуннов», он должен был добиться одобрения этого решения у «всех вельмож и нахараров своего царства» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 131). Автор подчеркивает, что решение обратиться с просьбой к Израилю было принято «великим князем гуннов и всеми вельможами».

Аммиан Марцеллин (IV в.) указывал, что гунны важные дела обсуждают сообща (Аммиан Марцеллин. II. С. 238). Фавстос Бузанд сообщает, что маскутский царь Санесан, предводительствующий гуннскими войсками, приняв решение о проведении христианизации, отменил его, — «царь изменил свою мысль и внял словам своего войска», — подчеркивает автор (Фавстос Бузанд. С. 14). Санесан не смог преодолеть сопротивления значительной части входивших в племенной союз племен.

В «Истории страны алван» нет данных о том, что личность великого князя гуннов обожествлялась. К примеру, у тюрков верховный правитель Джебу-хакан отождествлялся с божеством солнца. Его сын Шат, предводительствовавший войсками, клялся именем отца словами: «Клянусь тебе солнцем отца моего Джебу-хакана» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 89). Его самого подданные величали «Бог Шат» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 89). Обожествление личности царя Аттилы было и у гуннов. Приск Панийский сообщает, что вождь одного из племен, акациров, находившихся в подчинении царя гуннов, свой отказ прибыть к Аттиле мотивировал тем, что «трудно человеку явиться перед лицом бога: ведь если даже на солнечный диск нельзя посмотреть пристально, то как может кто-либо невредимо лицезреть величайшего из богов» (Приск Панийский. С. 684).

3. БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ ЦАРЯ

«История страны алван» изобилует фактами, подтверждающими то, что в гуннском обществе VII в. существовал выделившийся класс аристократии, родовой и служилой. Мовсес Каланкатуаци называет знать приближенными Алп-Илитвера (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 127). К ним он причисляет вельмож — азатов, нахараров, князей (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124-125, 127-134). Автор называет имена некоторых представителей класса аристократии: «знатный князь Авчи, имевший титул тархана», постельничий Алп-Илитвера Чаткасар (Чат-Хазр), вельможа Итгин из Хурсана, которых Мовсес Каланкатуаци называет также князьями (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 132-134). Вполне возможно предположить, что в данном случае речь идет о представителях родоплеменной аристократии, с которыми великий князь гуннов совещается при решении важных вопросов, в среде которых он находит поддержку в проведении удобной ему политики, они выполняют важные поручения великого князя, касающиеся внешнеполитических отношений гуннов с другими государствами. Так князь Авчи и постельничий Алп-Илитвера Чаткасар были посланы великим князем гуннов к епископу Израилю с поручением передать его и вельмож «страны гуннов» просьбу остаться просветителем у гуннов. А вельможи Итгин и Чат-хазр были отправлены Алп-Илитвером как его посланники в Армению и Албанию. Авчи с тюркского переводится как «охотник» (Гадло А. В. 1979. С.

148). Тарханы, по мнению исследователей, являлись военным сословием, состоящим из знатных людей (Гадло А. В. 1979. С. 148; Новосельцев А. П. 1990. С. 118-119). Ими могли быть азаты и нахарары (Новосельцев А. П. 1990. С. 118). Князья занимали в сравнении с тарханами более высокое положение, они являлись главами племен (Новосельцев А. П. 1990. С. 118). Постельничий Чат-Хазр (Чаткасар), по мнению А. В. Гадло, был, возможно, правителем дома великого князя (Гадло А. В. 1979. С. 148), а вельможа Итгин из Хурсана — один из представителей местной горской аристократии, находящейся в какой-то зависимости от князя гуннов (Гадло А. В. 1979. С. 149-150).

В некоторых ситуациях, не носящих официального характера, для дипломатических миссий великий князь использовал ближайших родственников. Так, совершив очередной военный поход в области Кавказской Албании в 664 г. «Алп-Илитвер отправил к Джуаншеру братьев своих с просьбой о встрече» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 102).

Ряд других авторов указывают на наличие у гуннов в VI в. служилой знати. Сирийский источник называет имя военачальника гуннов Суникса, который, приняв христианство, бежит к византийцам (Псевдо-Захария. С. 162). Византийские авторы называют имена вождей гуннских племен, участвовавших в военных действиях ирано-византийской войны из-за Лазики в качестве наемников.

Прокопий Кесарийский упоминает об эпизоде во время осады персами г. Археополя,

когда разгорелся ожесточенный бой из-за тела убитого начальника сабиров (Прокопий Кесарийский. II. С. 432). Агафий называет имена Баймаха, Кутилзиса, Илагера — военачальников савир, под чьим руководством в войске византийцев сражался двухтысячный отряд воинов, а Феофан Исповедник рассказывает о вождах гуннских племен Стираксе и Глонисе, чья сепаратистская деятельность была решительно пресечена правительницей гуннов-савир Боарикс (Феофан Исповедник. С. 136).

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВОЙСКО И ВОЙНА

1. ВОЙСКО ГУННОВ

Как было показано выше, военные походы в земледельческие страны Закавказья, увод в плен населения, захват скота, предметов роскоши являлись одной из основных статей дохода экономики гуннского общества IV-VII вв. Война и организация для войны у гуннов Северо-Восточного Кавказа являлись «...регулярными функциями народной жизни» (Энгельс Ф. 1982. С. 189). Участие в военных походах было основной обязанностью мужского населения «страны гуннов». Смерть на полях сражений считалась единственно достойной мужчины. Аммиан Марцеллин отмечал, что у гуннов «те, кто доживает до старости и умирает естественной смертью, преследуется у них жестокими насмешками, как выродки и трусы». Погибшие в бою родители были гордостью детей (Аммиан Марцеллин. II. С. 242).

Подготовка будущих воинов начиналась у гуннов с раннего детства. Как свидетельствует Аммиан Марцеллин, дети «с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду, молодежь обучают искусству верховой езды» (Аммиан Марцеллин. II. С. 237-241). Гунны производили детям деформацию лица,

сдавливая нос обвязанной кругом тесьмой, в результате этого голова становилась узкой, лицо плоским, широким и легко помещалось под шлемом. «Так материнская любовь обезображивает детей, рожденных ради битв...», — писал Аполлинарий Сидоний (Аполлинарий Сидоний. С. 1090).

Точных данных об организации войска у гуннов нет. Фавстос Бузанд, описывая войско маскутского царя Санесана, состоящее из гуннов, указывает, что войско это было огромным и подразделялось на полки и отряды (Фавстос Бузанд. С. 15). Об этой же структуре пишет Мовсес Каланкатуаци, описывая войско царя гуннов Алп-Илитвера: «...взяв свое многочисленное войско..., вооруженных в броню ратников с их воеводами, знаменами, полками, броненосных стрелков и вооруженных всадников, покрытых кольчугами и шлемами...» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 185). У гуннов существовала военная атрибутика в виде знамен, которые, вероятно, были принадлежностью каждого подразделения войска (Фавстос Бузанд. С. 15; Мовсес Каланкатуаци. I. С. 185).

Армия «страны гуннов» в VII в. находилась в подчинении царя. Царь зачастую сам предводительствовал войсками в военных походах, однако, видимо, возглавлял наиболее ответственные операции. Мовсес Каланкатуаци указывает, что великий князь гуннов Алп-Илитвер, которого он также именуется полководцем, «прославившись силой, богатством и храбростью в войнах... прослыл перед всеми могущественным и наследовал великолепную, доблестную славу; показал

многого подвигов храбрости в Туркестане...» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 199). Вероятно, царь не только возглавлял военные операции, но и сам принимал участие в сражениях. Иногда руководство войсками поручалось наследнику престола, как это было во время военного похода тюрок в 629/630 гг. в Закавказье, когда покорение Албании было поручено царевичу. Ставка царя усиленно охранялась во время военных операций (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 121, 125-126).

Полки и отряды в войске гуннов возглавлялись военачальниками. Сирийские и византийские авторы VI в. называют имена некоторых из них: Суникс, Баймах, Кутилзис, Илагер, Стиракс, Глонис (Псевдо-Захария. С. 162; Агафий. С. 88).

Во время штурма г. Харрана (502 г.) осажденные захватили в плен вождя гуннов, который, как пишет Иешу Стилит, «был известный муж и был весьма уважаем персидским царем...» (Иешу Стилит. С. 155). Чтобы вызволить гуннского полководца, персы сняли осаду с города. Видимо, личная честь гуннского военачальника была превыше успеха в сражении. Даже тело погибшего военного вождя гуннов не оставлялось врагам. Прокопий Кесарийский пишет, что во время штурма г. Археополя (553 г.) из-за тела убитого «начальника сабиров» «разгорелся сильный бой, продолжавшийся до сумерек» (Прокопий Кесарийский. II. С. 432).

По свидетельству Фавстоса Бузанда, у гуннов периодически устраивались смотры войск, видимо, на заранее определенных местах. Целью смотров являлся подсчет коли-

чества воинов, проводимый, видимо, перед очередным нашествием. Фавстос Бузанд так описывает один из смотров: «...каждый человек нес по камню и бросал в одно место в кучу, чтобы по тому, сколько окажется камней, можно было определить количество людей... И всюду, где они проходили, они ставляли такие знаки на перекрестках дорог и на путях» (Фавстос Бузанд. С. 15).

Авторы IV в. отмечают, что войско гуннов в этот период состояло в основном из конницы (Евсевий Иероним. С. 369), и навыки пешего боя были недостаточно развиты у гуннов (Аммиан Марцеллин. II. С. 238; Зосим. С. 800). Конные войска отличались превосходной выучкой и мастерством. Данные же Мовсеса Каланкатуаци свидетельствуют о том, что в конце VII в. армия гуннов состояла из хорошо вооруженной, защищенной доспехами пехоты и конницы (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 184-185).

Военный лагерь гунны ограждали временными деревянными укреплениями; использовали также выгодный для обороны рельеф местности (Агафий. С. 117).

О способности войск, совершавших военные походы в страны Закавказья, свидетельствует один из отрывков «Истории страны алван»: «И не могли препятствовать нашествию врага скалистые горы и каменные ущелья неприступных гаваров Арцаха. Но грехи наши сделали для них легким трудный /путь/, и кони их, не спотыкаясь двигались по вершинам гор» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 87).

В войске гуннов были переводчики, знавшие языки сопредельных со «страной гуннов» государств (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 62).

2. Вооружение воина и снаряжение

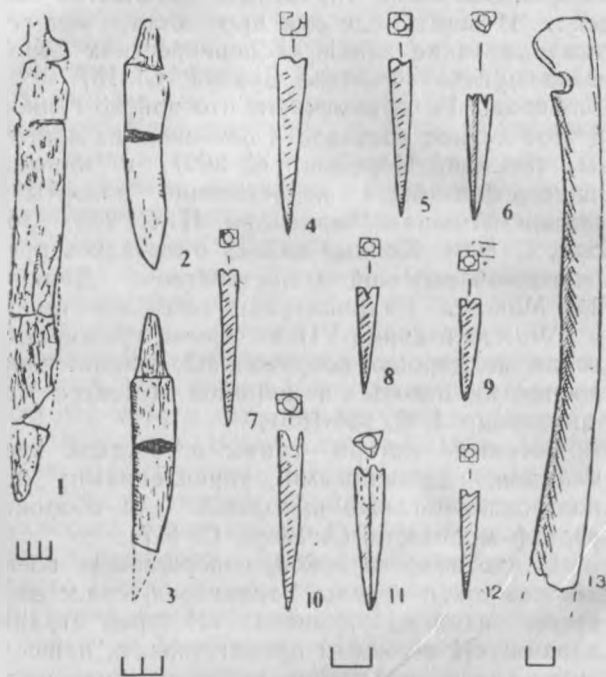

Рис. 5. Оружие

1-3 — Паласа-сыртский могильник IV-V вв., 4-13 — Паласа-сыртское поселение IV-VI вв.

1 — меч, 2-3 — ножи, 4-12 — наконечники стрел, 13 — накладка лука; 1-3 — железо, 4-13 — кость

Вооружение гуннского воина включало в себя защитные доспехи, дистанционное оружие, оружие ближнего боя, а также осадную технику (рис. 5).

О защищенных доспехах гуннских всадниках впервые упоминают античные авторы — Флавий Вегетий Ренат и Аполлинарий Сидоний (Флавий Вегетий Ренат. С. 1080; Аполлинарий Сидоний. С. 420). Агафий сообщает, что двухтысячный отряд тяжело-вооруженных савирских воинов участвовал в обороне византийцами г. Археополя (555 г.) (Агафий. С. 88). Прокопий Кесарийский также указывает, что на гуннских войнах, обслуживающих тараны, были панцири и шлемы (Прокопий Кесарийский. II. С. 408). Мовсес Каланкатуаци дает детальное описание вооружения гуннского воина: «Сам гунн вооружил высокий и широкий стан свой сплетенной броней, покрыл свою огромную голову гвоздями, прикрепленным шлемом и трехдюймовый лоб свой закрыл медной доской» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 82). Войско царя гуннов, совершившего военный поход в 664 г. на Албанию, состояло из «броненосных стрелков и вооруженных всадников, покрытых кольчугами и шлемами...» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 184-185). Гуннские всы имели хорошее защитное вооружение — тело покрывали панцирем или кольчугой, голову защищали шлемом, иногда снабженным забралом. Некоторые авторы приводят рассказ о гуннском воине, который был защищен войлочным панцирем, непробиваемым стрелами (Моисей Хорен-

ский. С. 149; Степанос Таронский. С. 45; Вардан Великий. С. 57).

Оружие ближнего боя гуннского воина было нескольких типов. В источниках есть данные о том, что гунны использовали паллицы, мечи, копья, арканы (Фавстос Бузанд. С. 15; Иешу Стилит. С. 157; Аммиан Марцелин. II. С. 238; Псевдо-Захария. С. 150; Мовсес Каланкатуаци. I. С. 82, 119, 134; Прокопий Кесарийский. II. С. 420; Моисей Хоренский. С. 131; Степанос Таронский. С. 41).

Основным типом дистанционного оружия гуннского воина был лук. Аполлинарий Сидоний отмечает, что лук гуннского воина имел своеобразную форму — «округленные луки» (Аполлинарий Сидоний. С. 1090). Прокопий Кесарийский рассказывает, что при штурме г. Археополя «персы и сабиры, пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий..., почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений» (Прокопий Кесарийский. II. С. 420). Данные об использовании в дистанционном сражении лука имеются также у Псевдо-Захарии (Псевдо-Захария. С. 150), Мовсеса Каланкатуаци. Последний рассказывает, какое сильное впечатление произвели на жителей Дербента штурмующие их гуннские и тюркские лучники: «содрогание овладело жителями; особенно при виде метких и сильных стрелков, которые как бы сильным прагом одождили их» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 105, 123). Сообщают об использовании лука и стрел гуннами также ал-Куфи, Ибн ал-Асир, Вардан Великий

(Вардан Великий. С. 46; ал-Куфи. С. 10; Ибн ал-Асир. С. 15).

В качестве метательного оружия в IV в. гуннами использовались дротики. Аполлинарий Сидоний отмечал высокое умение гуннского воина владеть этим типом оружия: «...у них страшные и верные руки, наносящие меткими копьями (имеются в виду дротики — Л. Г.) неизбежную смерть...» (Аполлинарий Сидоний. С. 1091).

Тактические приемы ведения боя, которые применялись гуннским войском, вызвали высокую оценку современников. Гунны одинаково хорошо владели навыками дистанционного и ближнего боя. Аммиан Марцеллин отмечал: «Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами..., а сблизившись в рукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан...» (Аммиан Марцеллин. II. С. 238).

Судя по данным Аммиана Марцеллина, гунны не обладали умением осады и штурма укрепленных поселений и городов (Аммиан Марцеллин II. С. 238). Такие же сведения имеются и у Псевдо-Захарии, сообщающего о набеге гуннов на Месопотамию в 532 г.: «они перебили тех, что нашли вне городов» (Псевдо-Захария. С. 160, 164). Однако данные других источников свидетельствуют, что уже в начале VI в. гунны участвовали в осаде хорошо укрепленных городов, даже расположенных в гористой местности, используя при этом осадную технику и различные

технические приемы, облегчавшие штурм крепостных сооружений. Прокопий Кесарийский так оценивал качественные свойства осадных орудий, изобретенных гуннами: «..они придумали такое приспособление, какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров» (Прокопий Кесарийский. II. С. 407-408).

В 551 г. при штурме г. Петры гуннами-савирами впервые были применены тараны своеобразной конструкции. Прокопий Кесарийский приводит подробное описание конструктивных особенностей этого вида осадной техники: «...сплетя толстые ветки, всюду приделали их вместо бревен; прикрыв машину шкурами, они сохранили форму тарана, подвесив на свободно двигающихся веревках посередине, как обыкновенно, одно только бревно, заостренное и покрытое железом, как острие стрелы, чтобы часто бить им в стены укрепления. И настолько легким сделали они это сооружение... человек сорок, которые должны были, поднимая кверху, раскачивать бревно и бить им в стену, находясь внутри этой машины, прикрытые кожей, могли без всякого труда нести этот таран на плечах» (Прокопий Кесарийский. II. С. 408). Главное отличие тарана, изобретенного гуннами-савирами, состояло в его облегченном весе, что делало его переносным и давало преимущество перед другими подобными видами техники в использовании в гористой местности. Воины, обслуживавшие тараны,

имели деревянные шесты с железными крючьями на конце, которыми разбирались проломы в стенах укреплений.

Гуннские тараны использовались при осаде персами г. Археополя (551, 553 гг.). Видимо, штурмовые орудия этой же конструкции были применены войсками византийцев, гуннов и тюрок при штурме Тбилиси (627 г.) (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 107).

О наличии подобной штурмовой техники у гуннов Атилы сообщает и Приск Панийский. Она была применена гуннами при штурме хорошо укрепленного г. Наисс в 441 г. Вот как они были устроены: «..лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ногами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях окна; ибо для того, чтобы стоявшим на бревнах людям можно было сражаться безопасно, эти машины прикрывались плетнями из прутьев с кожами и шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненосных, которые бросали в них враги.. стали подвозиться и так называемые бараны. Эта также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшее острый наконечник и покрывки, устроенные вышеуказанным образом, для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, дол-

женствовавшего получить удар и затем отпускали, так что от силы удара уничтожилась вся подвершаяся ему часть стены». (Приск Панийский. С. 677).

Гунны умели устраивать запруды рек, чтобы вызвать наводнение в осажденном городе. С этой целью они использовали «огромные надутые бурдюки, наполненные камнем и песком...» (Моисес Каланкатуаци. II. С. 80. В «Хронике» Псевдо-Захарии имеются также сведения о том, что гунны и персы, готовясь к осаде г. Майферката, «сделали около него рвы, насыпь и много ям...» (Псевдо-Захария. С. 163).

Приск Панийский сообщает, что гунны переправлялись через реки на плотках, которые возили с собой на повозках (Приск Панийский. С. 684).

3. ТАКТИКА СРАЖЕНИЙ

Гунны овладели передовой для своего времени тактикой ведения боя. В конном сражении гунны учитывали как преимущества, так и ограниченные возможности своего войска, при этом особое внимание обращалось не только на военную мощь противника, но и психологическое состояние его воинов. Чтобы посеять в войсках противника панику, гунны всегда использовали преимущество неожиданного нападения. Евсевий Иероним отмечал, что «они всюду являлись неожиданными и своею быстротою предупреждая слух» (Евсевий Иероним. С. 369). Нападая на противника, войско гуннов выстраивалось

клином, издавая «грозный завывающий крик», цель которого была ошеломить, напугать воинов неприятеля. (Аммиан Марцеллин. II. С. 238). Чтобы расстроить строй войска противника, выманить его со стратегически невыгодной для гуннов позиции, гунны использовали следующую тактику: войско гуннов имитировало беспорядочное отступление, увлекая за собой преследующие их войска (Аммиан Марцеллин. II. С. 238; Агафий. С. 33). Затем гуннские конники рассеивались и отдельными отрядами, не выстраивая боевой линии, нападали на противника, атакуя непрерывно войска в разных местах, пока не одержат победы (Аммиан Марцеллин. II. С. 238; Клавдий Клавдиан. С. 1055). Такая тактика конного боя гуннов, как отмечает Агафий, была воспринята и европейцами (Агафий. С. 33). Тактика заманивания врага небольшим отрядом была присуща и гуннам-эфталитам. (Прокопий Кесарийский. Iа. С. 26-28, 38-42). Подобная тактика была с успехом использована тюрками в 629 г. в разгроме персидских войск в Армении. Вот как это описывает Моисей Каланкатуаци: «Отобрав в войске своем около трех тысяч сильных воинов и назначив над ними начальником князя Чорпан-Тархана..., он отправил его вперед, чтобы тот пробивал ему дорогу безопасную... А сам не спеша двинулся за ним, после того, как снабдил всем необходимым множество своих войск. Когда, прибыв в Армению, этот князь /начальник/ передовых отрядов узнал, что против него движется персидский полководец, то он притаился в пути, свернувшись

как змея, и стал ждать его в засаде». Персидский полководец бросил против передового отряда тюрков десяти тысячный отряд воинов. «Но неприятель, — пишет Мовсес Каланкатуаци, узнав об этом, еще до их прибытия, /разделил свои войска на две части/, одна из которых засела в засаде на пути, другая же стояла и поджидала их, и как только войска столкнулись, эти тотчас пустились бежать, увлекая их за собой. Тогда /спрятавшиеся в засаде/ с криком напали на них со всех сторон и окружили их, как пламя, которое охватывает тростниковые заросли... /истребили всех/ и не оставили из них никого, кто бы принес печальную весть о гибели столь многих мужей» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 92)

Обладая искусством как дистанционного, так и ближнего конного боя, используя выгодную тактику, гуннские войска добивались на полях сражений значительных успехов.

Уровень вооружения гуннского воина был достаточно прогрессивным для своего времени. Тактические приемы, используемые гуннами в сражениях на открытой местности, при штурме укрепленных поселений, также отвечали современным требованиям военного искусства. Все это создавало славу гуннским воинам как отличным воителям. Боевые приемы гуннов, некоторые типы вооружения нашли распространение у многих народов раннесредневекового периода.

4. ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ И ВОЕННОЕ СОДЕЙСТВИЕ

Большинство сведений о гуннах Северо-Восточного Кавказа относится к политической истории, насыщенной активными военными действиями в событиях ирано-византийской войны (VI в.), арабо-хазарской войны (II пол. VII-VIII вв.), а также сложными взаимоотношениями с Албанией, Арменией, Хазарским каганатом.

Гунны, занявшие земли на северных границах подвластной Ирану территории, стали предметом неустанных забот как самого Ирана, так и его соперника на Кавказе — Византии, не говоря уже о народах Албании, Грузии, Армении, на плечи которых тяжелым бременем ложились их почти ежегодные грабительские походы. В зависимости от того, как складывалась политическая обстановка внутри этих стран, предпринимались ответные прорывы в земли, подвластные гуннам, но большей частью правители Ирана, Византии, а также Албании и Армении предпочитали устанавливать союзнические отношения с гуннами, используя их содействие в своих внешнеполитических акциях. Ряд авторов неоднократно упоминают о том, какими усилиями стоило персам сдерживать гуннов в Кавказских проходах, которыми пользовались последние. Византия выплачивала Персии постоянное денежное вознаграждение за охрану Кавказских проходов от гуннов (Приск Панийский. С. 696; Иешу Стилит. С. 131; Псевдо-Захария. С. 154). Какое значение придавала Византия гуннским набегам, служит тот факт, что первым пунктом заключен-

ного в 562 г. мирного договора между Византией и Ираном, значилось: «...чтоб персы не позволяли ни унам, ни аланам, ни другим варварам переходить в римские владения ущельем, называемым Хорузон, и вратами Каспийскими» (Менандр Византиец. С. 342).

Гуны, учитывая внешнеполитическую обстановку, пользовались для набегов Дербентским проходом или, если последний был недоступен, проходами через горы, что для всадников было менее удобным. Прокопий Кесарийский подробно описывает пути набегов гуннов на Закавказье: «Отроги Кавказских гор, обращенные к северо-западу, доходят до Иллирии и Фракии, а обращенные к юго-востоку достигают до тех самых проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в землю персов и римлян; один из этих проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот» (Прокопий Кесарийский. II. С. 381). «Когда сии Уны нападают на земли персидские или римские, через упомянутую выше дверь (Каспийские ворота — Л. Г.), то они отправляются на свежих конях, не делая никаких объездов, и до пределов Иверии не встречая иных крутых мест, кроме тех, которые простираются на 50 стадий. Но когда они обращаются к другим проходам, то должны преодолевать большие трудности и уже не могут употреблять тех же лошадей, ибо им приходится объезжать многими крутыми местами» (Прокопий Кесарийский. Iа. С. 111). Поэтому понятно стремление гуннов завладеть Дербентским проходом и стремление Персии удержать его в своих руках.

Большая часть походов гуннов в страны Закавказья обусловлена определенными союзническими обязательствами, связывавшими гуннов то с Византией, то с Персией. Обе эти мировые державы, ведшие долгую, изнурительную войну за мировое господство и связанную с ним борьбу за выгодные торговые пути, превратили страны Закавказья в лакомый кусок, раздираемый ими на части.

Византия, осознав, какое важное значение приобретают гуннские племена на северо-восточных границах Персии, стремилась всячески привлечь их на свою сторону. Для этой цели использовались подкуп, угрозы или привычный для византийцев способ платного военного содействия.

Персия, в свою очередь, понимала, какую опасность представляет для нее ведение военных действий одновременно на двух флангах — против гуннов и против Византии, поэтому также использовала все средства, чтобы привлечь гуннов в свой лагерь. С этой целью использовалось наемничество гуннов, убийство неудобных вождей, предательство по отношению к своему союзнику и т. д.

Гунны, а затем савиры, выступали на сцене то одних, то других, выгодно используя для себя внутривосточное положение обеих держав, а также складывавшуюся обстановку на полях сражений. Поэтому кажется несколько субъективной характеристика, данная савирам византийским историком: «Этот народ... весьма жаден и до войн и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присо-

единяясь в качестве участника войны и опасностей, то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага» (Агафлий. С. 116-117).

К середине IV в., времени правления армянского царя Аршака II (345-368), относится свидетельство Фавстоса Бузанда о том, что в период очередных военных действий между Персией и Византией в Месопотамии и Армении гунны и аланы выступали на стороне армян против персов (Фавстос Бузанд. С. 113). В 30-е гг. IV в. гунны вместе с аланами воевали на стороне Персии против армян.

В 395 г. гунны совершили грандиозный военный поход в страны Закавказья и Передней Азии (Евсевий Иероним. С. 1030; Иешу Стилит. С. 131).

Вплоть до сер. V в. сведений о военных походах гуннов в страны Закавказья в источниках нет. Хотя некоторые данные Егише (V в.) дают возможность полагать, что гунно-хайландуры периодически беспокоили персов грабительскими походами (Егише. С. 31). Сообщение Егише относится ко времени правления персидского шаха Иездигерда II (439-457).

В 450 г., когда в Персидской Армении разразилась антииранское народное восстание во главе с князем Варданом, армяне и албанцы призвали савир Прикаспия в качестве своих союзников (Егише. С. 79-80; Мовсес Каланкатуаци. I. С. 88). Савиры, видимо, колебались, выясняя сложившуюся обстановку. Узнав о взятии восставшими Дербента «..гунны пришли на самое место сражения и

удостоверившись собственными глазами в подвигах, совершенных христианскою армией Вардана, они не колебались более поклясться союзу...» (Егише. С. 79-80). Персы, занявшие стратегически важный Дербентский проход, были нежелательным соседом для савир. Видя успехи восставших, савиры приняли их сторону. Видимо, в течение всего времени, когда Армения была охвачена партизанскою войною с персами, савиры были верны договору с Армениею. Егише сообщает, что гунны не поддавались уговорам марзпана Васака Сюни изменить восставшим и «беспрерывно тревожили царя Персии» (Егише. С. 92). Чтобы сделать борьбу с войском Вардана более успешной, Васак Сюни должен был запереть проход Джорский, призвав на помощь многие горские племена (Егише. С. 92). В решительном Аварайском сражении (451 г.) между восставшими армянами и персидскими войсками гунны-савиры не принимали участия (Егише. С. 116; Себеос. С. 54-55), хотя армяне «посылали гонца за гонцом к гуннам, тревожили, воспаменяли войско их, напоминали им союз, в котором они поклялись армянам...» (Егише. С. 116). Некоторые исследователи считают, что савиры или опоздали к началу сражения (Артамонов М. И. 1962. С. 58), или не смогли пройти через захваченный Васак Сюни Дербентский проход (Кудрявцев А. А. 1976. С. 78; 1979. С. 38). Мы полагаем, что это далеко не так. Тот же Егише замечает, что «большая часть гуннов с удовольствием выслушивала мирные воззвания армян» (Егише. С. 116). Видя, что обстановка в Закавказье изменилась в поль-

зу персов (Албания, Иверия и ряд других областей изменили армянам), савиры предпочли нейтралитет в такой важный для Армении момент. Однако какая-то часть гуннов поддержала персов. Егише, перечисляя вспомогательные войска персов, набранные из среды кавказских народов, называет среди них и гуннов. После поражения армян, видя, что Персия ослаблена борьбой с кидаритами на востоке и армянами на севере своих владений, савиры беспрепятственно вторгаются во владения персов, возвратившись оттуда с «богатой добычей и множеством пленных». И вряд ли этот поход был организован савирами в знак доказательства союза с армянами, как считал Егише.

Воспользовавшись борьбой за власть, разгоревшейся в Персидском царстве после смерти Иездигерда II (457 г.) между его сыновьями (Дьяконов М. М. 1961. С. 276), албанский народ поднялся на борьбу с персами (460-462 гг.). Савиры, подкупленные Перозом (459-484), изменили союзу с закавказскими народами, и, как указывают источники, в течение года (461 г.) сражались с восставшими (Егише. С. 170; Мовсес Каланкатуаци. I. С. II).

В начале VI в. гунны выступают как союзники Византии. Прокопий Кесарийский упоминает о гунне Амвазуке, который владел Дербентом, как о друге императора Анастасия (491-518) (Прокопий Кесарийский. Iа. С. 112-113).

В 502 г. вновь обострились отношения Византии и Ирана, переросшие в войну 502-506 гг. В военных действиях августа-сентября

502 г. гунны принимали участие на стороне персов. Они осаждали и грабили г. Федосиополь в Армении, вместе с персами, кудишайе, армянами пытались взять гг. Ападну, Эдессу, Харран (Иешу Стилит. С. 148, 153, 155). Во время штурма Харрана осажденные захватили в плен вождя гуннов. Персидский царь Кавад обещал харранитам за выдачу знатного гунна снять осаду города. Жители откупились от персов не только пленником, к нему были приложены также «стадо в полтора ста баранов и другие вещи» (Иешу Стилит. С. 155). Войска гуннов вместе с персами и арабами принимали участие в повторной и опять неудачной попытке взять Эдессу (Иешу Стилит. С. 157). Видимо, Византия предпринимала ряд усилий, чтобы привлечь гуннов на свою сторону. Прокопий Кесарийский под 504 г. сообщает, что «враждебные унны вторглись в Персию. Кавад возвратился в свои земли со всем своим войском и в северных областях своего государства вел с уннами долговременную войну» (Прокопий Кесарийский. Iа. С. 101). Персы вытеснили гуннов из Дербента и заключили с ними союз, обязуясь выплачивать определенную подать (Прокопий Кесарийский. Iа. С. 116). Император Анастасий, желая разрушить невыгодный для Византии союз персов с гуннами, пообещал последним платить большую подать. Выторговать у персов лучшие условия союза гунны пытались, предприняв в 513 г. поход в их земли (Псевдо-Захария. С. 150.). Персы обещали выполнить требования гуннов об увеличении податей. Для заключения нового соглашения «400 мужей из туннских началь-

ников» остались в лагере персов, войско же свое гунны отпустили. Персы вероломно нарушили ссглашение и «приготовились к войне как против гуннов, которые рассеялись, так и против тех четырехсот, которые остались, и тех, что были с ними» (Псевдо-Захария. С. 150). Гуннам удалось выстоять в сражении и в отместку за вероломство они совершили набег на персидские земли.

Под 515 г. известно нападение гуннов-савир на Армению и Малую Азию (Артамонов М. И. 1962. С. 70). Видимо, этот же поход описывает под 516 г. Феофан Исповедник: «В этом году гунны, именуемые савир, переправившись через Каспийские ворота, совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхаиту» (Феофан Исповедник. С. 49).

Под 522 г. Феофан Исповедник говорит, что Византия, вновь начав военные действия против Ирана, ищет союза с гуннами, подкупив их царя Зилигда богатыми подарками. Зилигд, не разрывая союза с Византией, послал персам на помощь 20 тыс. отряд гуннских воинов (Феофан Исповедник. С. 50) Византийский император Юстин (518-527), применив давно проверенную политику «разделяй и властвуй», донсид персам о союзе гуннов с Византией. Кавад расправился с Зилигдом и уничтожил отряд гуннских воинов.

Под 527/528 гг. Феофан Исповедник сообщает о союзнице Византии — правительнице савиров Боарикс. В это время (527-532 гг.) возобновляются военные действия Византии и Ирана в Закавказье. Персы умело исполь-

зовали междоусобицы в среде гуннской знати. Каваду удалось «двух царей других гуннских племен, живших далее во внутренних краях, по имени Стиракса и Глониса» привлечь на свою сторону. Но более могущественная правительница Боарикс разбила в сражении 20-тысячный отряд союзников персов, убила Глониса, а Стиракса «отослала в оковах к царю в Константинополь...» (Феофан Исповедник. С. 137).

До конца военных действий гунны выступают в союзе с персами. В 531 г. персы отправили в Византийскую Армению войско, состоявшее из союзных им персаменов, сунитов, среди них был также 3-тысячный отряд гуннов-савир (Прокопий Кесарийский. Iа. С. 180). В следующем, 532 г., готовясь к осаде г. Майферката, персы завербовали гуннов. Обстоятельства складывались для персов неудачно: холод, дождь и грязь не давали возможности вести осадные работы. К тому же умер царь Кавад, и персы поспешили заключить перемирие с Византией. В это время «прибыли гунны, большое количество народа, завербованные персами» (Псевдо-Захария. С. 163). Используя для себя выгодную обстановку — обострение внутривизантийской борьбы в Византии, вылившейся в восстание «Ника» (История Византии. 1967. С. 284), савиры беспрепятственно двинулись в Месопотамию, подвластную Византии «и никто не выступил против них и не причинил вреда» (Псевдо-Захария. С. 163-164). Ограбив и уничтожив неукрепленные населенные пункты, храмы, они достигли Антиохии. Только на обратном пути дукс Майферката Бес напал на один из

отрядов савир, «захватил около 500 коней и много добычи», и дукс крепости Китариз «пропнал из них около четырехсот мужей и захватил их выючных (животных)» (Псевдо-Захария. С. 163-164).

Вплоть до 550 г. о гуннах-савирах ничего не слышно, хотя в эти годы (540-545) шли активные военные действия между Ираном и Византией (История Византии. 1967. С. 331-333).

В середине VI в. н. э. разразилась новая ирано-византийская война из-за Лазики (550-555 гг.). Царь лазов Губаз заключил союз с аланами и савирами, «которые обязались за три кентария не только предохранить земли лазов от всякого разорения, но и Иверию так опустошить, чтоб персам не было впредь возможности вступать в нее» (Прокопий Кесарийский. Iб. С. 231).

В 551 г. византийцы предприняли решительный штурм г. Петры, в котором принимал участие и небольшой отряд савиров с тремя вождями (Прокопий Кесарийский. II. С. 407). Примененные византийцами на крутых склонах г. Петры легкие штурмовые орудия, изобретенные савирами, сыграли решающую роль в штурме крепости, она была взята, укрепления ее были скрыты.

В этом же году (551 г.) персы, потеряв Петру, предприняли штурм г. Археополя. На помощь персидским войскам пришли 12 тысяч савиров, но персидский полководец Мерме-роис, опасаясь измены гуннов, оставил четыре тысячи у г. Археополя, остальных «богато одарив деньгами, отпустил на родину» (Прокопий Кесарийский. II. С. 417). По приказу

нию персов савиры сделали много облегченных стенобитных орудий, т. к. г. Археополь был расположен в гористой местности.

По окончании зимы 552-553 г. персы заключили с византийцами кратковременное перемирие и сразу же начали готовиться к наступлению на Лазику. Набрав большое число гуннов-савир, персы в 553 г. двинулись на Лазику, ведя с собой слонов (Прокопий Кесарийский. II. С. 432). Персидские войска во главе с Мермероисом пытались вновь штурмовать г. Археополь, но опять неудачно. Прокопий Кесарийский сообщает, что, преследуя отступающих персов, римляне убили «начальника сабиров», из-за которого разгорелся сильный бой, продолжавшийся до сумерек.

В 555 г. персы намеревались вновь штурмовать г. Археополь. Узнав, что у стен города расположился двухтысячный отряд савир, с союзных Византии, которым руководили «Баймах, Кутилзис и Алагер, знаменитейшие у них люди», персы послали трехтысячный отряд долимнитов для уничтожения савир (Агафий. С. 88). Хотя нападение на укрепленный частоколом лагерь гуннов-савир было неожиданным, гуннам удалось одержать победу, применив тактику засады. В войске у персов также были отряды савир (Агафий. С. 116). Агафий предполагает, что это были отряды разных савирских племен. У Агафия есть также рассказ о том, как был уничтожен византийцами полутысячный савирский отряд, расположившийся в укрепленном лагере (Агафий. С. 117).

После поражения под Фасисом персы зак-

лючили перемирие, переросшее в 562 г. в мир на 50 лет. Византия обязалась выплачивать Ирану ежегодно свыше 400 либр золота для охраны кавказских проходов, а Персии вменялось в обязанность не пропускать через проходы гунинов и алан (Менандр Византиец. С. 342).

Заклучив мир, Персия смогла теперь заняться борьбой со своими восточными и северными врагами (эфталитами и савирами). В 563-567 гг. персы ведут успешные военные действия против эфталитов, к этому же времени относится разгром Хосроем Ануширваном савирских племен, поселившихся в Закавказье (Артамонов М. И. 1962. С. 126). Усилив укрепления Дербента, Хосрой затруднил продвижение савир в земли, подвластные Персии.

В 571 г. вспыхнуло восстание в Армении против сасанидского господства. Восставшие обратились за помощью к Византии, последняя не замедлила вмешаться, что послужило поводом к очередной ирано-византийской войне 572-591 гг. У Менандра Византийца находим сведения о том, что савиры выступили в этих событиях (572 г.) против армян, в то время как армянам помогали колхи, авасги, аланы (Менандр Византиец. С. 494). Вступив в 575 г. в Албанию, византийцы, намереваясь усмирить живших там савиров и албан, взяли среди них заложников, «...по удалении их савиры немедленно свергли с себя господство римлян. Римские военачальники опять вступили в Албанию, заставили савиров и албанов переселиться по сю сторону реки Кира и впредь оставаться в римской

стране» (Менандр Византиец. С. 411-412).

В 576 г. в Византию прибыло посольство закавказских савир и алан. Император Тиверий (578-582) обещал савирам и аланам более выгодные, чем персидские, условия союза. Посланники, видимо, колебались, так что императору пришлось прибегнуть к угрозам «Он сказал им, что тем, которые пристанут к нему добровольно, будет оказывать благодеяния, а тех, которые не захотят этого, подчинить своей власти» (Менандр Византиец. С. 416). В 578 г. савиры находились в войске византийского императора, озадаченного наступлением двадцатитысячной персидской конницы: «...саракины и савиры... вместе с римскими военачальниками рассуждали, как пройти горную страну...» (Менандр Византиец. С. 437).

Видимо, к событиям войны 572-591 гг. относится сообщение Себеоса о нахождении в 20-тысячной персидской армии, шедшей на Армению вскоре после восстания 571-572 гг., сильного отряда гуннов (Себеос. С. 31).

Таким образом, споры о том, какая же внешнеполитическая ориентация — персидская или византийская была для савир предпочтительней, являются несостоятельными. В своих внешнеполитических акциях савирские правители постоянно учитывали сложности международной обстановки и, в частности, внутреннее состояние и международное положение двух главных соперников на Кавказе — Ирана и Византии.

Вплоть до 664 г. источники не содержат никаких данных о внешнеполитических акциях северокавказских гуннов. Главной опас-

ностью, угрожавшей закавказским странам с севера, в первой пол. VII в. становится Западнотюркский каганат. Источники фиксируют почти ежегодные набеги тюрок на Албанию и Иберию в первой четверти VII в. (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 103-104, 121). В походах тюрок, по мнению некоторых исследователей, принимали участие также подвластные племена оногур, угров (Гадло А. В. 1979. С. 135). Видимо, этноним «тюрк» перекрывал в источниках и ряд других подвластных племен, в том числе и гуннов-савир.

Под 662 г. известно неудачное вторжение хазар через Дербент в Албанию. Об участии в нем гуннов ничего не известно.

Под 664 г. Мовсес Каланкатуаци сообщает о нашествии на Албанию войска «царя гуннов» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 153). Мовсес Каланкатуаци именует «царя гуннов» также «царем туркестанским». Может быть, речь здесь идет о великом князе гуннов Алп-Илитвере, т. к. далее, описывая доблести Алп-Илитвера, Мовсес Каланкатуаци, в частности упоминает, что он «показал много подвигов храбрости в Туркестане» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 199). Полчища гуннов увели в плен жителей, а также стада скота. Правитель гуннов предложил князю Албании Джуаншеру (636-669) мир, который и был заключен после непродолжительных переговоров. Мир был скреплен браком Джуаншера с дочерью «царя гуннов», в знак подтверждения дружбы правитель гуннов возвратил албанцам направленное добро и пленных (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 154). Гунны были заинтересованы в добрососедских отношениях с

сопредельными странами, т. к. взимание дани с подвластного населения — постоянная и более выгодная статья дохода нежели ежегодные военные походы, отнимающие много сил, времени и человеческих жизней.

Пятью годами позже Джуаншер был убит, албанский престол занял его брат Вараз-Трдат (669-699). Армянские историки склонны связывать поход 669 г. правителя гуннов Алп-Илитвера в Албанию с акцией мести последнего за убийство своего союзника и, видимо, родственника. Вполне возможно, что факт убийства Джуаншера послужил одной из причин похода гуннов, но главной причиной, видимо, было желание Алп-Илитвера напомнить новому правителю Албании о своих правах на нее, полученных при Джуаншере. «Собрав большое количество людей и скота из той страны и взяв добычу (Алп-Илитвер — Л. Г.) увел все в плен» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 186). Ограбив Албанию, Алп-Илитвер «расположился на полях Лбинии», видимо, выжидая, какое впечатление произведет его акция на нового правителя. Мовсес Каланкатуаци пишет, что Вараз-Трдат «сильно огорчился и не знал, что делать». Католикос Илизар, начав переговоры с гуннами, выразил Алп-Илитверу «верную покорность и любовь, которую питал к нему, как к любимому брату» Вараз-Трдат (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 186). Гуннов, видимо, устраивала роль «помощников и защитников власти» правителя Албании и они согласились на мир. Новые условия ставили Албанию в зависимость от гуннов. Но, видимо, набеги гуннов на Албанию продолжались

в последующие годы. Обсуждая с князьями и католикосом Илизаром вопрос о необходимости нового союза с гуннами, правитель Албании указывал на тяжелое положение, в котором находилась страна: с одной стороны, она была обложена податями со стороны «таджиков» (арабов), а с другой отягощена ежегодными набегами гуннов. Поэтому Албания в 682 г. вынуждена была закрепить свой союз с гуннами новым соглашением о мире, одним из условий которого было укрепление родственных связей между правителями, а также принятие гуннами христианства. Для достижения последнего условия в Гуннию было направлено в 682 г. посольство во главе с епископом Израилем.

В 684 г. хазары совершают один из грандиознейших походов в Закавказье. Опустошив ряд областей, захватив добычу и пленных, хазары возвратились в район Прикаспия. В сражениях с хазарами погибли правитель Армении Григорий Мамиконян, албанские и пружинские князья (Гевонд. С. 10). Точно не известно, принимали ли участие в этом походе гунны Алп-Илитвера, двумя годами раньше с почестями принимавшие миссию Израиля, Мовсес Каланкатуаци об этом походе не упоминает, однако скороговоркой автор «Истории страны алван» сообщает о дальнейшей после принятия христианства судьбе князя гуннов: «показал много подвигов храбрости в Туркестане хазарскому хану. Он успел снискать его любовь и принужден был дать ему дочь свою в супружество...» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 199). В современном переводе источника смысл этого от-

рывка почему-то передан иначе: «...Он снискал себе великолепное имя доблестное, совершив многие подвиги храбрости в Туркестане при хакане хазиров, он снискал любовь хакана, и тот выдал за него свою дочь. А также был он удостоен сана илитуерства и прославлен в пределах всех трех стран...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 127-128).

Принято считать, что религиозная реформа в «стране гуннов», проведенная с согласия великого князя Алп-Илитвера, вызвала недовольство хазарского кагана. Алп-Илитвер, как вассал хакана хазар, заплачивая свою вину, вынужден был отдать в жены хакану свою дочь и участвовать в каких-то совместных военных операциях, демонстрируя ему свою верность. Нам представляется несколько иная версия происшедших после принятия гуннами христианства событий. Поход хазар в Закавказье в 684 г. был актом, демонстрирующим право Хазарии на Закавказье. К «стране гуннов» он прямого отношения не имел. Гунны Прикаспия участвовать в этом походе не могли. Реформа 682 г. не была прервана хазарским походом 684 г. Мовсес Каланкатуаци как одну из доблестей великого князя гуннов отмечает, что «во многих местах он воздвигал церкви и умножал почести священников божьих» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 128). Видимо, Алп-Илитвер распространил христианство на всю «страну гуннов» и тем был «прославлен в пределах всех трех стран», — подчеркивает автор «Истории страны алван». Христианский просветитель «страны гуннов» епископ Израил, вероятно, затронул христианизацией и какие-

то области хазар, т.к. Мовсес Каланкатуаци в третьей книге, рассказывая о трагической судьбе Израила, отмечает как заслугу его тот факт, что он обратил «многие области хазиров и гуннов в христианство» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 148).

В 80-е гг. VII в. «страна гуннов» проводила самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, а ее правитель Алп-Илитвер был прославлен в Армении, Албании и Иверии тем, что принял христианство и прекратил набеги на страны Закавказья, как и обещал в своих посланиях к высшим духовным и светским правителям Армении: «Ведь если он (Израил — Л. Б.) будет находиться среди нас, и мы с вами будем иметь одну веру, то и набеги войск /наших/ диких народов на вашу страну прекратятся» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 133).

Что касается выдачи замуж гуннской царицы за кагана хазар, то это было рядовое явление, проводившееся по установившейся традиции или в политических целях (так поступали правители Персии, Албании, Арабского халифата и самой Хазарии).

5. ГУННЫ ПРИКАСПИЯ И АРАБО-ХАЗАРСКИЕ ВОЙНЫ

Выше мы останавливались на основных этапах арабо-хазарских войн в Прикаспии. Здесь же, заключая описание политической истории «страны гуннов», отметим, что арабская экспансия в Прикаспийский Дагестан явилась трагическим рубежом в истории народов Прикаспийского Дагестана. Основной

удар мощи арабских войск приняли на себя народы «страны гуннов». Их территория с начала VIII в. до 40-х гг. VIII в. подвергалась почти непрерывному разорению, гибли экономические центры, разрушалось хозяйство, уничтожались и уводились в рабство женщины и дети, вывозились ценности. Вероятно, после арабских походов «страна гуннов» попала в политическую зависимость к Хазарии. «Страна гуннов» в борьбе с арабами выступает как союзница Хазарии, как одна из основных сил в Прикаспии, способная противостоять натиску арабской экспансии.

Перечислим основные вехи арабо-хазарских войн. К 642/643 гг. исследователи относят первое появление арабских войск у Дербента. В 652/653 гг. арабы попытались захватить Баланджар, их войска были разбиты, один из руксводителей похода убит. В 692-693 гг. арабский правитель Армении Махмет II, вторгшийся в Албанию, занял Дербент, но удержать его не смог (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 259; Гевонд. С. 12). Какие силы противостояли арабам у стен Дербента, данных нет.

В VIII в. последовал ряд походов арабов в Прикаспийский Дагестан. В 708/709 гг. арабский полководец Мерван захватил Дербент. Через год (710/711 гг.) хазары совершают поход через Дербент в северные районы Албании (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 260). В 713/714 гг. арабы во главе с Масламой три месяца осаждали Дербент. Город обороняли войска гуннов, разбив которые, арабы вторглись в «страну гуннов» и осадили «гуннский город Таргу» (713/714 гг.). Назва-

ние этого города дает только Гевонд, хотя Мовсес Каланкатуаци также рассказывает о последствиях для арабов этого похода (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 261). Гунны обратились за помощью к хазарам, вмешательство которых явилось решающим. Арабы сняли осаду города, опасаясь полного разгрома. Маслама вынужден был бежать, бросив обоз и гарем (Гевонд. С. 28).

В 722/723 гг. — битва арабских войск во главе с Джаррахом с хазарами на р. ар-Рана, где были разгромлены хазары, в это время арабами был взят Баланджар и Вабандар, разорению подвергся Хайдак. В 727/728 гг. арабский полководец Маслама вступил в покинутые жителями города Прикаспия — Дербент, Баланджар и Семендер. В 733/734 гг. Маслама захватил Хайдак. В 735 г. им был взят Баланджар. В 737/738 гг. арабский полководец Мерван совместно с армянским князем Ашотом овладел столицей «страны гуннов» Варачаном, столицей хазар ал-Байда, вероятно, был взят и Семендер. В это же время Мерван совершил военную операцию в Хайдак.

Все последующие события арабо-хазарских войн VIII в. связаны с внешнеполитической деятельностью Хазарского каганата, игравшего важную роль в арабо-византийском соперничестве на Кавказе. Этноним «хазары», как было показано выше, покрывает все этническое многообразие Северо-Восточного Кавказа. Под именем хазар у восточных и византийских авторов скрываются, видимо, многие тюркоязычные и местные племена, в том числе и гунны Дагестана.

ПОДДАННЫЕ «ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ГУННОВ»

1. ПРОСТОЛЮДИНЫ

Выше мы отмечали, что ближайшее окружение «великого князя гуннов» состояло из родовой и служилой знати. «История страны алван» содержит также некоторые сведения об остальном населении — простолюдинах. К ним относились простые горожане и жители селений «страны гуннов».

Сведений о социальном статусе свободного населения очень мало. Мовсес Каланкатуаци приводит ряд фактов, свидетельствующих о том, что свободные жители городов «страны гуннов» принимали участие в важных событиях внутренней жизни общества, в частности, в таких определяющих, как религиозная реформа 682 г. Мовсес Каланкатуаци, рассказывая о событиях конца VII в. в «стране гуннов», приведших к принятию христианства, трижды говорит о горожанах г. Варачана — столицы гуннов. Епископ Израил в дни поста «был принят горожанами с великою любовью, они были рады ему и оказывали почести»... (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124). «Проповеди епископа собрались слушать вельможи, азаты и рамики» (Мовсес

Каланкатуаци. II. С. 125). Последних автор обозначает как «толпа народа».

Суд, учиненный над жрецами и главными колдунами, происходил на городской площади в присутствии всех горожан, как пишет Мовсес Каланкатуаци — «перед многочисленным собранием народа» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 131).

Приведенные данные, конечно, не могут быть достаточными для освящения положения рядового свободного населения, однако мы видим, что население не игнорировалось «князем туннов» в решении таких важных вопросов, как смена религии.

Какая-то часть рядового населения выступила против религиозной реформы «великого князя» и поддержала служителей языческих культов. Мовсес Каланкатуаци сообщает, что когда было принято решение уничтожить один из главных символов старой религии туннов — священный дуб, то «...колдуны и чародеи, ворожеи и жрецы вместе с простолюдинами, подняв вой и, бия себя в грудь, пришли к князю туннов и вельможам страны и кричали громкими голосами: «Что вы думаете, как вы смеете, как вы можете сделать то, что говорит вам наш противник, враг богов наших — срубить дерево то!» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 128). Судя по описанию, простолюдины выразили «великому князю» решительный протест. И, видимо, к ним относилась угроза Алп-Илитвера: «И каждого, кто в моей стране будет придерживаться язычества и тайно будет приносить жертвы идолам, истреблю и предам мечу» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 132).

Основной обязанностью рядового мужского населения было участие в военных походах, которые организовывались примерно раз в год, иногда и чаще. Не случайно автор «Истории страны алван», рассказывая о событиях, происходивших в Варачане в связи с религиозной реформой, иногда отождествляет понятия «народ» и «многочисленные воины» или «многочисленное царское войско» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 127, 130).

2. НАСЕЛЕНИЕ ПОДВЛАСТНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Выше отмечалось, что сбор налогов с населения сопредельных стран, попавших в зависимость к гуннам, являлся важной статьей доходов «страны гуннов». Население подвластных территорий мы отнесим к категории полузависимого, в отличие от свободного (рядового) населения «страны гуннов».

Четких данных о положении полузависимого населения источники не содержат. К категории полузависимого мы считаем возможным отнести население подвластных или временно захваченных гуннами территорий Албании и Армении, облагавшихся различными налогами и поборами. Претензии на некоторые страны Закавказья имели турки. Сын Джебучхакана царевич Шат заявлял, что «...получил отец мой во владение эти три страны—Алуанк, Лпинк и Чора навечно» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 89). «Великий князь» Алп-Илитвер также требовал ст пра-

вителей Албании полного политического и экономического подчинения (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 102-103, 120-121). К 629 г. относится сообщение о том, что население Албании было обложено тюрками тяжелыми поборами — «Назначил смотрителей над ремесленниками, владеющими мастерством добытия золота, плавки серебра, железа и меди, а также на торговых путях и рыбных промыслах великих рек Куры и Аракса. Всюдаль он требовал от всех, /требовал/ тетрадрахмы в соответствии с переписью персидского царства» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 91). Все подвластное население облагалось налогом в размере тетрадрахмы, а мастера по обработке цветных металлов и железа, а также жупцы выплачивали дополнительный налог. Взимание налогов с подвластных территорий было предпочтительней организации военных походов, но, видимо, страны Закавказья старались избавиться от тяжелой дани и приходилось новыми грабительскими набегами доказывать свое право на эти страны.

3. РАБЫ

Источники содержат мало сведений о рабском населении в гуннском обществе. Известно, что во время набегов на страны Закавказья гунны уводили местное население в плен (Егише. С. 116; Псевдо-Захария. С. 166; Мовсес Каланкатуаци. II. С. 102-103, 120-121). «Царь гуннов», заключив договор о мире с князем Армении Джуаншером, возвратил последнему 1200 пленных, захваченных гун-

нами только в результате одного похода в Армению. Как использовались пленные в хозяйстве гуннов, источники не дают ответа. Известно, что в плен забиралось не погловно все население. Рабами становились люди, имеющие профессиональные навыки, а также дети и женщины (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 86, 90; ал-Куфи. С. 32, 35). Мовсес Каланкатуаци отмечает, что юноши старше 15 лет в плен не брались, их убивали. Рабское население исполнялось не только за счет пленных, их приобретали также и на рабских рынках. Псевдо-Захария, приводя факты из жизни гуннов начала VI в., ссылается на свидетельство Исканана из Рейшайна (видимо, священника, и кожевника Томаса, которые сначала были захвачены в плен персами, а затем проданы гуннам. Пленники прожили среди гуннов 34 года. На каких работах они использовались, неизвестно. Но, видимо, положение рабов было не очень тяжелым, т. к. они «взяли жен, породили там детей» (Псевдо-Захария. С. 165-166). Мнение Н. В. Пигулевской о том, что этот факт свидетельствует о высоком развитии рабства в «Гуннии» и его естественном приросте (Пигулевская Н. 1941. С. 86), является недостаточно убедительным, т. к. источники не дают возможности судить об этом с уверенностью. Возможно, часть рабского населения становилась собственностью гуннских воинов — участников военных походов и использовалась на хозяйственных работах отдельных семей. Мовсес Каланкатуаци, описывая события 669 г., когда Албания была захвачена тюрками, сообщает, что, несмотря на приказ

царевича тюрок освободить пленных, войны, однако, скрывали последних, не боясь «сурового наказания». Только после вмешательства знатных мужей, которые «стали проверять шатры и палатки», выискивая молодых людей, «спрятанных под скарбом или среди скота», пленные были освобождены (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 90-91).

4. СЕМЬЯ И БРАК

Семья и брак являются важным показателем уровня социального развития общества. Сведений о семье и браке в гуннском обществе очень мало, однако и они дают некоторое представление об этой важной стороне жизни гуннов.

Письменные источники не содержат сведений о размерах и численности семьи у гуннов. Однако, привлекая аналогии и косвенные данные, можно сделать некоторые выводы и по этому вопросу. А. М. Хазанов, проанализировав данные письменных источников, этнографии и археологии, пришел к заключению, что у кочевников евразийских степей преобладали небольшие семьи (Хазанов А. М. 1975. С. 76). Феодан Исповедник сообщает, что под властью правительницы Боарикс в начале VI в. находилось 100 тысяч гуннов-савир. Основываясь на данных А. М. Хазанова о численности семьи кочевника от 2 до 11 человек, возьмем среднюю цифру — 6 человек. Тогда получается, что под властью Боарикс находилось приблизительно 16700 семей.

Данные о форме брака у савир мы находим у Мовсеса Каланкатуаци. Он пишет: «Они (савиры — Л. Г.) брали в супружество жену отца; у них два брата имели одну жену, и брали также разных жен» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 194).

Судя по сообщению Мовсеса Каланкатуаци, мы наблюдаем у пунинов хорошо выраженный обычай левирата, когда вдова могла выйти замуж за брата своего мужа или сына своего покойного мужа, рожденного от другой женщины. Нам кажется, не прав М. И. Артамонов, считавший, что у гуннов было распространено многоженство и многомужество (Артамонов М. И. 1962. С. 189).

У гуннов была моногамия с сохранившимся обычаем левирата. Обычай левирата широко практиковался во многих кочевнических обществах (Хазанов А. М. 1975. С. 81), в Дагестане он дожил до этнографической действительности (Гаджиева С. Ш. 1959. С. 250; Ихилов М. М. 1961. С. 222; Курбанов К. Э. 1974. С. 133; Алимова Б. М. 1977. С. 9).

А. М. Хазанов называет три возможные причины, способствовавшие стойкости левирата: наследование жены, как части собственности умершего; необходимость содержания и воспитания детей в целях продолжения рода умершего (Хазанов А. М. 1975. С. 82). Но эти причины можно свести к одной — экономической. Обычай левирата вступал в силу при шатком экономическом положении семьи покойного. Не имеющие собственной семьи родственники (дети, братья) считали долгом в таких случаях поправить это положение, женившись на вдове и усыновив ее де-

тей. Мсвсес Каланкатуаци обращает внимание на левират как на явление необычное и затем сообщает как о рядовом явлении — многожёнстве у савир: «...и брали также разных жен». Обычай левирата сохранился в гуннском обществе Северо-Восточного Кавказа как пережиточное явление. Китайский историк Сыма Цянь (145–87 г. до н.э.), автор «Исторических записок», фиксировал этот обычай в государстве гуннских шаньюев: «...после смерти отца берут в жены мачех, после смерти старшего или младшего брата женятся на их женах...» (Кляшторный С. Г. 1983. С. 171).

Возможно, что многоженство практиковалось в царском роду гуннов. Аттила, к примеру, имел много жен, но постоянно жил лишь с одной (Приск Панийский. С. 684).

Положение женщины в гуннском обществе также не может быть достаточно четко представлено в силу малочисленности данных письменных источников по этому вопросу. Основываясь на данных Феофана Исповедника, сообщавшего, что гуннами-савирами правила «...варварка по имени Боарике, вдова, под властью которой находилось сто тысяч гуннов; она управляла ими в странах гуннских по смерти мужа своего, Валаха» (Феофан Исповедник. С. 50), можно предположить, что такого высокого положения Боарике достигла в силу чрезвычайных обстоятельств — отсутствия прямых наследников по мужской линии или малолетства сына. Известен факт, когда хазарами правила мать умершего кагана Парсбиг (Гевонд. С. 71). Видимо, и здесь решающую роль сыграло

отсутствие прямых наследников у кагана. М. И. Артамонов предполагает, что под именем полководца Тормача, которого послала Парсбит походом на Армению, следует понимать сына кагана (Артамонов М. И. 1962. С. 211-212). Однако прямых или косвенных указаний автора на это нет. Судя по рассказам Феофана Исповедника и Гевонда, для этих авторов не является чем-то необычным правление женщины, и тот и другой объясняют его естественной причиной — смертью мужа или сына. Как бы там ни было, говорить о высоком положении женщины в савирском обществе не приходится. Сам факт, что женщину наследуют как неотъемлемую часть имущества умершего, говорит сам за себя. Да и в подробном описании миссии епископа Ибраила в «Гуннию» Мовсеса Каланкатуаци мы не находим сообщения о том, что в каких-либо важных делах общества принимали участие женщины.

Ал-Куфи оставил подробное описание свадебного обычая у хазар. Вот как описывает автор женитьбу арабского полководца на дочери царя хазар: «...он направил к хакану, царю хазар, по имени Та'атур людей, которые посватали его дочь за Язидом. Ее звали Хатун. Царь хазар дал на это согласие. Язид ибн Усайд женился на ней, уплатив за нее 100 тысяч дирхемов. Хатун торжественно выехала из страны хазар в страну ислама. С ней следовали 10 тыс. хазар из числа ее родичей, 4 тыс. превосходных кобылиц, тысяча мулов, тысяча рабов, 10 тыс. низкорослых верблюдов породы хазари, тысяча верблюдов породы турки, причем каждый из них двугорбый, 20

тыс. голов овец, 10 фургонов с перекрытиями и дверцами, обитых золотыми и серебряными пластинами, устланных внутри соболями и украшенных шелками, 20 повозок, пруженных волстыми и серебряными вещами и посудой и другое». Автор продолжает: «После прибытия дочери хазарского царя и множества ее добра в страну ислама, она остановилась ... близ ворот Барды..., а затем послала к Йазиду человека сказать ему: «Пошли ко мне женщин мусульманок, которые растолковали бы мне сущность ислама и читали бы мне Коран. И когда я усвою это, я буду твоей!» ... Когда Хатун познала ислам и изучила Коран, от нее принесли меч и кинжал, и Йазид ибн Усайд понял, что она разрешила ему войти к ней. Он вошел к ней по ее разрешению, а она в это время была разукрашена и увешана драгоценностями» (ал-Куфи. С. 62-63). Здесь мы видим обычай выплаты калыма за невесту, обычай свадебного кортежа невесты, состоящего из родственников невесты, наличие приданого, состоящего из рабов, скота и посуды, и отголоски какого-то старинного обычая — вручать жениху оружие невесты.

У гуннов Аттилы в середине V в. существовал обычай предлагать гостям «красивых женщин для компании согласно скифскому обычаю почета» (Приск Панийский. С. 684).

БОГИ И КУЛЬТЫ

Вопрос о религиозных представлениях гуннов Северо-Восточного Кавказа неоднократно затрагивался в литературе в связи с освещением различных аспектов истории хазар, а также этнической истории Северного Кавказа. (Артамонов М. И. 1962. С. 186-189; Плетнева С. А. 1986. С. 33-34; Федоров Я. А. 1972. С. 23-24; Гадло А. В. 1979. С. 144-149).

Пантеону северокавказских гуннов посвящены специальные работы, в которых прослежена его связь с мифологией древних тюрков Центральной Азии и религиозными представлениями ираноязычного населения (Кляшторный С. Г. 1981. С. 64; 1984. С. 18-22; Гмыря Л. Б. 1980. С. 42-44; 1986. С. 90-108).

Исследователи отмечали, что первое и наиболее мощное политическое объединение среди кочевников Предкавказья, «царство гуннов» возникло на многоэтнической основе, включавшей помимо тюркоязычных племен ираноязычное и автохтонное население. Как было показано выше, освещая различные стороны социально-экономической и политической истории племен Дагестана в IV-VII вв. н.э., древние авторы зачастую обозначали общим этнонимом «гунны» не только политически господствовавшее племя, но и другие

иноэтнические образования, входившие в состав гуннской конфедерации, в том числе и местное население (Лазарев Я. 1859. С. 2-10, 17; Гадло А. В. 1980. С. 41; Гмыря Л. Ю. 1988. С. 111). В этой связи данные письменных источников о религиозных представлениях гуннов Северо-Восточного Кавказа важны для понимания сложных процессов формирования мировоззренческих представлений населения этого региона раннесредневекового периода.

Наиболее полные письменные свидетельства по данной теме содержатся в «Истории страны алван» Мовсеса Каланкатуаци, где помещены ценные и емкие данные о языческих верованиях населения «страны гуннов», сложной внутривнутриполитической борьбе представителей духовной и светской знати, приведшей к религиозной реформе в гуннском обществе (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124-131).

Некоторые отрывочные данные о верованиях гуннов имеются в трудах Аммиана (Марцеллина, Псевдо-Захарии, Агафия (Аммиан Марцеллин. II. С. 242-243; Псевдо-Захария. С. 150; Агафий. С. 158).

М. И. Артамонов отмечал, что религия гуннов «находит себе многие соответствия в культовых обычаях, пережиточно сохранившихся на Кавказе» (Артамонов М. И. 1962. С. 188). Зафиксированные исследователями рудименты языческих ритуалов в календарных празднествах, похоронных обрядах и фольклоре народов Дагестана являются важным дополнительным источником, способствующим пониманию сложных процессов формирования мировоззренческих представлений населения

Северо-Восточного Кавказа в раннесредневековый период.

В гуннском обществе IV—VII вв. н. э. господствующими были языческие культы: почитание стихийных сил природы, культ плодородия, культ предков; к ним примыкали некоторые другие верования и культовые действия (вера в судьбу, гадания, колдовство и др.).

1. БОЖЕСТВА ПРИРОДЫ

Одним из главных богов у гуннов считался громовержец бог Куар (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124). Живые существа и предметы, пораженные молнией, становились у гуннов священными, им поклонялись и приносили жертвы. Божествами считались также солнце, луна, огонь и вода (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124, 126—127).

Данных о роли, которая отводилась в представлениях гуннов обожаемым силам природы, в источниках нет, однако многочисленные аналогии в языческих верованиях многих народов свидетельствуют о том, что почитание сил природы было вызвано прежде всего зависимостью от стихийных сил природы. В фольклоре и этнографической действительности народов Дагестана сохранились реликтовые отголоски языческого поклонения стихийным силам природы, и в том числе и небесным светилам. Солнце и луна считались покровителями жизни людей (Гаджиева С. Ш. и др. 1980. С. 63; Гаджиев Г. А. 1991. С. 157—159; Алимова Б. М. 1992. С. 229). Всякое благополучие связывалось с влиянием солнца (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 329; Булатова А.

1971. С. 170; Халилов Х. М. 1984. С. 77), бытовали также клятвы именем солнца и луны (Халилов Х. М. 1984. С. 69; Алимова Б. М. 1992. С. 72-73). С. Г. Кляшторный справедливо считает, что поклонение богу Куару было воспринято гунами на Кавказе у местного ираноязычного населения (Кляшторный С. Г. 1984. С. 21). У некоторых народов Дагестана сохранилось почитание грома и молнии, а также предметов, пораженных молнией (Гаджиев Г. А. 1991. С. 159—160).

Составной частью солнечного культа у народов Дагестана было почитание огня, которому отводилась большая роль в ритуалах весенне-летнего календарного цикла (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 323-325; Булатова А. 1971. С. 176-177). Вода также была одной из стихий, рудименты почитания которой сохранились до недавнего времени в ритуалах, связанных с весенне-летними празднествами. В древнем языческом пантеоне кумыков была представлена богиня воды Земире (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 323), в функции которой входило обеспечение влагой всего живого, а также богиня Суванасы — помощница богини водных стихий, хранительница водных источников (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 324-325)..

В культовых обрядах народов Дагестана в трансформированном виде проявляются представления о необходимости жертвоприношений стихиям природы. Во время проведения ритуалов, связанных с вызовом дождя, кровь жертвенного животного проливали в озеро, в водный источник опускали череп коня, бросали речные камни (Булатова А. 1980. С. 100, 102, 104; Халилов Х. М. 1984. С.

76). У некоторых народов Дагестана в воду бросали одного из персонажей ритуала (имитация человеческого жертвоприношения); водное божество Суванасы представлялось в образе злого существа, жаждущего человеческих жертв (Халилов Х. М. 1984. С. 75; Булатова А. 1980. С. 103; Мифология. 1984. С. 162). Возможно, в фактах самсожжения девушек, отмеченных С. Ш. Гаджиевой (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 322), отразились рудименты обряда человеческих жертвоприношений солнечному божеству, трансформировавшиеся впоследствии в ритуал перепрыгивания через костер во время праздника «Встреча весны» (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 322; Халилов Х. М. 1984. С. 69; Булатова А. 1971. С. 177).

2. КУЛЬТ ПЛОДОРОДИЯ

Главными среди стихий, связанных с культом плодородия, у гуннов были солнце, огонь, вода, растительность, центральное место отводилось земле. Земля считалась у гуннов прародительницей всего живого, к силам земли взывали чародеи в своих заклинаниях (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 197, 199). У Мовсеса Каланкатуаци имеется определение «страны гуннов» как «земнородной отчизны». (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 199). Видимо, божество плодородия в пантеоне гуннов выступает в образе матери-земли, дарующей всяческое плодородие. Гунны приносили земле жертвы, поливая ее в местах почитания кровью жертвенных животных (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 199).

Отголоски обряда приношения жертвы земле в виде крови сохранились в похоронном фольклоре кумыков (Гаджиева С. Ш. и др. 1980. С. 64), рудимент былых жертвоприношений земле сохранился в обряде закапывания в землю людей во время праздника первой борозды (имитация человеческой жертвы) (Булатова А. 1984. С. 87), одаривания вспаханной земли продуктами земледелия (Булатова А. 1971. С. 169; 1984. С. 87). Как злой дух земли, жаждущий человеческих жертв, может быть осмыслен образ мифического существа «Къан тулукъ» (бурдюк, наполненный кровью) (Мифология. 1984. С. 174), вера в который была распространена среди южных кумыков. С божеством земли можно отождествить образ матери-земли, сохранившийся в фольклоре некоторых народов Дагестана, где земля особо выделяется среди других почитаемых сил природы как главное божество (Мифология. 1984. С. 161-163).

Одним из атрибутов культа плодородия были священные деревья (дубы) и священные рощи. Священные рощи являлись общественными святилищами. Самый старый и высокий дуб — «старейшина, мать высоких деревьев» в верованиях гуннов представлялся наделенным могучими силами, его считали «спасителем богов, жизнеподателем и дарователем всех благ», хранителем и защитником страны (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 199, 201). Священным деревьям поклонялись, им приносили жертвы, их особо охраняли. В религиозных воззрениях гуннов содержался запрет под угрозой страшных мук и даже смерти пользоваться плодами, упавшими ветками, сучьями

почитаемых деревьев (Мовсес Каланкатуаци. 1. С. 201). Интересно отметить, что у некоторых народов Дагестана «священные» деревья также считались неприкосновенными (Алимова Б. М. 1992. С. 230).

Историография вопроса, связанного с культом дерева в языческих представлениях, очень обширна, и единого мнения на истоки этого явления не выработалось. В представлениях многих народов, сохранивших рудименты языческих верований, дерево является двойником человека, разделяющим его судьбу; дерево—это местопребывание духа; дерево—фетиш, дерево—носитель плодоносящей силы, посылающей урожай, носитель эротической потенции (Алексеев Н. А. 1980. С. 76-77; Курочкин А. В. 1982. С. 156, 158; Токарев С. А. и др. 1983. С. 157; Покровская Л. В., 1983. С. 68-69). Символом плодоносящих сил природы в земледельческой и свадебной обрядности некоторых народов Дагестана выступает праздничное деревце, украшенное яйцами, орехами, изделиями из теста, сладостями (Современная культура. 1971. С. 219; Булатова А. 1984. С. 85-86, 94; Алимова Б. М. 1992. С. 176-177).

Могучие деревья и рощи старых деревьев, видимо, воспринимались гуннами как плоды обожествляемой ими земли, которым передавалась сила земли и ее способность приносить всяческое благополучие. Служители культа связывали с действием могучих сил священных деревьев изобилие страны.

Данные «Истории страны алван» дают основание полагать, что с началом социальной дифференциации гуннского общества священ-

ные деревья как символы могущества стали реликтами выделившейся верхушки феодализирующейся знати во главе с Алп-Илитвером. Мовсес Каланкатуаци указывает, что самому старому, могучему и наиболее почитаемому дереву поклонялись и приносили жертвы именно князь и дворяне (Мовсес Каланкатуаци. С. 199, 201). Священные деревья имели также отдельные гуннские семьи и родовые группы. Жрецы, перечисляя, какие беды могут преследовать человека, причинившего порчу почитаемым деревьям, помимо различных мук, бешенства и смерти, указывали также на уничтожение дома и рода, нарушившего запрет (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 201). Явления такого рода, когда священное дерево-покровитель имели отдельные роды и выделившаяся знать, зафиксированы у некоторых тюркоязычных народов Сибири (Алексеев Н. А. 1980. С. 69, 76-77).

Процесс этногенетической интеграции затронул также такие области духовной культуры населения, как религиозные представления, отличающиеся консерватизмом и длительной стабильностью. В мировоззренческих представлениях гуннов Дагестана отразилось взаимовлияние идеологии местного земледельческого населения и миросозерцания, переходящих к оседлости скотоводов-кочевников (тюркского, ираноязычного круга) (Гмыря Л. Б. 1986. С. 94).

Священные деревья в представлениях древнего населения Северо-Восточного Кавказа были символами не просто плодородия и силы, а прежде всего атрибутами растительного плодородия. А. В. Гадло обратил

внимание, что жрецы «страны гуннов» отмечали как особую свою функцию — вызывание дождя, не упоминая при этом о скоте (Гадло А. В. 1979. С. 145), и указывали на связь осуществляемых с их помощью культов с земледельческой деятельностью населения. Наличие культа плодородия у гуннов было обусловлено производственной деятельностью населения. Культ растительного плодородия несомненно отражал мировоззренческие представления местного населения, имевшего глубокие земледельческие традиции. Сложившийся синкретизм мировоззрения населения проявился не только в пантеоне гуннов Дагестана, но и в культовых действиях (жертвоприношениях), где главными жертвенными животными являлись лошади. Как известно, коневодство играет ведущую роль в экономике кочевников, гунны же приносили коней в жертву божествам растительного плодородия.

В связи с поклонением гуннов священным деревьям интересно сообщение арабского автора Ибн Русте, писавшего в начале X в. Он рассказывает об обычае жителей г. Рихс, расположенного где-то в 10 фарсах от г. Хайдана (В. Ф. Минорский полагает, что это Хайдак), поклоняться огромному дереву, не приносящему плодов. Он пишет: «Жители города собираются /вокруг/ него по средам, вешают на него разные плоды, преклоняются перед ним и совершают жертвоприношения» (Ибн Русте. С. 220). Не идет ли у Ибн Русте речь о каком-то городе в «стране гуннов», жители которого и в X в. продолжали поклоняться могучим деревьям?

В связи с культом плодородия, господствовавшим в мировоззрении гуннов Прикаспия, необходимо остановиться на образе богини, вскользь упомянутой в «Истории страны алван». Ее имя передано автором как Афродита. Автор, возможно, обозначил гуннскую богиню именем древнегреческой богини любви и красоты Афродиты, исходя из тождественности их функций. Афродита древних греков впитала в себя черты богинь ближневосточных культов — семитской богини плодородия, любви и неба Астарты и малоазийской Великой матери (Словарь античности. 1989. С. 66).

Гуннская богиня любви упомянута Мовсесом Каланкатуаци однажды и как бы косвенно. Великий князь гуннов Алп-Илитвер предложил разрешить спор между христианским проповедником епископом Израилом и служителями языческих культов гуннов демонстрацией последними истинности древних верований. Служители культов должны были через магические действия и заклинания вызвать наказание или смерть Израилу, повелевшему уничтожить языческие святыни. Автор так описывает действия служителей культа: «Тогда колдуны, ворожеи и чародеи /слуги богини/ Афродиты начали свое неистовое колдовство, стали обращаться к земле с лживыми призывами, произнося вздорные и бессмысленные восклицания...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 129).

В этом лаконичном сюжете о гуннской Афродите обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) культ богини Афродиты обслуживали колдуны, ворожеи и чародеи, т.е. круг служителей культа богини любви был

четко очерчен; 2) колдуны, ворожеи и чародеи обращались с призывами о ниспослании наказания не к богине (Афродите), а к земле.

Попытаемся определить главные функции богини любви у гуннов, исходя из той лаконичной информации, которой мы располагаем. Источник дает возможность считать, что богиня любви и мать-земля в пантеоне гуннов Прикаспия — идентичные или взаимозаменяемые понятия. Обслуживавшие культ гуннской Афродиты служители, т. е. посредники между богиней и людьми, обращались за помощью, как указывает автор, к земле. Таким образом, богиня любви гуннов имела свое воплощение в образе священной Земли. Выше отмечалось, что Земле отводилось центральное место в культе плодородия гуннов, «страна гуннов» определялась как «земнородная отчизна». Исходя из идентичности понятий у гуннов «богиня любви» — «мать-земля», прародительницей всего живого была именно богиня «Афродита», т. е. ее главной функцией являлось дарование жизни. В силу этого гуннскую богиню любви можно определить, как богиню плодородия.

Образ богини плодородия носит двойственный характер. Это не только дарующая жизнь богиня, в ней заключено и наказующее начало. Какое наказание могла послать священная земля — богиня плодородия? В источнике названы следующие: устрашение, тяжкий недуг, смерть (Мовсес Каланкапуаци. II. С. 129). Такие же наказания выпадали и тем, кто решался подобрать опавшие сучья и листья «священного дуба», являвшегося «хранителем и защитой» «страны гуннов», но в

этом случае нарушивших запрет могло постигнуть также истребление дома и рода (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 128-129).

Видимо, самым страшным наказанием была даже не смерть отдельного человека, нарушившего традиционные запреты, а истребление дома и рода, которые могла ниспослать богиня плодородия — «священная» земля.

С. Г. Кляшторный первым указал на несомненную связь богини плодородия гуннов Прикаспия с древнетюркской богиней Умай (Кляшторный С. Г. 1984. С. 22). В древнетюркском пантеоне богиня Умай — это богиня плодородия и новорожденных (Кляшторный С. Г. 1984. С. 19), хотя у нее есть и иные как бы не относящиеся к ее основным сферам творения, функции — покровительство воинам, охотникам, пастухам.

А. М. Сагалаев на основе анализа мифических сюжетов, бытовавших в среде тюркоязычного населения урало-алтайского региона, приводит детальную характеристику образа богини матери Умай. Первичное значение имени Умай является «люно», «матка», «детское место» (Сагалаев А. М. 1991. С. 61). В имени богини заключена главная ее функция — рождать все живое, даровать жизнь. В древнетюркском пантеоне богине Умай отведено очень высокое место. Она являлась женой бога неба Тенгри (Кляшторный С. Г. 1984. С. 19). И если Тенгри в тюркской мифологии ведает судьбами людей, то Умай — рожденьями людей (Кляшторный С. Г. 1984. С. 19), а также дает жизнь зверям и птицам (Сагалаев А. М. 1991. С. 61). Образ богини

Умай в пантеоне тюрков как бы раздваивается. Она не только санкционирует рождение живого, рождает все живое, но в ее власти было также лишить потомства (она похищала и пожирала младенцев) (Сагалаев А. М. 1991. С. 61). Такие «противоположно направленные трансформации естественны для богини матери, распоряжающейся потомством», считает С. Ю. Неклюдов (Ом.: Сагалаев А. М. 1991. С. 61). Мифология тюркоязычных народов Урала и Южной Сибири насыщена множеством примеров противоположных действий богини Умай: она помогает роженице; она защищает трудного младенца от злых духов; она может задушить ребенка в утробе матери; она могла отречься от ребенка, и злые духи пожирали трудного младенца (Сагалаев А. М. 1991. С. 67; Потапов Л. П. 1991. С. 288, 291).

Богиня Умай представлена в эпосе тюрков урало-алтайского региона в образе, как правило, молодой женщины с золотыми или рыжими волосами, распущенными или заплетенными в две косы (Сагалаев А. М. 1991. С. 55-58). У некоторых народов она представлена старухой с белыми распущенными волосами. Символами богини Умай у тюркоязычных народов были мишурные нити (золотые, серебряные, белые и зеленые), раковины Каури, небольшие луки и стрелы, маленькие колыбели (Сагалаев А. М. 1991. С. 55-56). Богиня обитала, по поверьям тюркоязычных народов, в горе, пещере, узкой расщелине, т. е. объектах, связанных с землей.

В религиозных представлениях современных тюркоязычных народов Дагестана имя Умай, символизирующее образ богини плодородия, не сохранилось, хотя почитание «священной» земли присутствует, о чем говорилось выше. Однако с образом богини Умай могут быть сопоставлены некоторые женские мифические существа, сохранившиеся как рудименты т.н. народных верований населения. Прежде чем перейти к характеристике этих мифических образов, следует отметить, что функции их примерно одинаковы и в определенной степени тождественны функции древнетюркской Умай, но имена (названия) мифических образов иногда разнятся даже в пределах одного этнического массива, хотя могут быть схожи у разноэтнических групп населения.

Ближе всего к древнетюркской Умай по своему основному предназначению стоит женское божество «Кьуне», мифические сюжеты о котором были записаны в даргинском сел. Мекеги (Алиханова А. А. 1978. С. 156—161). В представлениях мекегинцев «Кьуне» — это защитница младенцев, но в то же время это божество может похитить младенца из утробы матери, или лишить человека детородной способности (Алиханова А. А. 1978. С. 157-158), что сводится в конечном счете к уничтожению рода. У кумыков с. Башлыкент сохранились представления о мифическом образе «Къан-тулук», что переводится как «бурдюк, наполненный кровью» (Мифология. 1984. С. 174). Это тоже женский дух, но доброго начала в нем уже нет, его главная функция — жажда человеческих жертв. К жен-

ским божествам, аналогичным по своему предназначению тюркской Умай, можно отнести также «Албаслы кӳагын», образ которой сохранился также в верованиях у кумыков сел. Башлыкент. Но это опять злое существо, которое душит свои жертвы, особенно безжалостна Албаслы к роженицам, которых, съев легкие и печень, может убить (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 325). Она также может лишить человека детородной способности (Мифология. 1984. С. 167). Бытовавший у лакцев с. Вачи мифический образ «Мантули» также обладал способностью уничтожения рода (Мифология. 1984. С. 172). В другом лакском с. Ахар существовал в представлениях народа женский образ «Сухалуту», который, разгневавшись, мог задушить ребенка в колыбели (Мифология. 1984. С. 172). У лакцев с. Вихли существовал мужской дух «Авдал», который также, как мифическое существо «Кӳуне» у мекегинцев, мог унести ребенка из утробы матери (Мифология. 1984. С. 163). У лезгин с. Касумкент существовал женский дух «Алпаб» — злой и безжалостный в своем стремлении уничтожить человеческий род (Вагабова Ф. И., Алиханова А. А. 1978. С. 159). Таким образом, мы видим, что все описанные выше мифические образы имеют непосредственное отношение к роженицам, младенцам, детородной способности человека и в конечном счете к сохранению рода человеческого. Но лишь даргинская «Кӳуне» имеет двойственный характер (доброе и злое начала), все остальные — это существа с ярко выраженной вредоносной для человека способностью.

Выше отмечалось, что божественные существа, в чьей власти находится существование рода человека, являются женскими божествами. Эти существа представлялись людям женщинами, как правило, несбытковой красоты, с длинными, доходящими до пят волосами или косами («Кьюне», «Албаслы», «Мантули», «Алпаб»). Волосы обычно красного («Кьюне», «Алпаб»), рыжего («Мантули») или пшеничного цвета («Албаслы»). Детородные свойства этих мифических образов выражены ярко — у них большая грудь, закинута за плечи («Кьюне», «Албаслы къатын»), иногда это просто дух в виде бурдюка в форме груди («Къан-тулукъ»). Как видим, по своим внешним характеристикам (молодая красивая женщина с длинными волосами рыжего (красного) или золотистого (пшеничного) цвета) женские мифические божества, сохранившиеся в представлениях некоторых народов Дагестана, имеют свой аналог в образе богини Умай, сохранившемся в эпосе тюрков урало-алтайского региона.

Местом обитания женских богинь—аналогов богини Умай у дагестанских народов была, как правило, природа — пустой лес («Албаслы», «Алпаб»), пещера («Албаслы къатын»), иногда это могила злой женщины («Къан-тулукъ») или пространство где-то вне дома («Мантули», «Сухалуту»). Только у мекегинцев зафиксировано представление о нахождении «Кьюне» в жилище, в потолочных перекрытиях.

Следует отметить, что все выделенные на-

ми женские мифические существа, имевшие функцию влиять на существование рода, хотя и аналогичны древнетюркской богине плодородия и младенцев Умай, однако их статус значительно ниже положения Умай в пантеоне древних тюрков. Это, как правило, не божества, а только духи и вдовабок — однофункциональные (приносящие зло человеку). Л. П. Потапов отметил такое же понижение статуса Умай в пантеоне алтае-саянских шаманистов (Потапов Л. П. 1991. С. 291). Свяzano это явление, видимо, с временной трансформацией «священного» образа.

До сих пор не ясно иконографическое воплощение богини Умай. С. Г. Кляшторный предполагает, что богиня Умай изображена на камне, найденном на могильнике Кудырге на Алтае, в виде женщины в трехрогом головном уборе и богатом наряде (Кляшторный С. Г. 1984. С. 19). Однако Л. П. Потапов в своей книге приводит, на наш взгляд, убедительные доводы против отождествления изображения на камне из Кудырге и образа богини Умай (Потапов Л. П. 1991. С. 293-298).

В этой связи представляет особый интерес семантика изобразительного сюжета, помещенного на бронзовой подвеске из катакомбного погребения Верхнечирюртовского грунтового могильника раннесредневекового времени, известной по публикациям как подвеска в виде изображения женщины с младенцем на руках (Путинцева Н. Д. 1961. С. 252. Рис. 11 (8)). М. М. Маммаев интерпретировал эту подвеску как амулет с изображе-

нием христианской богородицы (Маммаев М. М. 1976. С. 97-102). Однако есть основания полагать, что смысловая нагрузка изобразительного сюжета указанной подвески несколько иная.

Центр композиции подвески составляет фигура в виде восьмиконечного креста, помещенного в рамку концентрической формы

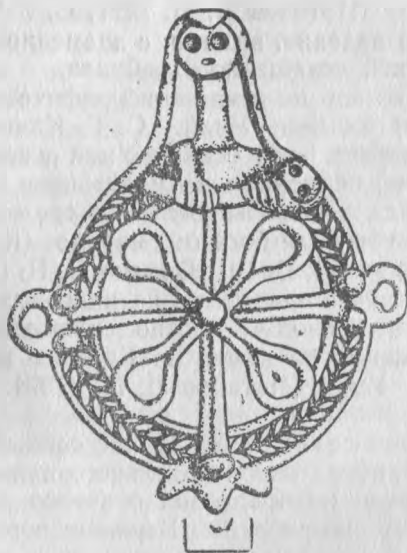

Рис. 6. Подвеска. Верхнечирюртовский грунтовый могильник № 1. Бронза.

(рис. 6). М. М. Маммаев рассматривает эту часть подвески как монограмматический

крест-хризму. Известно, что крест-хризма представлял собой монограмму букв «Х» и «Р» (Банк А. 1966. С. 13. Рис. 18-19); вписанный в круг крест-хризма приобрел форму «колеса с шестью спицами» (Рыбаков Б. А. 1981. С. 300) — шестиконечного креста. Фигура восьмиконечного креста, составляющего основу подвески, может быть рассмотрена как солярная символика — изображение солнца в движении (Гмыря Л. Б. 1986. С. 101-102). Круг с вписанным в него четырех-, шести- или восьмиконечным крестом является древним солярным знаком, известным у многих народов (Рыбаков Б. А. 1981. С. 297-298; Даркевич В. П. 1960. С. 59). Украшенная елочным орнаментом рамка, в которую помещен солярный символ, является, по нашему мнению, стилистическим изображением ветви священного дерева, так называемого «древа жизни», символизирующего плодородие и изобилие. Филигранные или штампованные пояски в виде «плетенки», «веревочки», «рубчика», «елочки» составляют одну из характерных особенностей в оформлении предметов вооружения, конского снаряжения и украшений в кочевнических древностях Восточной Европы и Средней Азии V-VIII вв. н. э. Сюжет «древо жизни» был одним из основных в средневековом искусстве Дагестана. Он зафиксирован в орнаментике керамических сосудов, а также в металлопластике (Маммаев М. М. 1967. С. 149, 152). Шаровидные выступы, имеющиеся в центре композиции, а также ветви «священного дерева» могут быть рассмотрены как символы его плодов.

В верхней части подвески помещено оплечное изображение женщины с ребенком, выполненное условно-схематически, с едва намеченными чертами лица. Изображение женщины резко возвышается над основной композицией подвески, в то же время изображение лежащего на руках матери ребенка не выходит за пределы рамки, являясь верхней ее частью, смыкающей концы ветви «древа жизни». Длинные косы женщины плавно спускаются к рамке, охватывая и тем самым объединяя в единое целое композицию изображения сюжета подвески, стличающуюся лаконичностью и емкостью выразительных средств.

Как нам представляется, на подвеске из катакомбного погребения Верхнечирюртовского грунтового могильника в образе женщины изображена языческая богиня плодородия, мать-земля «страны гуннов» — богиня Умай, дарующая всяческое изобилие и плодородие (древо жизни с плодами), рождающееся под действием живительного солнечного тепла (центральная композиция солярного знака в обрамлении ветки священного дерева). Ребенок в данном сюжете олицетворяет, видимо, идею вечности и возрождения жизни) (Гмыря Л. Б. 1986. С. 102).

Культ Великого женского божества известен у многих народов древности (Грач А. Д. 1980. С. 68). Великая богиня присутствует и в древнетюркском пантеоне под именем богини Умай (Грач А. Д. 1980. С. 69; Кляшторный С. Г. 1984. С. 19). В древнем искусстве Великая богиня изображалась в виде женщины, фигура которой украшалась земл-

дельческими символами (ветви дерева, многолучевые кресты). Известны также изображения Великой богини в образе матери, кормящей грудью ребенка (См.: Гмыря Л. Б. 1986. прим. 133-134). Б. А. Рыбаков отмечает что «культ Великой богини постепенно приобретает черты культа земли, земного плодородия и в этом виде живет на протяжении тысячелетий... как народный земледельческий комплекс воззрений и магических обрядов» (Рыбаков Б. А. 1981. С. 366).

3. БОГ ТЕНГРИ-ХАН

Верховным божеством в представлениях гуннов Прикаспия был бог Тенгри-Хан. В «Истории страны алван» он наделен хвалебными эпитетами: «промадный герой», «дикий исполин», «храбрый и исполинский Сландиат» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 197, 201). «Культ Тенгри-хана, — считает С. Г. Кляшторный, был центральным культом в царстве Алп-Илитвера» (Кляшторный С. Г. 1984. С. 21). Ряд исследователей отождествляют Тенгри-хана дагестанских гуннов с богом неба Тенгри у тюрков (Артамонов М. И. 1962. С. 187; Кляшторный С. Г. 1984. С. 21; Гадло А. В. 1979. С. 146). Верховный бог праболгар также носил имя Тангра (Кляшторный С. Г. 1984. С. 18).

Анализ данных «Истории страны алван» показывает, что бог неба Тенгри древних тюрков в условиях растущей социальной диффе-

ренциации тунгского общества трансформировался в бога-предка, бога-героя, наделенного силой, храбростью, почитание его приносило в «стране туннов» удачи и изобилие.

Отмеченное выше наделение наиболее почитаемых деревьев функцией защиты, охраны и способностью приносить блага выделившейся верхушке тунгского общества нашло отражение в религиозных представлениях туннов, где прослеживается связь между образом верховного божества Тенгри-хана и почитаемыми деревьями (жертвы «священным» деревьям приносились в честь бога Тенгри-хана, головы и шкуры жертвенных лошадей вешали на сучья деревьев). Возможно, тунны считали, что именно главное божество дарует могущество и благополучие князю туннов и его приближенным.

С. Г. Кляшторный считает символами культа Тенгри-хана не только высокие деревья, но и солнце, луну, гром (Кляшторный С. Г. 1984. С. 21).

Заключая характеристику пантеона северокавказских туннов, необходимо остановиться еще на одном аспекте. Мовсес Каланкатуаци указывает, что тунны почитали некоторых богов путей (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 193). С. Г. Кляшторный отмечает сходство богов путей туннов с древнетюркскими божествами «Йол-тенгри», обеспечивающими связь бога неба Тенгри (божества Верхнего мира) с божествами Среднего мира (Кляшторный С. Г. 1984. С. 22). Вероятно, особо выделенные в пантеоне северокавказских

гуннов боги путей, являлись покровителями кочевников как божества, заключавшие в себе функцию охраны от всякого неблагоприятия в период сезонных перекочевков.

4. АМУЛЕТЫ И ФЕТИШИ

Некоторые предметы у гуннов являлись фетишами и употреблялись при отправлении языческих ритуалов (рис. 7). К ним можно отнести упоминаемые в источнике языческие амулеты — «золотые и серебряные изображения дракона», а также игральные кости (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 198, 205).

Хотя география культа дракона-змеи довольно широка, но почти у всех народов образ дракона-змеи связывался с водным изобилием (Решетов А. М. 1981. С. 87—90), а в мифологии китайцев дракон выступал повелителем туч (Сычев Л. П. 1972. С. 146). У народов Дагестана змея — это не только дух водных осадков (Булатова А. 1971. С. 184; 1980. С. 101), но и добрый дух дома, охраняющий благосостояние семьи (Халилов Х. М. 1984. С. 71; Халидова М. Р. 1984. С. 105).

Языческие амулеты с изображением дракона были, видимо, не только фетишами, но и отличительными знаками служителей культа, основная деятельность которых состояла в отправлении ритуалов, связанных с благополучием производственной деятельности населения «страны гуннов». Данные, полученные при анализе некоторых древнетюркских терминов, свидетельствуют о том, что ритуальное одеяние служителей культа отличалось

от одежды основной массы населения (Джидалаев Н.-И. С. 1984. С. 153-156, 159) и амулеты, видимо, были необходимым дополнением к нему.

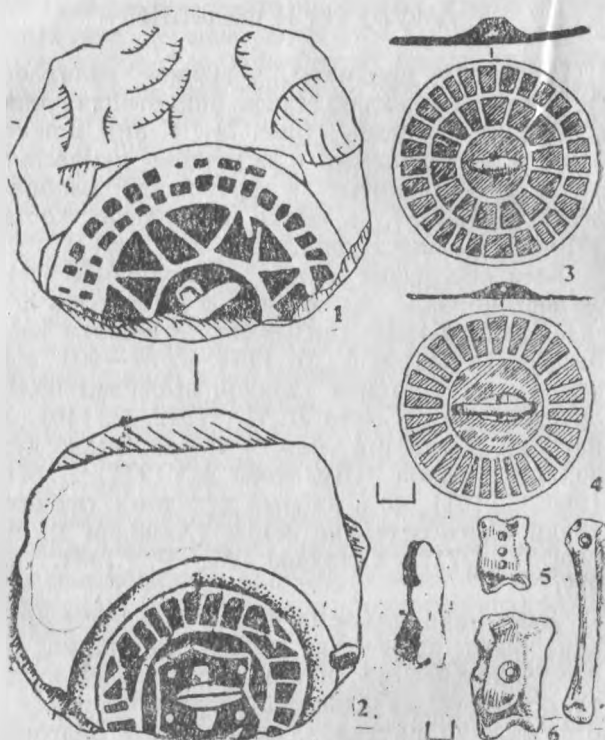

Рис. 7. Предметы культа и литейная форма
 1, 2, 5-7 — Паласа-сыртское поселение IV-VI вв.,
 3-4 — Паласа-сыртский могильник IV-V вв.
 1, 2 — двусторонняя форма для отливки зеркал, 3,
 4 — зеркала, 5, 6 — игральные кости, 7 — амулет
 1, 2 — камень, 3, 4 — бронза, 5-7 — кость

Игральные кости, которые в период борьбы с языческими верованиями гуннов были сожжены, возможно, первоначально выступали как атрибуты магических ритуалов, связанных с поклонением солнечному божеству. Косвенным свидетельством этому может служить запрещение игр в кости во время засухи, существовавшее у некоторых народов Дагестана (Булатова А. 1971. С. 177).

5. ЖРЕЦЫ И СЛУЖИТЕЛИ КУЛЬТОВ

В гуннском обществе выделилось сословие служителей культа, в функцию которого входило отправление языческих ритуалов. В среде служителей культа существовала культская иерархия, высшее положение в которой занимали жрецы и главные кудесники (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 205). Видимо, имелась своеобразная специализация обязанностей служителей культа, ибо автор «Истории страны алван» упоминает о жрецах-чародеях, колдунах, знахарях, кудесниках, служителях капищ и священных рощ (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 185, 205).

К концу VII в. жреческое сословие было очень влиятельной силой в гуннском обществе. Алп-Илитвер столкнулся с упорным сопротивлением жречества в период христианизации гуннов (682 г.). Решительная расправа над противниками христианства (заточение и суд над высшими служителями жреческого сословия, казнь некоторых из них), предпринятая Алп-Илитвером, свидетельствует не

только о «большом влиянии» жречества над массами гуннского населения, которое князь гуннов поставил своей целью ослабить, но беспощадность расправы имела цель подорвать экономическое могущество жреческого сословия. Укоряя князя гуннов в кощунстве по отношению к языческим богам и святыням (сожжение капищ, уничтожение священных деревьев и рощ), жречество выражало свое возмущение также по поводу разорения и ограбления языческих храмов, являвшихся, видимо, местом сосредоточения богатств храмовых хозяйств (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 200). А. П. Новосельцев отмечает, что важнейшей причиной христианизации закавказских стран было чрезмерно выросшее материальное богатство языческих храмов (Новосельцев А. П. 1980. С. 246). Царская власть стремилась ограничить силу и власть жреческого сословия, финалом этой политики было принятие христианства в странах Закавказья (Новосельцев А. П. 1980. С. 136). Прямых данных о характере собственности гуннского жречества письменные источники не содержат, но все же в «Истории страны алван» жреческое сословие предстает могущественной и влиятельной силой гуннского общества, до последнего боравшегося за свои привилегии. Религиозная реформа, проводимая князем гуннов, была направлена не только на укрепление власти и экономического могущества верховного правителя. Религиозная реформа по существу явилась актом перераспределения экономического и политического могущества внутри родоплеменной верхушки феодализирующейся знати.

Наличие среди служителей культа колдунов, знахарей, кудесников свидетельствует о существовании у населения Северо-Восточного Кавказа в раннесредневековый период верований, связанных, как и у многих языческих народов, с потребностями быта (лечебная, бытовая, брачная магия). Аммиан Марцеллин описал некоторые действия туннов, связанные с верой в судьбу. «Связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклятиями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается» (Аммиан Марцеллин. II. С. 243).

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

НА ПУТИ К МИРОВЫМ РЕЛИГИЯМ

I. ХРИСТИАНСТВО

Население Северо-Восточного Кавказа постоянно испытывало сильное политическое, экономическое и идеологическое воздействие со стороны развитых земледельческих государств Закавказья (Армении, Албании), а через них и влияние Византии. Гунны Дагестана были втянуты в борьбу Ирана и Византии за Кавказ. «Страна гуннов», занимая выгодное стратегическое положение, обладая значительными материальными и людскими ресурсами, представляла собой значительную политическую силу, не учитывая значение которой в своей борьбе мировые державы не могли. Закавказские государства со времени расселения гуннов в Прикаспийских степях стремились подчинить своему влиянию население Северо-Восточного Кавказа. И одним из важнейших средств для достижения цели было распространение среди дагестанских гуннов христианства.

Христианизация племен гуннского круга имеет свою историю. В 30 г. IV в. успешно начатая деятельность христианского проповедника Григориса среди гунно-маскутских племен закончилась его трагической гибелью.

Историю христианизации гуннских племен в 30-е гг. IV в. впервые поведал Фавстос Бузанд (V в.), затем с различными подробностями ее пересказал Мовсес Каланкатуаци. Епископ Григорис был рукоположен в высокий священный сан в 15 лет. Просветительскую деятельность начал в Иверии и Алуанке (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 37). После этого он отправился в «страну мазкутов», взяв с собой учеников. Епископу Григорису сначала удалось склонить царя мазкутов Санесана и подвластные ему войска гуннов к принятию христианства, но когда гунны поняли, что с принятием христианства они лишаются возможности совершать грабительские походы в страны Закавказья, войска Санесана возмутились. Армянский историк так передает доводы противников христианизации: «чем нам жить, если по исконному нашему обычаю не садиться на коней?» (Фавстос Бузанд. С. 14). И далее автор сообщает: «Царь изменил свою мысль и внял словам своего войска» (Фавстос Бузанд. С. 14). Царь вынужден был считаться с волей своего войска, составлявшего, видимо, большинство жителей «страны мазкутов». Епископ Григорис был подвергнут мученической смерти: «Тогда они поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю вдоль берега великого северного моря, за пределами своего лагеря, по полю Ватнеан» (Фавстос Бузанд. С. 14). Считается, что поле находилось на побережье Каспийского моря, где-то южнее Дербента. Ученики привезли убиенного епископа в г. Амарас и похоронили его в церкви (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 38).

Хотя первая попытка христианизации племен гуннского круга и не увенчалась успехом, но стремление к этой цели не утасло. Мовсес Каланкатуаци сообщает, что святой Маштоц, создавший алфавиты для «армян, алуанцев и иверов», проповедовал христианство «в гаваре Ути, в Алуанке, в Лпинке, в Каспии, до ворот Чора» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 60). Вероятно, мазкутские племена, обитавшие к югу от Чора, подвергались христианизации неоднократно. Но разобщенность гуннских племен, кочевнический характер экономики гуннов делала эти попытки безуспешными. Уровень социально-экономического развития племен гуннского круга не способствовал еще складыванию условий для принятия монотеистической религии.

В первой трети VI в. н. э. (около 515 г.) к гуннам Прикаспия прибыл армянский епископ Кардост с пятью священниками, «многих окрестили, и обучали (некоторых) из гуннов» (Псевдо-Захария. С. 166). Посольство это занималось просветительской деятельностью 14 лет, и «выпустили там (в 520 г.) писание на гуннском языке». Псевдо-Захария пишет, что «вышло писание на их языке о том, как это устроено господом» (Псевдо-Захария. С. 165). Кардоста сменил другой армянский епископ Макар, деятельности которого приписывается строительство церкви из кирпичей (Псевдо-Захария. С. 167). Видимо, просветительская деятельность епископов Кардоста и Макара затронула лишь какую-то часть гуннских племен. В «Хронике» Псевдо-Захарии сообщается, что византийский отряд, отгонявший персов от крепости Дары, расположен-

ной в Месопотамии, на границе Византии и Персии, во время ее осады, возглавлял «Сунникс муж, бывший военачальник гунн, крестившийся, найдя убежище у ромеев...» (Псевдо-Захария. С. 162). Сообщение относится к 30-м гг. VI в. Смена религии повлекла серьезные последствия, заставившие Сунникса покинуть родину и перейти на службу к византийцам.

К VI в. относится упоминание Мовсесом Каланкатуаци «епископа гуннов Иунана», который также, как и его предшественники Григорис и Маштоц, просвещал мазкутов (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 45).

Христианство принимали и отдельные подразделения войск гуннов, участвовавшие в военных походах в страны Закавказья (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 45).

В гуннском обществе VI в., разобщенном на отдельные племена, для христианства не созрели еще условия. Албанский епископ Израил в конце VII в. нашел «Гуннию» все еще языческой. Хотя одно замечание Мовсеса Каланкатуаци свидетельствует о том, что какая-то часть населения «страны гуннов» проповедовала христианство, но в искаженном виде. Автор пишет, что епископ Израил «был огорчен и опечалился, увидев множества зла и раздвоение веры, ибо были люди, которые называли себя богопоклонниками, но отреклись от силы (Бога) и были чужды ей» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124). Но, вероятно, к концу VII в. от христианизации в первой трети VI в. в Гуннии не осталось и следа. Алп-Илитвер в послании к католикосу Армении Сахаку и князю Армении Григору

пишет, что о Христе гунны «знали лишь немного понаслышке, со времен наших набегов в вашу страну и в Алуанк...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 133).

В 682 г. в «страну гуннов» Алп-Илитвера прибыла миссия епископа Исраила, имевшая цель претворения в реальность одного из основных условий договора между Албанией и «страной гуннов» — принятия гуннами христианского вероучения.

В «стране гуннов» прежде всего христианство приняли великий князь гуннов Алп-Илитвер и знать гуннского общества (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 198 — 199). Долгое время жречество противилось новой религии, однако вынуждено было смириться и также признать новое вероучение. Как отмечалось выше, жречество было влиятельной силой в гуннском обществе. Чтобы усмирить сопротивление противников христианизации Алп-Илитвер изолировал «старших жрецов и главных колдунов» от общества. Однако только после длительного заточения верхушки служителей языческих культов в «тяжких оковах», расправы над некоторыми из них (сожжение на кострах), а также после суда над самыми стойкими, жрецы «сами себя обвиняли, признавая грехи свои, и обратились к истинной вере» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 205). Приобщение служителей языческих культов к христианскому вероучению завершилось актом сожжения главных атрибутов языческого культа предков. К. Патканов перевел название этого объекта, как «царские гробницы» (Мовсес Каланкатуаци.

И. С., 206). Ш. В. Смбатян перевел его иначе— «громогласное кладбище чопы, называемое Даркунанд» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 131). В примечаниях (162 и 163) переводчик поясняет, что Даркунанд — это название священной рощи у гуннов, где совершались жертвоприношения лошадей. Но ведь ко времени суда над старшими жрецами уже были уничтожены священные дубовые рощи и самый почитаемый у гуннов старый дуб, разрушены и разорены капища языческих богов, уничтожены языческие змудеты. А «царские гробницы» должны быть сожжены, как отмечает Мовсес Каланкатуаци, «руками верующих жрецов». День сожжения капищ и крещения жречества стал у гуннов общественной важной датой, «праздником праздников и собором соборов». Вероятно, после принятия христианства жречеством это вероучение было воспринято и горожанами Варачана.

На наш взгляд, стоит обратить внимание на способ казни служителей культов у гуннов. Мовсес Каланкатуаци пишет, что Израил повелел «некоторых из них сжечь на кострах» (Мовсес Каланкатуаци. II. 130). Таким же способом обещал расправиться над упорствующими служителями культов и великий князь гуннов — «колдунов и чародеев, не желающих обратиться в веру, сожгу огнем...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 132). Других гуннов, видимо, простолюдинов, Алп-Илитвер угрожал «предать мечу», если они не примут новую веру. Еще Геродот (484 — 425 г. до н. э.) среди обычаев причерноморских скифов отмечал сжигание гадателей, если их проро-

чества оказывались ложными (Геродот. С. 270). Нам представляется, что существование подобного обычая у гуннов Прикаспия в конце VII в. свидетельствует, как и отмеченные выше некоторые другие факты, о смешанном характере культуры населения «страны гуннов», включившей в себя также компоненты культуры ираноязычных племен.

О христианизации остального населения «страны гуннов» данных нет. Нет точных данных, была ли построена церковь в Варачане. Мовсес Каланкатуаци в одном месте своего повествования пишет о том, что выполненный из священных дубов и украшенный крест был установлен «восточнее царского дворца» (Мовсес Каланкатуаци. II. 130). Вероятно, церковь была построена позже, т. к., восхваляя деятельность Алп-Илитвера, автор отмечает, что «во многих местах он воздвигал церкви...» (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 128).

Водруженный у царского дворца крест был, по описанию автора «Истории страны алван», необычайно красивым. Он был выполнен из деревьев, срубленных в священной роще. Епископ Исраил «... приказал принести их в город Варачан, и призвав к себе искусных плотников города, приказал им сделать прекрасный, кругловатый крест; украсил его различными рисунками и приклеил к нему изображения животных, снятых с тщательною верностью, и выкрасил его сверху донизу краской. Также с правой стороны прикрепил он твердыми гвоздями прекрасные светлые кресты. Внизу сквозное отверстие, вырезанное с четырех сторон наподобие лилии. В нем нахо-

дился серебряный крест с частичкою от креста Господня» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 203—204). Ш. В. Смбатян возражает против описания формы креста, установленного у гуннов в Варачане, как «кругловатый», считая, что кругловатыми были бревна, из которых выполнили крест. Однако известно, что в Закавказье в это время распространение получили кресты мальтийской формы с закругленными концами ветвей, видимо, такой же крест был сделан и в Варачане у гуннов.

Христианство было выгодной идеологической оболочкой, заключавшей в себе идею единого бога, дарующего неограниченную власть верховному правителю общества. Принятие христианства в «стране гуннов» должно было упрочить сложившийся к VII в. союз гуннских племен, возвысить власть и усилить могущество князя гуннов, а также закрепить процессы социальной дифференциации в гуннском обществе, затронувшие как феодализирующуюся знать, так и народные массы. Оно явилось логическим завершением социально-экономического развития нового общества.

Христианство нашло в среде гуннов Прикаспия благодатную почву, однако оно не получило широкого распространения. Арабская экспансия на Кавказе, разгром Армении и Албании, продолжительные арабо-хазарские войны надолго прервали прогрессивные процессы социально-экономического развития региона, затормозив тем самым укрепление государственности в «стране гуннов», а религиозная политика арабов, насаждавших ис-

лам, подорвала процесс укрепления христианизации населения Северо-Восточного Кавказа (История Дагестана, 1967. С. 150—159). А. Р. Шихсаидов отмечал, что с конца VII в. и до X в. в Дагестане не было условий для «усиления темпов проникновения христианства». Более того, «политическое влияние арабов в районе Дербента положило начало проникновению ислама и медленному вытеснению христианства» (Шихсаидов А. Р. 1957. С. 65).

Мовсес Каланкатуаци очень лаконично сообщает о дальнейшей судьбе христианства в «стране гуннов». Он пишет, что великий князь Алп-Илитвер дожил до почетной старости, он воздвигал церкви в своей стране, а епископ Исраил возглавлял одновременно христианские кафедры в своем паваре Кавказской Албании и в «стране гуннов». Но судьба его сложилась трагично—новый католикос Албании Бакур изгнал епископа Исраила (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 148). Христианство в «стране гуннов» продержалось, видимо, до первых походов арабов в Прикаспий в начале VIII в. Лишь в 80-е гг. X в. в г. Семендере, ставшем новой столицей «страны гуннов», жили наряду с мусульманами и иудеями христиане (Ибн Хаукаль. С. 114; ал-Муккадаси. С. 5). Ибн Хаукаль сообщает также, что в Семендере имелись христианские храмы. Но что это были за христиане—потомки тех жителей «страны гуннов», крестившихся в 682 г., или принявших христианство позже иным путем, источники не сообщают.

Заключая раздел, следует отметить, что для «страны гуннов» конца VII в. изменение идеологии было закономерным явлением. Уровень социально-экономического развития гуннского общества, характер идеологических представлений, господствовавших в нем, свидетельствуют о начале сложения на территории Северо-Восточного Кавказа раннеклассового государства (Гмыря Л. Б. 1988. С. 31). Зарождавшаяся государственность нуждалась в идеологии, которая способствовала бы дальнейшему развитию классовообразования, укреплению и усилению власти верховного правителя. Религиозная реформа 682 г. была направлена не только на укрепление власти и экономического могущества верховного правителя (в своих руках правитель гуннов сосредоточил всю полноту власти, которая практически распространилась на все области внутренней и внешней жизни гуннского общества). Религиозная реформа по существу явилась фактом перераспределения экономического и политического могущества внутри родоплеменной верхушки феодализирующейся знати.

2. ИСЛАМ И ИУДАИЗМ

Ислам начал внедряться в Дагестане в период очередной арабо-хазарской войны, характеризующейся особо упорным и планомерным наступлением арабов в Прикаспии (708-733 гг.). В сочинениях арабских историков IX-X вв. сохранилось много данных о принципах политики арабов среди населения

покоренных стран — это уничтожение тех, кто проявлял к войску арабов враждебность (ал-Куфи. С. 9, 41, 53); переселение на другие территории, если жители, запросив мира, прежде оказали сопротивление войскам арабов (ал-Куфи. С. 18, 41); выплачивание ежегодной контрибуции, если население без сопротивления просило пощады (ал-аман) и выделяло стоянки для арабских войск (ал-Куфи. С. 9), в некоторых случаях помимо денежной контрибуции производились поставки пленников (юношей и девушек), скота и провизии (ал-Куфи. С. 55—56).

Данных о том, что население завоеванных территорий Дагестана в VIII в. подвергалось насильственной исламизации, нет. Известно, что арабы практиковали веротерпимость к христианам, иудеям и зороастрийцам (Новосельцев А. П. 1990. С. 148), но к язычникам было однозначное отношение — они должны были принять ислам. Но судя по данным источников, христианами в первом десятилетии VIII в. были только жители «страны гуннов», в горных же областях поклонялись языческим богам. Но и покорив ряд областей горных районов Дагестана (738 г.), арабы требовали с населения контрибуции; о принятии ими ислама сведений в источниках нет.

Из источников известны единичные случаи принятия ислама жителями Прикаспийского Дагестана в период с 708 по 737 гг. Так, ал-Куфи и другие арабские авторы рассказывают, что хазарский воин, защищавший Дербент, осаждаемый в 713/714 гг. арабским полководцем Масламой, выразил желание принять ислам на условиях, принятых у арабов—

выплаты ему содержания для его семьи. Приняв ислам, воин придумал способ захвата неприступной крепости (ал-Куфи. С. 14).

В 722/723 гг. арабский полководец Джаррах захватил г. Баланджар. Владелец Баланджара с 50 воинами бежал в Семендер, его жена, дети, слуги и имущество были куплены Джаррахом. Арабы решили даровать прощение владельцу Баланджара и вернуть ему власть, имущество, семью и слуг (ал-Куфи. С. 19). Но на каких условиях это было сделано, автор умалчивает. Только ли на обязанности тайно оповещать арабов о передвижении войск хазар (ал-Куфи. С. 20)? По крайней мере, о принятии владельцем Баланджара ислама автор не сообщает.

В этом же году (722/723) жители «территории Вабандар», осажденные войсками Джарраха, признали власть арабского халифа и заключили мир «на условиях уплаты ежегодно определенной суммы» (Ибн ал-Асир. С. 25). Ал-Куфи говорит о большой денежной контрибуции (ал-Куфи. С. 20). Принудили ли жителей Вабандара принять ислам, неизвестно.

Царь хазар, по данным источников, принял ислам в 737 г. (ал-Куфи. С. 52). Произошло это после того, как арабский полководец разорил «страну хазар», разгромил 40-тысячное войско царя. Царь запросил мира, одним из условий его было принятие ислама. Ал-Куфи сообщает: «Царь хазар принял ислам и вместе с ним приняли ислам множество людей из числа его родных и соплеменников». Власть осталась в руках царя хазар, но 40 тыс. хазар были переселены в Закавказье. А. П. Ново-

сельцев сомневается, принял ли царь хазар ислам в действительности или только обещал сделать это (Новосельцев А. П. 1990. С. 148).

Ислам приняла хазарская царевна, выданная замуж за арабского правителя Аррана (752/753 гг). (ал-Куфи. С. 62—63).

В источниках сохранились сведения о вероисповедании жителей г. Семендера в X в. Почти все арабские географы утверждают, что в городе проживало много мусульман (ал-Балхи. С. 62; ал-Истахри. С. 47) и в нем имелись мечети (Ибн Хаукаль. С. 114; ал-Мукаддаси. С. 5). Что это были за мусульмане, местные ли жители или переселенцы, источники не дают ответа. А. Р. Шихсаидов полагает, что в Семендере в это время могли жить арабские колонисты (Шихсаидов А. Р. 1969. С. 94). В середине X в. (943 г.) царь Хайдака, по данным ал-Мас'уди, был мусульманин (ал-Мас'уди. I. С. 202).

В начале XII в., по данным арабского путешественника ал-Гарнати, мусульманами были жители Дербента и многих областей, соседствующих с Дербентом, в том числе и жители Хайдака (ал-Гарнати. I. С. 26 — 27; II. С. 49). Неверными, т. е. немусульманами были только жители Зирихгарана (ал-Гарнати. II. С. 50) и население Прикаспия, жившее к северу от Дербента (ал-Гарнати. I. С. 24). По данным ал-Гарнати, к началу XII в. ислам приняли 70 народов Дагестана (ал-Гарнати. II. С. 49). А. Р. Шихсаидов пришел к выводу, что сведения местных исторических источников, а также данные ал-Гарнати о принятии ислама в большинстве районов Да-

гестана в XII в. «отразили тот кратковременный этап, который завершился полной самостоятельностью преобладающего большинства дагестанских владений и возвратом к домонотеистическим верованиям в тех районах, где, возможно, ислам был принят» (Шихсаидов А. Р. 1969. С. 102). Но это было время не конца усиленной исламизации Дагестана, а еще только ее начала (Шихсаидов А. Р. 1969. С. 103).

Иудаизм утвердился в Хазарии, по данным арабского географа ал-Мас'уди, во времена правления халифа Харун ар-Рашида (786-809) (ал-Мас'уди. II. С. 193). Иудеями были в основном члены царской семьи и сам царь. Существует целая полемика относительно того, когда точно и при каких обстоятельствах это произошло. А. П. Новосельцев полагает, что хазарский царь принял иудаизм примерно в последнюю четверть VIII в. (Новосельцев А. П. 1990. С. 150—151). По его мнению, основная масса населения исповедовала ислам и христианство или поклонялась языческим богам, и только царь и его окружение были иудеями (Новосельцев А. П. 1990. С. 153).

Иная точка зрения у Л. Н. Гумилева. Он считает, что в 718 г. вождь персидских евреев-переселенцев, живших в Хазарии в районе междуречья Терека и Сулака, носивший тюркское имя Булан, «восстановил еврейские обряды для своего народа» (Гумилев Л. Н. 1992. С. 121). Л. Н. Гумилев подчеркивает, что еврейские обряды были восстановлены только для евреев-поселенцев: «Обращения хазар» в иудаизм не было, да и быть не

могло, т. к. в средние века... к исполнению культа допускались только члены рода, даже в том случае, если род вырос в этнос» (Гумилев Л. Н. 1992. С. 122). По мнению Л. Н. Гумилева, в «802/803 гг. влиятельный иудей Обадия взял власть (в Хазарии — Л. Г.) в свои руки, превратил хана из династии Ашина в марионетку и сделал раввинистский иудаизм государственной религией Хазарии» (Гумилев Л. Н. 1992. С. 135).

Арабские географы X в. утверждают, что царь Семендера был иудей, они, правда, подчеркивают, что он — родственник хазарского царя (может быть, только в силу этих обстоятельств он исповедовал иудаизм) (ал-Балхи. С. 62; ал-Истахри. С. 47; Ибн Хаукаль. С. 144). Только Ибн Хаукаль сообщает, что в Семендер наряду с христианскими храмами и мусульманскими мечетями были синагоги (Ибн Хаукаль. С. 114).

В науке утвердилось положение о веротерпимости хазарских царей. Л. Н. Гумилев же считает, что веротерпимость была вынужденной, «ибо обеспечивала расходы от транзитной торговли. Но как только кто-либо задевал интересы зарубежной иудейской общины, хазарский царь отвечал репрессиями» (Гумилев Л. Н. 1992. С. 145).

ПОГРЕБЕНИЕ

1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Захоронение покойника считалось у гуннов событием социального значения, для его совершения собирался коллектив людей, видимо, близких родственников. Отношение к смерти (как явлению у гуннов) носило двойственный характер. С одной стороны, боязнь пагубного действия смерти на благополучие коллектива, с другой, вера в запробную жизнь покойника. Все ритуальные действия гуннов, связанные с погребением покойника, отражали эту двойственность представлений. Чтобы помешать пагубному действию смерти на живое, собравшиеся родственники криками и громкими рыданиями, грохотом барабанов и звоном создавали шум, видимо, веря, что это отпугнет злые силы смерти. В ритуал обряда погребения входило также нанесение ножами и мечами порезов трупу (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 193). В литературе высказано мнение, что в ритуале нанесения порезов покойнику отразились рудименты более архаичных действий: члена общины, ставшего старым и слабым, когда-то убивали, чтобы предотвратить его послабляющее действие на

благополучие коллектива (Велецкая Н. Н. 1978. С. 47, 59; Гаджиева С. Ш. 1985. 292).

Подобный обычай, по данным ал-Мас'уди, имел место среди жителей ас-Сарира. Он писал: «Когда кто-нибудь из них умрет, они кладут его на носилки и выносят его на открытое место (майдан «плсцадь?»), где оставляют его на три дня на носилках. Затем жители города садятся на коней и облачаются в панцири и кольчуги. Они едут на край (названного) места (и оттуда) со своими копьями устремляются на мертвое тело, (лежащее) на носилках. Они кружат вокруг носилок, направляя копья на тело, но не пронзая его» (ал-Мас'уди. II. С. 219—220). Этот обычай, по утверждению автора, бытовал у жителей этого города 300 лет (примерно с 600 г.). Подобное замечание ал-Мас'уди свидетельствует о том, что описанный похоронный обряд не был свойственен для местных племен.

Погребальный обряд гуннов, возможно, сопровождался ритуальной музыкой, воспринятой очевидцем в виде грохота и звона. По мнению исследователей, музыка в представлениях язычников являлась посредником двух миров, средством общения с предками, а также богами (Велецкая Н. Н. 1978. С. 151).

Ритуальные действия, связанные с погребением умершего, включали в себя также самоистязание участников погребального обряда: нанесение порезов на лицо и тело (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124, 128). Агафий описывает эпизод, когда в период опасности, грозящей гибелью, гуннские воины «... резали себе даже щеки ножами, выражая тем по

обычаю свою горестъ» (Агафий. С. 158). Нанесение порезов, в результате которых проливалась кровь, видимо, являлось рудиментом более архаичных действий, состоявших в человеческих жертвоприношениях божествам. Ритуальные действия самоистязания в похоронной обрядности древних тюрок отмечены в китайских хрониках. По сведениям китайского автора, относящимся к VI — первой половине VII в., знатного тюрка хоронили следующим образом: «Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоюго пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач, кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу... В день похорон, так же, как и в день жончины предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо...» (Бичурин Н. Я. 1950. С. 230).

А. П. Новосельцев считает, что описанный Мовсесом Каланкатуаци обряд нанесения порезов на лицо и тело, как выражение скорби, в какой-то степени схож с погребальным обычаем скифов, что, по его мнению, «доказывает преемственность между древнеиранскими кочевниками и хазарами VII в.» (Новосельцев А. П. 1990. С. 145). Нам кажется,

что это не совсем так, хотя что-то общее в обычаях скифов и жителей «страны гуннов» просматривается, но это общее может быть связано преемственностью населения Великой степи в древности и раннем средневековье. Геродот пишет: «Те, к кому привезут покойника... отрезают себе часть уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку» (Геродот. С. 271). Как видим, лицо у скифов не надрезывалось. Аммиан Марцеллин, видимо, зная об этом обычае у гуннов, связывал его с определенными действиями, предотвращавшими рост волос на лице мужчин. Он писал, что гунны разрезают щеки детям, чтобы не росли волосы (Аммиан Марцеллин. II. С. 1021).

А. П. Новосельцев с некоторым недоверием относится к данным Мовсеса Каланкатуаци о похоронном обряде, полагая, что автор «порой их искажает, желая показать «хонув» дикарями...» (Новосельцев А. П. 1990. С. 145). Между тем, следы ритуала, сопровождающегося нанесением ран на лицо, как выражение скорби по умершему родственнику зафиксированы этнографами у некоторых народов Дагестана (Пржецлавский П. 1860. С. 297; Гаджиева С. Ш. 1961. С. 281; 1985. С. 294, 298; Агаширинова С. С. 1978. С. 249; Гаджиева С. Ш. и др. 1980. С. 49, 51; Гаджиев Г. А. 1980. С. 39—40; 1991. С. 143; Алимова Б. М. 1992. С. 169, 171). В поэтической форме этот обряд зафиксирован в мифологическом сюжете мекепинцев о «Кьуне». Сообщая путнику горестную весть, «Кьуне» дает ему наказ:

«Пальцы, подобные красному винограду;
Растрясти велела, скажешь,
Волосы подобные красному шелку,
Рвать велела, скажешь,
Щеки, подобные ячменю-виноградинке,
Расцарапать велела, скажешь...»

Алиханова А. А. 1978. С. 157.

2. ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

У гуннов существовал ритуал, включавший в себя своеобразные состязания мужчин, проводившиеся вблизи кладбищ: битвы на мечях и борьба в обнаженном виде. Иллюстрацией этого ритуала может служить изображение, помещенное на дне серебряного ковша VIII—IX вв. (рис. 8) (Даркевич В. П. 1974. Рис. 1.; 1976. Табл. 54(5)). В. П. Даркевич полагает, что ковш является произведением торевтов Хазарии, а изображение на дне — сцена коллективного камлания древних тюрков, описанного у Моисея Каланкатуаци (Даркевич В. П. 1974. Прим. 4). В этом ритуале, возможно, отразился фаллический культ, известный у многих народов. Фаллос, как символ производящих сил природы, символ продолжения жизни, трансформировался у многих народов в символ антипода смерти, а в бытовом понимании он стал символом, противостоящим различным болезням (Ксеиофонтова Р. А. 1981. С. 74). Отголоски фаллического культа зафиксированы у некоторых народов Дагестана в ритуалах, связанных с праздниками встречи весны, первой

борозды (Булатова А. 1980. С. 96; 1984. С. 91; Халилов Х. М. 1984. С. 69).

Рис. 8. Ковш. «Коцкий городок» (низовье р. Оби) VIII-IX вв. (по В. П. Даркевичу). Серебро.

В поминальный обряд гуннов входили также пляски, ритуальное песнопение (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124). Основной функцией танца в представлениях язычников является установление взаимосвязи между пред-

ками и потомками, способствующее приобщению души умершего к коллективу предков (Велецкая Н. Н. 1978. С. 151). Ритуальное песнопение, воспринятое свидетелем погребальной обрядности гуннов как «беснующийся плач», совершалось также с целью облегчения приобщения умершего к сонму предков. Песнопения-причитания в погребальной обрядности некоторых народов Дагестана содержали восхваление качеств умершего, в них перечислялись все предки и проводилась идея приобщения умершего к миру предков (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 281; 1985. С. 299; Гаджиева С. Ш. и др. 1980. С. 50, 63; Джигдалаев Н.-И. С. 1984. С. 156—159; Гаджиев Г. А. 1991. С. 142).

Погребальный ритуал гуннов включал в себя ряд оргиастических действий, имевших эротическую окраску и свидетельствующих о связи культа предков с культами плодородия. К ним относятся отмеченные источником ритуальные игры, сексуальная свобода (Мовсес Каланкатуаци. II. С. 124).

С. А. Токарев, определяя место эротических обрядов в земледельческой деятельности языческих народов, отмечал, что они служили целям матерального благополучия земледельческой общины (Токарев С. А. 1983. С. 104). Видимо, гунны, наделяя предка могучими силами, связывая его со стихийными силами природы, эротическими действиями, выспрашивали у предка, уходящего на «тот свет», плодородия в широком понимании — жизненного плодородия.

Рудименты языческих поминальных танцев можно проследить в погребальном обряде

кумыков «шагъалай», описанном С. Ш. Гаджиевой (Гаджиева С. Ш. и др. 1980. С. 51; Гаджиева С. Ш. 1985. С. 303).

В верованиях многих языческих народов известны ритуальная роль земледельческого оголения, вера в магическую силу обнаженного тела, которое может служить фактором плодородия (Токарев С. А. 1983. С. 104). Достаточно ярко это явление проявилось в погребальных обрядах народов Дагестана, в которых прослеживается вера человека в плодоносящую силу предков. У кумыков зафиксированы факты заголения женщинами верхней части тела во время совершения обряда оплакивания покойника (Пржецлавский П. 1860. С. 297). У лезгин исцеляющим средством для бездетных женщин считались вода, оставшаяся после омовения многолетнего покойника, переход дороги перед похоронной процессией или же под носилками, на которых несли многолетнего покойника, а также хождение вокруг старого кладбища (Гаджиев Г. А. 1980. С. 33—36).

Атрибутом поминального обряда гуннов являлись также конные состязания. Скачки, как составная часть обряда поминания умершего, отмечены у древних тюрков (Бичурин Н. Я. 1950. С. 124; Кляшторный С. Г. 1984. С. 22), а как рудимент языческих верований — у некоторых тюрко-монгольских народов (Липец Р. С. 1982. С. 232), а также народов Дагестана (Дибиров М. А. 1986. С. 210).

3. КУЛЬТ ПРЕДКОВ

Культ плодородия у гуннов был тесно связан с культом предков. В культе предков проявились представления гуннов о душе, загробном мире, и выражался этот культ прежде всего в ритуале погребения и поминания умерших.

Данные «Истории страны алван» дают основание полагать, что могилы знатных предков (вождей племен, военачальников, жрецов) становились местом поклонения. Мовсес Каланкатуаци среди языческих святынь, уничтоженных во время христианизации гуннов, называет также «царские гробницы» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 206). В огне сгоревших «царских гробниц», погибли «скверные кожи жертвенных чучел» (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 206). Возможно, что здесь идет речь о мумиях особо почитаемых предков. У арабских поэтов и историков IX—XIII вв. приводятся данные о том, что убитый в сражении за г. Беленджер знаменитый арабский полководец Сальман не был захоронен, как все погибшие воины. Гроб с его телом был помещен в храм, и жители города во время засухи выносили гроб, снимали крышку и выспрашивали у богов дождь. Убитому знаменитому врагу жители Беленджера приписывали магическую силу, помогающую живым в их земных делах. Видимо, и жители Варачана с помощью мумий почитаемых предков выспрашивали у богов благополучие и богатство своей стране (Мовсес Каланкатуаци. I. С. 200).

Отголоски культа поклонения предкам зафиксированы в этнографической действительности многих народов. Почитаемым предкам многие народы Дагестана приписывали функцию вызывания дождя (Булатова А. 1980. С. 97, 101—103; Гаджиев Г. А. 1980. С. 43; 1991. С. 78, 80; Алимова Б. М. 1992. С. 78), помощи во время несчастий, исцеления людей и животных от болезней, детородной способности женщин (Гаджиева С. Ш. 1961. С. 332).

Погребальная обрядность гуннов Дагестана, зафиксированная в «Истории страны алван», архитектура поминальных сооружений, значительная часть поминальных культов в деталях совпадают с описанной в китайских источниках погребальной обрядностью центральноазиатских тюрков. Это свидетельствует, на наш взгляд, о том, что похоронная обрядность пришлого тюркоязычного населения практически не подверглась идеологическому влиянию со стороны местного земледельческого населения. Тюркоязычные племена Восточного Предкавказья почти полностью сохранили многовековые традиции погребальной обрядности, сложившиеся на просторах центральноазиатской прародины, и, видимо, обряд захоронения, свойственный гунно-булгарам, к концу VII в. н. э. становится господствующим в среде населения «страны гуннов» Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Агафангел.—Патканьян К. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями / Тр. ВОИ РАО. СПб., 1869. Ч. 14.

Агафий.—Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М.; Л., 1953.

Аммиан Марцеллин. I. — Аммиан Марцеллин. Книга 23-я / Пер. В. В. Латышева. // ВДИ. 1949. № 3.

Аммиан Марцеллин. II. — Аммиан Марцеллин. История / Пер. Ю. А. Кулаковского. Киев, 1908.

Аполлинарий Сидоний. — Аполлинарий Сидоний. Стихотворения. II. Панегирик, сказанный Антемию Августу, вторично консулу / Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4.

Армянская география. I. — Армянская география VII в. по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому) / Пер. К. П. Патканова. СПб., 1877.

Армянская география. II. — К. Патканов. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому / ЖМНП. 1883. Март.

ал-Балхи. — Абу Зейд эль-Балхи / Пер. Д. А. Хвольсона // Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даства, неизвестного доселе арабского писателя начала X века. СПб., 1869.

ал-Белазури. — Из соч. Баладзори «Книга завос-

вания стран» / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. 3.

Вардан Великий. — Всеобщая история Вардана Великого / Пер. Н. Эмина. М., 1861.

ал-Гарнати. I. — Муриб ан бад аджанб ал-Магриб (Ясное изложение некоторых чудес Магриба) / Пер. О. Г. Большакова // Путешествие Абу Халида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131--1153 гг.). М., 1971.

ал-Гарнати. II. — Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-аджаб (Подарок умам и выборки диковинок) / Пер. О. Г. Большакова // Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 -- 1153 гг.) М., 1971.

Гевонд. — История халифов Вардапета Гевонда, писателя VIII века / Пер. К. Патканьян, СПб., 1862.

Геродот. — Геродот. «Истории» / Пер. Е. А. Бесмертного // ВДИ. 1947. № 2.

Дербенд-наме. I. — Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме» (к вопросу об изучении) / Пер. А. Р. Шихсаидова // Восточные источники по истории Дагестана. Мах., 1980.

Дербенд-наме. II. — Акташи Мухаммед Аваби. Дербенд-наме / Пер. Г. М.-Р. Оразаева. Мах., 1992.

Дербенд-наме. III. — Шихсаидов А. Р., Айтбеков Т. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения / Пер. Г. М.-Р. Оразаева. М., 1993.

Дионисий. — Дионисий. Описание населенной земли / Пер. И. П. Цветкова // ВДИ. 1948. № 1.

Егише. — Егише. О Вардане и войне армянской / Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971.

Евсевий Иероним. — Евсевий Иероним. Письмо 77. К Океану. О смерти Фабюлы; Письмо 60. К Геллиодору / Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4.

Зосим. — Зосим. Новая история / Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4.

Ибн ал-Асир. — Из Тарих ал-Камиль (полный свод истории) Ибн ал-Асира / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1940.

Ибн Русте. — Ибн Русте. Ал-Алак ан-нафиса / Пер. В. Ф. Минорского // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. Приложение IV. Ибн Русте о Дагестане. М., 1963.

Ибн ал-Факих. — Ибн ал-Факих. Из «Книги о странах» / Пер. Н. А. Караулова // Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1902. Вып. XXXI.

Ибн Хаукаль. — Ибн Хаукаль. Из «Книги путей и царств» / Пер. Н. А. Караулова // Сведения арабских географов IX—X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

Ибн Хордадбех. — Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер., комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку. 1986.

Иешу Стилит. — Хроника Иешу Стилита. Летописная повесть о несчастиях, бывших в Эдессе, Амиде и во всей Месопотамии / Пер. Н. Пигулевской // Пигулевская Н. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник. М., Л., 1940.

Иосиф I. — Ответное письмо хазарского царя Иосифа (краткая редакция) / Пер. П. К. Коковцева // Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Иосиф II. — Ответное письмо хазарского царя Иосифа (пространная редакция) / Пер. П. К. Коковцева // Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

ал-Истахри. — ал-Истахри. Из «Книги путей царств» / Пер. Н. А. Караулова // Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1901. Вып. XXIX.

ал-Иа'куби.—Я.Куби. История. / Пер. П. К. Жузе // Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927. Вып. IV.

Клавдий Клавдиан. — Клавдий Клавдиан. На Руфина. Книга I и II / Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4.

Клавдий Птолемей. — Клавдий Птолемей. Географическое руководство / Пер. И. П. Цветкова // ВДИ. 1948. № 2.

ал-Куфи.—ал-Куфи. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII — IX вв.) / Пер. З. М. Бунятова. Баку, 1981.

Леонти Мровели. — Мровели Леонти. Жизнь карглийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. Г. В. Цулая. М., 1979.

ал-Мас'уди. I. — Масуди. Из книги «Луга золота и рудники драгоценных камней» / Пер. Н. А. Караулова // Сведения арабских географов IX—X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

ал-Мас'уди. II. — Масуди. Мурудж ад-Дзахаб (Россыпи золота) (Глава XVII) / Пер. В. Ф. Минорского // История Ширвана и Дербенда X—XI веков. Приложение III. Масуди о Кавказе. М., 1963.

ал-Мас'уди. III. — Масуди. Из «Книги сообщений и знаний» / Пер. Н. А. Караулова // Сведения арабских географов IX—X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

Менандр Византиец. (Протиктор). — Меландра Византийца продолжение истории Агафиевой / Пер. С. Дестуниса // Византийские историки. СПб., 1860.

Мовсес Каланкатуаци. I. — История агван Моисея Каганкатваци, писателя X в. / Пер. К. Патканьян. СПб., 1861.

Мовсес Каланкатуаци. II. — Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984.

Моисей Хоренский. — История Армении Моисея Хоренского / Пер. Н. О. Эмина. М., 1893.

ал-Мукаддаси. — ал-Мукаддаси. Из книги «Лучшее из делений для познания климатов» / Пер. Н. А. Караулова // Сведения арабских географов IX—X веков о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII.

П. В. Л. — Повесть временных лет. М., Л., 1950. Т. I.

Приск Панийский. — Приск Панийский. Готская история / Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1948. № 4.

Присциан. — Присциан. Землеописание / Пер. И. П. Цветкова // ВДИ. 1949. № 4.

Прокопий Кесарийский. I а. — Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами в двух книгах / Пер. С. Дестуниса. Кн. I. СПб., 1876.

Прокопий Кесарийский. I б. — Прокопия Кесарийского История войн римлян с персами / Пер. С. Дестуниса. Кн. 2. СПб., 1880.

Прокопий Кесарийский. II. — Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.

Псевдо-Захария. — Хроника Захарии Ритора (Митиленского) / Пер. Н. Пигулевской // Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.

Руфий Фест Аввиен. — Руфий Фест Аввиен. Описание земного круга / Пер. В. В. Латышева // ВДИ. 1949. № 4.

Себеос. — История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII в. / Пер. К. Патканьян. СПб., 1862.

Степанос Таронский. — Всеобщая история Степаноса Таронского (Асохика) / Пер. Н. Эмина. М., 1864.

ат-Табари. I. — Дори. Известия о хазарах восточ-

ного историка Табари, с отрывками из Гафис-Абру, Ибн-Алзем-Эль-Куфи и др. / Пер. П. Тяжелова / / ЖМНП. 1944, август.

ат-Табари. II. — Шихсаидов А. Р. Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа / Пер. А. Р. Шихсаидова // Памятники истории и литературы Востока. М., 1986.

Тарих ал-Баба. — История Ширвана и ал-Баба / Пер. В. Ф. Минорского // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963.

Фавстос Бузанд. — История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. М. А. Геворгяна / / Памятники древнеармянской литературы. Ереван, 1953.

Феофан Византиец. — Выписки из истории Феофана / Пер. С. Дестуниса / / Византийские историки. СПб., 1860.

Феофан Исповедник. — Феофан Исповедник. Хронография / Пер. и комментарии И. С. Чичурова / / Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

Феофилакт Симокатта. — Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. М. 1957.

Флавий Вегетий Ренат. — Флавий Вегетий Ренат. Краткий очерк военного дела / Пер. В. В. Латышева / / ВДИ. 1949. № 4.

Худуд. — Худуд ал Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930.

Юлий Гонорий. — Юлий Гонорий. Описание мира / Пер. В. В. Латышева / / ВДИ. 1949. № 4.

ТРУДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Абдуллаев И. Х. 1976. Словообразовательные модели ойконимов Дагестана / / Ономастика Кавказа. Мах.

Агаширинова С. С. 1978. Материальная культура лезгин XIX—начала XX вв. М.

Акопян А. А. 1987. Албания — Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван.

Алексеев Н. А. 1980. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибир.

Алимова Б. М. 1977. Брак и свадебные обычаи кумыков в прошлом и настоящем (конец XIX—XX вв.) Автореф. дис... канд. ист. наук. Л.

Алимова Б. М. 1992. Табасаранцы. XIX — начало XX в. Мах.

Алиханова А. А. 1978. Древние сюжеты в преданиях аула Мекеги // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Мах.

Артамонов М. И. 1936. Очерки древнейшей истории хазар. Л.

Артамонов М. И. 1962. История хазар Л.

Атаев Д. М., Магомедов М. Г. 1974. Андрейаульское городище // Древности Дагестана. Мах.

Ашурбейли С. Б. 1983. Государство Ширваншахов (VI—XVI вв.). Баку.

Банк А. 1966. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М.

Бартольд В. В. 1963. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. М. Т. II. Ч. I.

Бартольд В. В. 1973. К вопросу о происхождении «Дербенд-наме». Соч. М. Т. VIII.

Баскаков Н. А. 1960. Тюркские языки. М.

Бернштам А. Н. 1951. Очерк истории гуннов. Л.

Бичурин Н. Я. 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.

Бромлей Ю. В. 1983. Очерки теории этноса. М.

Бромлей Ю. В., Козлов В. И. 1987. Этносы и этнические процессы как предмет исследования // Этнические процессы в современном мире. М.

Булатова А. 1971. Лакцы. Мах.

Булатова А. 1980. О некоторых семейных и общесельских обрядах народов горного Дагестана в XIX—нач. XX в., связанных с весенне-летним календарным циклом. // Семейный быт народов Дагестана. Мах.

Булатова А. 1984. Идеологические представления аварцев, нашедшие отражение в празднике первой борозды (XIX—нач. XX в.) // Мифология народов Дагестана. Мах.

Велецкая Н. Н. 1978. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.

Вернадский Г. В. 1992. Древняя Россия. /Пер. и комментарии А. Х. Бекузарова // Аланы ч Кавказ. Влад.

Высотская Т. Н. 1979. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев.

Гаджиев Г. А. 1980. Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных обрядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана. Мах.

Гаджиев Г. А. 1991. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М.

Гаджиев М. С. 1990. К локализации Вараचना // XVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тез. докл.) Ставро.

Гаджиева С. Ш. 1959. Брак и свадебные обряды у кумыков в XIX—нач. XX в. // Уч. зап. ИИЯЛ Даг филиала АН СССР. Мах. Т. VI.

Гаджиева С. Ш. 1961. Кумыки. М.

Гаджиева С. Ш. 1985. Семья и брак у народов Дагестана в XIX—начале XX в. М.

Гаджиева С. Ш., Аджиев А. М. 1980. Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов. Дагестана. Мах.

Гадло А. В. 1979. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.

Гадло А. В. 1980. Религиозная реформа в «стране гуннов» в VII в. как выражение социального конфлик-

та периода становления классового общества // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Тез. докл. Мах.

Генко А. Н. 1941. Арабский язык и кавказоведение: Труды второй сессии ассоциации арабистов. М.; Л.

Гмыря Л. Б. 1979. Социальный состав гуннского общества (VI—VII вв.) // II Конференция молодых ученых Дагфилиала АН СССР. Тез. докл. Мах.

Гмыря Л. Б. 1980. Некоторые сведения о гуннах в Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Мах.

Гмыря Л. Б. 1986. Языческие культы у гуннов Северо-Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Мах.

Гмыря Л. Б. 1987. Погребальный обряд Паласа-сыртского могильника (этно-социальная интерпретация) // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Мах.

Гмыря Л. Б. 1988. Об общественных отношениях у гуннов Северо-Восточного Кавказа VI—VII вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Мах.

Гмыря Л. Б. 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Мах.

Грач А. Д. 1980. Древние кочевники в центре Азии. М.

Гумилев Л. Н. 1966. Открытие Хазарии (Историко-географический этюд). М.

Гумилев Л. Н. 1992. Древняя Русь и Великая степь. М.

Гумилев Л. Н. 1993. Древние тюрки. М.

Даркевич В. П. 1960. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси. СА. № 4.

Даркевич В. П. 1974. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // КСИА. М. в. 140.

Даркевич В. П. 1976. Художественный металл Востока. VIII—XIII вв. М.

Джафаров Ю. Р. 1981. Гунны и Азербайджан. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.

Джафаров Ю. Р. 1985. Гунны и Азербайджан. Баку.

Джидалаев Н.-И. С. 1984. Заметки о двух древнебулгарских магических терминах // Мифология народов Дагестана, Мах.

Джидалаев Н.-И. С. 1990. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. М.

Дибиров М. А. 1986. Сущность и генезис поминальных игр народов Кавказа // Тез. док. на Всесоюзной сессии по итогам полевых этнограф. и антропол. исслед. 1984—1985. Йошкар-Ола.

Дьяконов М. М., 1961. Очерк истории древнего Ирана. М.

Еремян С. Т. 1939. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки института Востоковедения АН СССР. М.; Л. Т. VII.

Засецкая И. П. 1994. Культура кочевников Южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.). СПб.

Заходер Б. Н. 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, Горган и Поволжье в IX—X вв. М.

Зильфельдт-Симумяги. А. Р. 1988. К вопросу о языке хазар (1937) // Советская тюркология. № 6.

История Византии. 1967. М. Т. I.

История Дагестана. 1967. М. Т. I.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. 1988. М.

Ихиллов М. М. 1961. Семья и быт у табасаранцев в конце XIX—нач. XX в. // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Мах. Т. IX.

Кляшторный С. Г. 1981. Пантеон северокавказских гуннов и его связи с мифологией древних тюрков Центральной Азии // Культурные взаимосвязи наро-

дов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М.

Кляшторный С. Г. 1983. Гуннская держава на Востоке (III в. до н. э. — IV в. н. э.) // История древнего мира. Упадок древних обществ. М.

Кляшторный С. Г. 1984. Праболгарский Тангра и древнетюркский пантеон // Сборник в память о проф. Станчо Ваклинов. София.

Котович В. Г. 1974 а. О местоположении ранне-средневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Мах.

Котович В. Г. 1974 б. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера // Древности Дагестана. Мах.

Крачковский И. Ю. 1957. Арабская географическая литература. Изб. соч. М.; Л. Т. 4.

Ксенофонтова Р. А. 1981. Фольклорно-культурные образцы японской гончарной продукции начала XX в. // Материальная культура и мифология. Л.

Кудрявцев А. А. 1976. Город, не подвластный векам. Мах.

Кудрявцев А. А. 1979. «Длинные стены» на Восточном Кавказе // В. И. № 11

Кузнецов В. А. 1984. Очерки истории алан. Ордж.

Курбанов К. Э. 1974. Брак и свадебные обряды у цахуров в XIX—нач. XX в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Мах.

Ларов Л. И. 1958. Тарки до XVIII в. // Уч. зап. ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Мах. Т. IV.

Лазарев Я. 1859. О гуннах Дагестана. Тифлис.

Липец Р. С. 1982. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М.

Магомедов М. Г. 1983. Образование Хазарского каганата. М.

Мамедова Фарида. 1977. «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку.

Маммаев М. М. 1967. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива // Уч. зап. НИЯЛ. Мах. Т. 17.

Маммаев М. М. 1976. О христианских символах и сюжетах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана // Дагестанское искусствознание. Мах.

Микаилов К. Ш. 1976. Рубас и Самур. // Ономастика Кавказа. Мах.

Минорский В. Ф. 1963. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М.

Мифология. 1984. — Мифология народов Дагестана. Мах.

Мкрян М. М. 1969. Мовсес Хоренаци. Ереван.

Нечаева Л. Г. 1975. О жилище кочевников юга Восточной Европы в железном веке (I тыс. до н. э. — первая пол. II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.

Новосельцев А. П. 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.

Новосельцев А. П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Пигулевская Н. В. 1940. Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилита как исторический источник // Тр. ИВ. Т. 31. М.; Л.

Пигулевская Н. 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.

Плетнева С. А. 1986. Хазары. М.

Покровская Л. В. 1983. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.

Потапов Л. П. 1991. Алтайский шаманизм. Л.

Пржецлавский П. 1860. Нравы и обычаи в Даге-

стане // Военный сборник. № 4.

Путинцева Н. Д. 1961. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // МАД. Мах. Т. 2.

Решетов А. М. 1981. Дракон в культурной традиции китайцев // Материальная культура и мифология. Л.

Рыбаков Б. А. 1952. Русь и Хазария (К исторической географии Хазарии) // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидес. М.

Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. М.

Сагалаев А. М. 1991. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибир.

Севортян Э. В. 1974. Этимологический словарь тюркских языков. М.

Сычев Л. П. 1972. Традиционное воплощение принципа иньян в китайском ритуальном одеянии // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.

Словарь античности. 1989. М.

Современная культура. 1971. — Современная культура и быт народов Дагестана. М.

Токарев С. А. 1983. Эротические обычаи // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.

Токарев С. А., Филимонова Т. Д. 1983. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.

Тревер К. В. 1959. Очерки по истории и культуре —Кавказской Албании. IV в. до н. э.—VII в. н. э. М.; Л.

Тюрко-дагестанские языковые контакты. 1982. Мах.

Удальцова З. В. 1967. Источники по истории Византии IV—первой половины VII в. // История Византии. М. Т. I.

Удальцова З. В. 1984. Развитие исторической мысли // Культура Византии. IV — первая половина VII в. М.

Федоров Я. А. 1972. Хазария и Дагестан // Краткий этнографический сборник. М. в. 5.

Федоров Я. А., Федоров Г. С. 1978. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.

Хазанов А. М. 1975. Социальная история скифов М.

Халидова М. Р. 1984. Мифологические образы в устной прозе народов Дагестана // Мифология народов Дагестана. Мах.

Халилов Х. М. 1984. Отражение языческих представлений в обряде и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана. Мах.

Чичуров И. С. 1980. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.

Шихсаидов А. Р. 1957. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Уч. зап. Дагфилиала АН ССР. Мах. Т. 3. История.

Шихсаидов А. Р. 1969. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Мах.

Энгельс Ф. 1982. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВИ — Вопросы истории. М.

Влад. — Владикавказ.

ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения. СПб.

ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы

МАД — Материалы по археологии Дагестана.

Мах. — Махачкала

Новосиб. — Новосибирск

Ордж. — Орджоникидзе

ПВЛ — Повесть временных лет

Ставр. — Ставрополь

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис

Тр. ВОИ РАО — Труды Восточного отделения императорского русского археологического общества, СПб.

Тр. ИВ — Труды Института востоковедения. М.; Л.

Уч. зап. — Ученые записки

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	4
-----------------------	---

ДРЕВНИЕ АВТОРЫ О ПРИКАСПИЙСКОМ ДАГЕСТАНЕ

1. Античные и ранневизантийские писатели	8
2. Сирийские хронографы и историки	19
3. Армянские историки	22
4. Албанские историки	26
5. Арабские географы и историки	30

КАСПИЙСКАЯ СТРАНА

1. Пределы гуннов (II—IV вв.)	46
2. Страна гуннов (V—VII вв.)	54
3. Полигические центры Прикаспия в VIII в.	66

КАСПИЙСКИЕ НАРОДЫ

1. Население «страны гуннов»	91
2. Самоназвание жителей «страны гуннов»	101
3. Язык населения «страны гуннов»	103
4. Внешний облик гуннов Прикаспия	106

ЭКОНОМИКА СТРАНЫ ГУННОВ

1. Скотоводство, промыслы, земледелие	115
2. Ремесло и торговля	119
3. Война как средство обогащения	127

ГОРОДА В СТРАНЕ ГУННОВ

1. Города	134
2. Дома жителей	156

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГУННОВ

1. Становление Гуннского союза	164
2. Сила и слабость власти царя гуннов	166
3. Ближайшее окружение царя	171

ВОЙСКО И ВОЙНА

1. Войско гуннов	174
2. Вооружение воина и снаряжение	178
3. Тактика сражений	184
4. Военные походы и военное содействие	187
5. Гунны Прикаспия и арабо-хазарские войны	204

ПОДДАННЫЕ «ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ» ГУННОВ

1. Простолюдины	207
2. Население подвластных территорий	209
3. Рабы	210
4. Семья и брак	212

БОГИ И КУЛЬТЫ

1. Божества природы	219
2. Культ плодородия	221
3. Бог Тенгри-хан	237
4. Амулеты и фетиши	239
5. Жрецы и служители культов	241

НА ПУТИ К МИРОВЫМ РЕЛИГИЯМ

1. Христианство	244
2. Ислам и иудаизм	253

ПОГРЕБЕНИЕ

1. Погребальный обряд	259
2. Поминальные обряды	263
3. Культ предков	267
ЛИТЕРАТУРА	269
ТРУДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	274
СОКРАЩЕНИЯ	282
СОДЕРЖАНИЕ	284

Людмила Борисовна Гмыря

СТРАНА ГУННОВ У КАСПИЙСКИХ ВОРОТ

Редактор *З. Алисултанова*

Художник *М. Левченко*

Технический редактор *С. Амирханова*

Художественный редактор *М. Левченко*

Корректор *Р. Канаева*

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Сдано в набор 25.03.95. Подписано в печать 20.09.95.
Формат 70x90^{1/32}. Бумага офсетн. № 2. Гарнитура «Ли-
тературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,53. Уч.-изд.
л. 10,3. Тираж 500. Заказ 162. Цена договорная.

Дагестанское книжное издательство
Министерства информации и печати РД
367025, Махачкала, ул. Пушкина, 6

Типография им. С. М. Кирова
Министерства информации и печати РД
367025, Махачкала, ул. Маркова, 51